
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА
№ 9 ФЕВРАЛЬ 1984

ПРАВОФЛАНГОВЫЕ

Их — 1624, передовых коллективов городов и сел, признанных Центральным Комитетом КПСС, Советом Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ победителями во Всесоюзном социалистическом соревновании в 1983 году.

Все они увенчаны высокими наградами — переходящими Красными знаменами ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ.

Но и в этой когорте славных выделены лучшие из лучших — 764 коллектива, чья трудовая доблесть отмечена еще одним отличием — они занесены на Всесоюзную доску почета на ВДНХ СССР. Среди них и Московский ордена Трудового Красного Знамени комбинат твердых сплавов имени С. П. Соловьева. Металлурги с радостью встретили сообщение о том, что их коллектив в числе лучших предприятий столицы признан победителем Всесоюзного социалистического соревнования. Уверенный темп взят здесь и с самого начала четвертого года пятилетки. В цехах комбината, выпускающего важнейшую продукцию для многих десятков заводов-смежников, для буровых установок и других объектов, делается все для того, чтобы с честью выполнить намеченные планы.

На снимке: «молния» — в честь победителей.

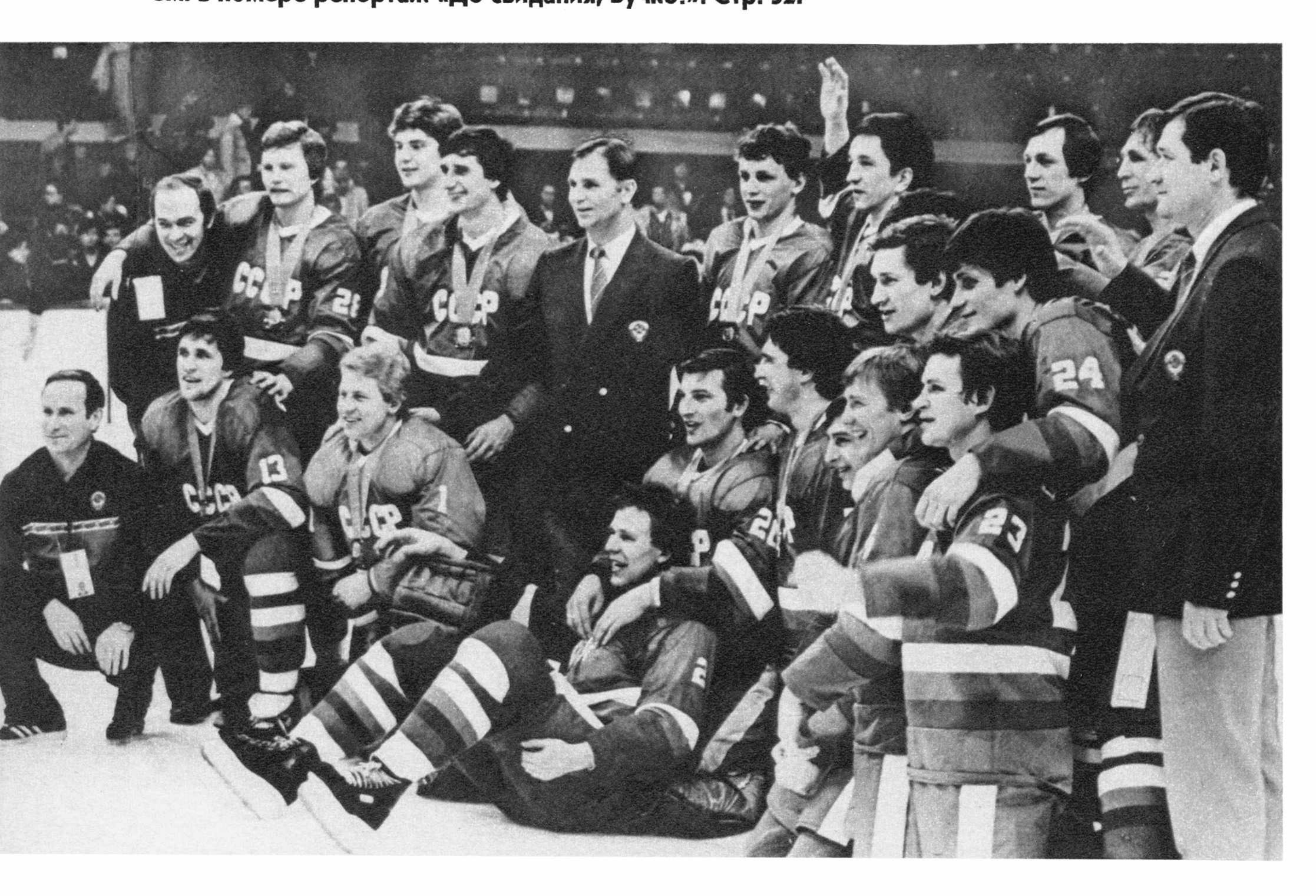
Фото М. Савина

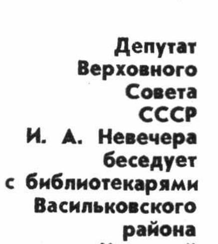
МО-ЛОД-ЦЫ!

Советская хоккейная команда вернула себе звание олимпийских чемпионов.

См. в номере репортаж «До свидания, Вучко!». Стр. 32.

ФОТО НЕДЕЛИ

Депутат Верховного Совета СССР И. А. Невечера беседует с библиотекарями Васильковского района Киевской области.

Фото Н. Козловского

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 9 (2954)

25 ФЕВРАЛЯ 1984

В НОМЕРЕ:

Продолжаются встречи избирателей с кандидатами в депутаты Верховного Совета СССР.

Второй раз выдвигают земляки своим посланцем в высший орган государственной власти Ирину Алексеевну Невечеру — бригадира газосварщиков из города Василькова Киевской области. Фоторепортаж С. Калиничева и Н. Козловского «Ее повседневные хлопоты» — стр. 28.

Страна отмечает 30-летие начала освоения целинных и залежных земель.

Подвигу братских советских народов посвящены цветная фотовкладка, публицистическая статья Н. Быкова «Целина: подвиг и уроки», очерк Ю. Лушина «Остаюсь навсегда» — стр. 12—16.

Участники «круглого стола» «Огонька» ведут разговор о проекте школьной реформы.

Беседа «Труд и нравственность» — стр. 26, 27.

О невероятной истории, которая произошла с футболистом Ящиковым

спортивно-фантастическая повесть Н. Елина и В. Кашаева «Жертва Бермудского треугольника» — стр. 22—25.

14 февраля. Кремль. Во время встречи глав иностранных делегаций с руководителями Коммунистической партии и Советского правительства.

Беседа К. У. Черненко с Ф. Кастро

15 февраля состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС К. У. Черненко с Первым секретарем ЦК Компартии Кубы, Председателем Государственного совета и Совета Министров Республики Куба Фиделем Кастро Рус. В беседе приняли участие член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, секретарь ЦК КПСС К. В. Русаков и член Политбюро ЦК Компартии Кубы, заместитель Председателя Государственного совета и Совета Министров Республики Куба К. Р. Родригес.

К. У. Черненко сердечно поблагодарил Ф. Кастро за выраженное им от имени коммунистов и всего народа Кубы глубокое соболезнование в связи с кончиной Ю. В. Андропова.

В ходе беседы были обсуждены вопросы дальнейшего развития и укрепления советско-кубинского сотрудничества. Состоялся также обмен мнениями по актуальным проблемам современной международной обстановки. С советской стороны была подтверждена неизменная солидарность с кубинским народом, мужественно противостоящим агрессивным проискам американского империализма.

Беседа прошла в обстановке братской дружбы, сердечности и полного взаимопонимания.

Беседа К. У. Черненко с Чыонг Тинем

15 февраля Генеральный секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко принял члена Политбюро ЦК Коммунистической партии Вьетнама, Председателя Государственного совета СРВ Чыонг Тиня. В беседе приняли участие член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко и секретарь ЦК КПСС К. В. Русаков.

К. У. Черненко выразил признательность вьетнамскому руководству, всему вьетнамскому народу за глубокие соболезнования в связи с кончиной Ю. В. Андропова.

В ходе обмена мнениями была выражена обоюдная решимость крепить и развивать дружбу и сотрудничество КПСС и КПВ, советского и вьетнамского народов на основе марксизма-ленинизма и социалистического интернационализма.

Советский Союз и Вьетнам считают своим долгом последовательно продолжать свою борьбу за упрочение мира и безопасности народов. К. У. Черненко и Чыонг Тинь отметили важность усилий по укреплению отношений добрососедства и сотрудничества на азиатском континенте, превращения Юго-Восточной Азии в зону мира и стабильности.

Встреча прошла в обстановке братской дружбы и полного единства взглядов.

Беседа К. У. Черненко с Д. Ортегой

15 февраля состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС К. У. Черненко с членом Национального руководства Сандинистского фронта национального освобождения, координатором Руководящего совета правительства Национального возрождения Никарагуа Даниэлем Ортегой. Во встрече приняли участие член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко и министр иностранных дел Никарагуа М. Д'Эското.

К. У. Черненко выразил признательность за переданные Д. Ортегой соболезнования народа и правительства Никарагуа в связи с кончиной Ю. В. Андропова.

В ходе краткого обмена мнениями особое внимание было уделено положению в Центральной Америке. В этой связи с обеих сторон было высказано решительное осуждение стремления Вашингтона нагнетать напряженность, вмешиваться во внутренние дела стран этого района, навязывать им свои порядки. Была подчеркнута необходимость достижения справедливого политического урегулирования на основе уважения права каждого народа самому определять свою судьбу.

К. У. Черненко заявил о твердой поддержке советским народом правого дела народа Никарагуа, отстаивающего свободу и независимость своей родины.

В беседе, прошедшей в атмосфере дружбы и солидарности, участвовали также: с советской стороны — помощники Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров и В. В. Прибытков; с никарагуанской стороны — секретарь Национального руководства СФНО Р. Нуньес и посол Никарагуа в СССР Х. Суарес.

Встреча К. У. Черненко с Б. Кармалем

Генеральный секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко встретился 15 февраля в Кремле с Генеральным секретарем ЦК Народно-демократической партии Афганистана, Председателем Революционного совета ДРА Б. Кармалем, прибывшим на похороны Ю. В. Андропова. В беседе принял участие член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР,

Фото Дм. Бальтерманца и А. Гостева

министр иностранных дел СССР А. А. Громыко.

Состоялась беседа, прошедшая в теплой, дружеской обстановке. К. У. Черненко и Б. Кармаль коротко обменялись мнениями по принципиальным вопросам советско-афганских отношений и ситуаций вокруг Афганистана.

С обеих сторон было выражено удовлетворение традиционными дружественными отношениями, существующими между КПСС и НДПА, Советским Союзом и Афганистаном, и было заявлено о стремлении к их дальнейшему всемерному развитию и укреплению.

Беседа К. У. Черненко с Премьер-Министром Канады

15 февраля Генеральный секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко принял в Кремле Премьер-Министра Канады П. Э. Трюдо и имел с ним беседу, в которой принял участие член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко.

К. У. Черненко выразил П. Э. Трюдо признательность советского руководства за уважение, проявленное правительством и народом Канады к памяти Ю. В. Андропова.

В ходе беседы с обеих сторон была высказана серьезная озабоченность возросшей напряженностью в мире. В этой связи была подтверждена готовность Советского Союза и Канады прилагать усилия, имеющие целью возврат на путь разрядки, создание и поддержание доверия в отношениях между государствами.

С советской стороны было подчеркнуто, что СССР выступает за политический диалог со всеми странами, который должен вестись на справедливой, равноправной основе и быть нацелен на достижение конкретных договоренностей.

Было также высказано обоюдное намерение использовать имеющиеся резервы для расширения и углубления двусторонних отношений между СССР и Канадой.

В беседе участвовали также: с советской стороны — помощники Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров и В. В. Прибытков; с канадской стороны — генеральный директор отдела МИД Канады П. Хэнкок и посол Канады в СССР П. Робертс.

Беседа К. У. Черненко с Ю. Цеденбалом

Генеральный секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко встретился 17 февраля с Генеральным секретарем ЦК МНРП, Председателем Президиума Великого Народного хурала МНР Ю. Цеденбалом. В беседе приняли участие член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, секретарь ЦК КПСС К. В. Русаков.

К. У. Черненко выразил сердечную признательность за переданные Ю. Цеденбалом глубокие соболезнования всего монгольского народа в связи с кончиной Ю. В. Андропова.

Руководители двух братских партий с удовлетворением отметили успешное развитие всестороннего сотрудничества между КПСС и МНРП, СССР и МНР, подчеркнули волю и решимость советских и монгольских коммунистов делать все для дальнейшего укрепления традиционной советско-монгольской дружбы и тесного сотрудничества.

Обмен мнениями подтвердил полное совпадение позиций СССР и МНР по всем принципиальным проблемам международного положения, включая положение на азиатском континенте.

Беседа прошла в атмосфере братской дружбы и сердечности.

Беседа К. У. Черненко с Д. Рациракой

17 февраля Генеральный секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко встретился в Кремле с Генеральным секретарем партии Авангард малагасийской революции (АРЕМА), Президентом Демократической Республики Мадагаскар Д. Рациракой.

Между ними состоялась дружественная беседа, в которой участвовали член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко и министр иностранных дел Мадагаскара Ж. Бемананджара.

Д. Рацираке была высказана признательность за выраженное им глубокое соболезнование народа и правительства Мадагаскара в связи с кончиной Ю. В. Андропова.

Имел место краткий обмен мнениями по ряду вопросов советско-малагасийских отношений. При этом с обеих сторон было подтверждено стремление к их дальнейшему развитию и углублению.

В беседе были затронуты также некоторые международные проблемы, касающиеся, в частности, положения в районе Индийского океана. Стороны подтвердили свое обоюдное намерение продолжать добиваться превращения Индийского океана в зону мира.

На беседе присутствовали также помощник Генерального секретаря ЦК КПСС В. В. Шарапов и посол Мадагаскара в СССР Ф. Рандриамамундзи.

В. С. ЧИЧЕРОВ,
бригадир слесарей-сборщиков объединения турбостроения «Ленинградский металлический завод», дважды Герой Социалистического Труда, член ЦК КПСС, делегат XXVI съезда КПСС, депутат Верховного Совета РСФСР

Памятным событием в жизни коммунистов, всех советских людей останется внеочередной февральский Пленум Центрального Комитета КПСС, яркая, проникнутая высоким чувством ответственности за судьбы страны, мира речь товарища К. У. Черненко. Единодушным было решение Пленума ЦК КПСС избрать Генеральным секретарем ЦК нашей партии Константина Устиновича Черненко — выдающегося деятеля Коммунистической партии и Советского государства, верного соратника таких руководителей ленинского типа, какими были Леонид Ильич Брежнев и Юрий Владимирович Андропов. Это решение и у нас в стране и за рубежом справедливо воспринято как свидетельство преемственности в политике партии.

Преемственность!.. В одном из пролетов гидротурбинного цеха нашего объединения установлен необычный памятник — похожее на чашечку цветка рабочее колесо первой советской гидравлической турбины, выпущенной заводом в 1924 году. Мощностью она по тем временам обладала немаленькой — 370 киловатт, сделана была на совесть и на долгие годы. А когда вышел срок, колесо ее вернулось к нам. Это колесо я могу поднять один; а вся турбина, отправляясь к заказчику, спокойно разместилась на обычной телеге. Так мы начинали.

Могли ли наши деды тогда мечтать, что всего через несколько десятилетий их внуки соберут самую крупную на земле «турбину века» мощностью 1 миллион 200 тысяч киловатт — неизмеримо сильнее и сложнее в техническом отношении своей далекой «прабабушки»!

5 марта мы будем отмечать 55-летие со дня опубликования «Правдой» обращения «Красного выборжца» к коллективам родственных предприятий, ко всем рабочим СССР с призывом начать всесоюзную перекличку с целью борьбы за снижение себестоимости продукции.

В музее «Красного выборжца» (расположенного, кстати, по соседству с нами), рядом с фотокопией знаменитой ленинской статьи «Как организовать соревнование?» бережно хранится исписанный старательным, неумелым почерком лист: «Мы, обрубщики по алюминию, вызываем на социалистическое соревнование по поднятию производительности труда, снижению себестоимости следующие разработки: чистоделов, обрубку красной меди, шабровку и разработку трамвайных дуг. Мы, со своей стороны, снижаем на 10 процентов расценки по обрубке и примем все меры для повышения производительности труда на 10 процентов. Мы вызываем вас принять наш вызов и заключить с нами договор...»

В этих вошедших в историю словах бригады М. Е. Путина заключена энергия невероятной мощи. Почин красновыборжцев отвечал сокровенным чаяниям каждого и потому был подхвачен цехом, заводом, городом, страной.

Сколько таких починов рождало и рождает наше время!

«Уметь вовремя увидеть и поддержать народную инициативу, причем в самом широком смысле — от хозяйского, творческого отношения к делу на рабочем месте до активного участия в управлении государством, обществом,— в этом величайший, можно сказать, неисчерпаемый резерв нашего прогресса,— подчеркнул в своей речи на Пленуме ЦК КПСС товарищ К. У. Черненко.— Каждым крупным своим достижением наша экономика в той или иной мере обязана творческим починам трудовых коллективов, их собственным, как принято говорить, встречным планам».

И тут я не могу не вспомнить, что первый в стране встречный промфинплан выдвинула комсомольско-молодежная бригада Петра Старосельцева с нашего завода. Песня из кинофильма «Встречный», посвященного этому событию, стала жизнеутверждающим гимном целого поколения.

А стахановское, изотовское движения, комплексные инженерно-стахановские бригады... Воистину неиссякаем родник народных талантов, прекрасен порыв сплоченных вокруг партии людей, отдававших все свои силы во имя высоких идеалов коммунистического строительства.

В гуще народной родились и сегодняшние наши почины: «От высокого качества работы каждого — к высокой эффективности труда коллектива!», «Меньшим числом — больше продукции!», «Ни одного отстающего рядом!» и множество других.

Делом отвечают ленинградцы, как и труженики всей страны, на решения декабрьского (1983 год) Пленума ЦК КПСС, выдвинувшего перед партийными, профсоюзными организациями и трудовыми коллективами конкретную задачу: добиться в нынешнем году сверхпланового повышения производительности труда на один процент и снизить себестоимость продукции дополнительно к заданию на 0,5 процента.

Вернувшись из Москвы с февральского Пленума ЦК КПСС, я рассказал своим товарищам о той атмосфере единодушия, которая царила на Пленуме. Вглядываясь в их лица, прислушиваясь к их словам горячего одобрения решений Пленума, с гордостью отмечал: ленинградцы, как всегда, в делах своих и помыслах едины с партией, которая постоянно углубляет связи с народом, живет его нуждами и заботами.

«...Важнейшим источником силы партии всегда была, есть и будет ее связь с массами, гражданская активность миллионов трудящихся, их хозяйский подход к делам на производстве, к проблемам общественной жизни»,— отмечал на Пленуме ЦК КПСС товарищ К. У. Черненко.

Я вырос в семье коммунистов... Отец, Степан Степанович Чичеров, работал на Балтийском заводе, «Лентрублите», в числе двадцатипятитысячников был направлен на Псковщину, где стал председателем коммуны «Красное знамя». Мама, Мария Павловна, учительствовала, а когда в блокаду нашу полуживую от голода семью вывезли по Ладоге на Большую землю, а затем в Башкирию, там она стала председателем колхоза. Мы с отцом, чуть набрав сил, работали в кузнице.

Завод вызвал отца в Ленинград в сорок пятом. Мы получили от него письмо, в котором он сообщал, что квартира наша цела и нам тоже можно приезжать; и почти одновременно с письмом пришла телеграмма, извещавшая о его смерти,— блокада все же дала о себе знать. Нежно любившая отца мама ненадолго пережила его. Я остался сиротой, но не остался один: меня приняли в ремесленное училище, кормили, одевали, дали специальность. А на Металлическом заводе я попал под добрую, требовательную опеку своего бригадира, Сергея Ивановича Бурмистрова, заботившегося обо мне, как о родном сыне. Многим я обязан и партгрупоргу участка рубщику Сергею Никифоровичу Полетаеву, другим старшим товарищам. Они были не просто хорошие люди, они были коммунисты. И теперь я понимаю мудрую справедливость слов, сказанных как-то одним из наших ветеранов: «Партия — это когда тебе дарят крылья».

На этих крыльях мы штурмовали Северный полюс, космос, покоряли целину, строим БАМ, атомные электростанции. А какие захватывающие перспективы открываются впереди! Двенадцатая пятилетка должна стать пятилеткой решающего перелома в интенсификации всех отраслей народного хозяйства. Эти изменения потребуют огромной работы от каждого из нас и прежде всего дальнейшего укрепления дисциплины.

На Пленуме ЦК КПСС подчеркивалось: «Вопрос об организованности, о порядке — для нас ключевой, принципиальный. Насчет этого двух мнений быть не может. Всякая разболтанность, безответственность оборачиваются для общества не только материальными издержками. Они причиняют серьезный социальный, нравственный ущерб. Это хорошо понимаем мы, коммунисты, понимают миллионы советских людей. И вполне закономерно, что поистине всенародное одобрение получили меры, принятые партией в целях повышения трудовой, производственной, плановой, государственной дисциплины, по укреплению социалистической законности».

Мы уверенно смотрим вперед, потому что за плечами у нас большая и трудная дорога.

Мы благодарны тем, кто прокладывал эту дорогу, и хорошо понимаем, что лучшей памятью им будут наши дела.

«Преемственность,— отметил в своей речи на внеочередном Пленуме ЦК КПСС тов. К. У. Черненко,— не отвлеченное понятие, а живое, реальное дело. И суть ее прежде всего в том, чтобы, не останавливаясь, идти вперед. Идти, опираясь на все достигнутое раньше, творчески обогащая его, концентрируя коллективную мысль, энергию коммунистов, рабочего класса, всего народа на нерешенных задачах, на ключевых проблемах настоящего и будущего. И это всех нас ко многому обязывает».

Ленинградцами намечен главный рубеж социалистических обязательств: «Обеспечить досрочное завершение заданий четырех лет пятилетки и опережение темпов повышения производительности труда по сравнению с ростом промышленного производства на основе перевыполнения трудовыми коллективами плановых заданий 1984 года по росту производительности труда на один процент и дополнительного снижения себестоимости продукции на 0,5 процента».

Многое, очень многое предстоит сделать. Предусмотрено, в частности, досрочно изготовить и поставить энергетическое оборудование для Игналинской, Запорожской, Южно-Украинской и Балаковской АЭС, Чебоксарской ГЭС, рентгеновские аппараты и газоперекачивающие агрегаты для магистральных газопроводов, оборудование для гидротехнических сооружений по защите Ленинграда от наводнений, 59 карьерных экскаваторов для угольной и горнодобывающей промышленности.

Конкретен должен быть вклад каждого. На 6,3 процента увеличит производительность труда в нынешнем году бригада Героя Социалистического Труда, лауреата Государственной премии СССР И. В. Захарова с Кировского завода. Самую широкую поддержку получило начинание коллективов судостроительного завода имени А. А. Жданова и научно-производственного объединения «ЦКТИ имени И. И. Ползунова», работающих под девизом «Меньшим числом — больше продукции!».

Сотни других подобных примеров свидетельствуют о горячем стремлении ленинградцев достойно выполнить задачи, намеченные XXVI съездом нашей партии, внеочередным февральским Пленумом ЦК КПСС.

ЕДИНСТВО, ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ

От Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР

Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР с глубоким прискорбием извещают, что 21 февраля 1984 года после тяжелой, продолжительной болезни на 79-м году жизни скончался великий советский писатель, член Центрального Комитета КПСС, депутат Верховного Совета СССР, секретарь правления Союза писателей СССР, академик Академии наук СССР, дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий СССР Михаил Александрович Шолохов.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КПСС

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР

Михаил Александрович ШОЛОХОВ

Советская литература понесла тяжелую утрату. 21 февраля 1984 года на 79-м году жизни после тяжелой и продолжительной болезни в станице Вешенская Ростовской области скончался великий писатель нашего времени, дважды Герой Социалистического Труда, член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР, лауреат Ленинской и Государственной премий СССР, лауреат Нобелевской премии, действительный член Академии наук СССР, секретарь правления Союза писателей СССР Михаил Александрович Шолохов.

Вся жизнь и творчество Михаила Александровича Шолохова — летописца советской эпохи — были отданы беззаветному служению советскому народу, делу коммунизма. Произведения Михаила Шолохова, покоряющие силой художественной правды, повествующие о революционном обновлении мира, оказали огромное влияние на судьбы всей прогрессивной культуры человечества.

Михаил Александрович Шолохов родился 24 мая 1905 года на хуторе Кружилине станицы Вешенской Ростовской области. С юных лет Михаил Шолохов принимал непосредственное участие в борьбе за становление Советской власти на Дону.

В 1926 году двадцатилетний Михаил Шолохов выпускает в Москве первые свои книги: сборники «Донские рассказы» и «Лазоревая степь», которые сразу привлекли к себе широкое внимание читателей. Молодым орленком, широко раскрывающим крылья своего таланта, назвал М. Шолохова один из старейших советских писателей А. С. Серафимович.

В 1928 году Михаил Шолохов публикует первые книги своего знаменитого романа «Тихий Дон». С тех пор четырехтомная эпопея «Тихого Дона», ярко отображающая историческое революционное преобразование нашей Родины, пользуется неизменным читательским интересом и любовью. Этот роман навсегда вошел в золотой фонд мировой литературы.

В 1932 году вышел в свет роман «Поднятая целина». Созданная по горячим следам событий «Поднятая целина» глубоко и правдиво рассказала о социалистическом переустройстве деревни. В художественных образах Давыдова, Нагульнова, Разметнова воплощены лучшие черты коммунистов — борцов за народное счастье.

В годы Великой Отечественной войны пламенное слово М. А. Шолохова вдохновляло советский народ на битву с ненавистным врагом, укрепляло веру в нашу победу.

Роман «Они сражались за Родину», рассказ «Судьба человека», другие его произведения с покоряющей художественной силой воспели подвиг советского солдата, воина-патриота, впечатляюще показали духовную силу и стойкость советского человека.

Верный сын Коммунистической партии, страстный борец за революционное обновление жизни Михаил Шолохов достойно развивал и обогащал великий опыт искусства социалистического реализма. В своих произведениях он поднял огромные пласты народной жизни, создал яркие типические образы, проникнутые неувядаемой поэзией и правдой.

Шолоховское слово, его самобытность и глубина продолжают служить примером художнической взыскательности. М. А. Шолохов был мудрым, требовательным наставником нашей литературной молодежи.

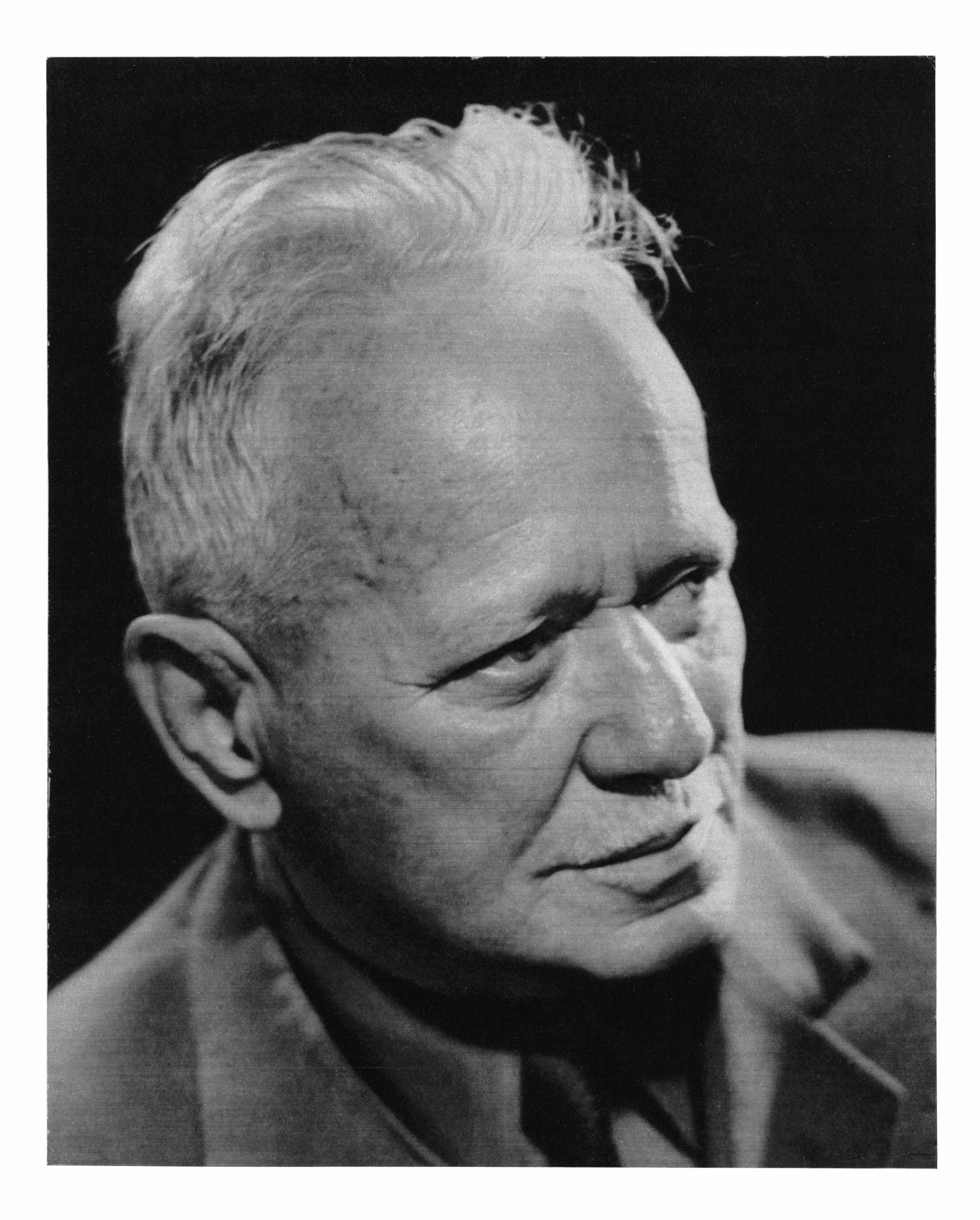
Книги М. А. Шолохова являются нашим могучим идейным оружием, они несут всепобеждающую правду о реальном социализме народам мира.

Коммунистическая партия и Советское правительство высоко оценили выдающиеся заслуги М. А. Шолохова в развитии многонациональной советской литературы. Ему дважды присвоено звание Героя Социалистического Труда, он награжден шестью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, орденом Отечественной войны I степени, многими другими советскими и зарубежными наградами.

М. А. Шолохов — бессменный народный депутат Верховного Совета СССР начиная с первого созыва.

Имя Михаила Александровича Шолохова, верного сына Коммунистической партии и советского народа, гениального художника слова, пламенного патриота-интернационалиста, навсегда сохранится в сердцах советских людей.

К. У. Черненко, Г. А. Алиев, В. И. Воротников, М. С. Горбачев, В. В. Гришин, А. А. Громыко, Д. А. Кунаев, Г. В. Романов, М. С. Соломенцев, Н. А. Тихонов, Д. Ф. Устинов, В. В. Щербицкий, П. Н. Демичев, В. И. Долгих, В.В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, В. М. Чебриков, Э. А. Шеварднадзе, М. В. Зимянин, И. В. Капитонов, Е. К. Лигачев, К. В. Русаков, Н. И. Рыжков, В. Ф. Шауро, Б. И. Стукалин, Г. М. Марков, А. А. Епишев, В. А. Медведев, А. П. Александров, В. М. Мишин, С. Г. Лапин, Б. Н. Пастухов, Ф. Т. Ермаш, Т. Н. Ментешашвили, С. А. Шалаев, Т. Н. Хренников, Л. А. Кулиджанов, Н. А. Пономарев, М. И. Царев, В. Г. Афанасьев, Л. Н. Толкунов, И. А. Бондаренко, Н. М. Иваницкий, Н. А. Булавин, Г. Г. Абашидзе, С. А. Азимов, Ч. Айтматов, М. Н. Алексеев, А. А. Ананьев, Т. Аскаров, Г. А. Ахунов, С. А. Баруздин, А. А. Беляев, Ю. В. Бондарев, Г. А. Боровик, П. П. Боцу, Ю. Н. Верченко, Ю. П. Воронов, Р. Г. Гамзатов, А. Д. Дементьев, К. М. Долгов, Н. С. Гилевич, А. Т. Гончар, Н. М. Грибачев, Н. В. Думбадзе, П. А. Загребельный, М. А. Ибрагимов, А. С. Иванов, Е. А. Исаев, М. Каноатов, В. В. Карпов, А. П. Кешоков, В. М. Кожевников, В. А. Коротич, Ф. Ф. Кузнецов, Т. Курбанов, П. А. Куусберг, Л. М. Леонов, А. М. Малдонис, Э. Б. Межелайтис, А. М. Мирзагитов, С. В. Михалков, Д. Мулдагалиев, Г. М. Мусрепов, Л. Н. Новиченко, К. Н. Нугманов (К. Яшен), В. М. Озеров, Б. И. Олейник, В. А. Петросян, Г. Р. Приеде, П. Л. Проскурин, Р. И. Рождественский, А. Д. Салынский, С. В. Сартаков, Е. И. Скурко (М. Танк), Ю. И. Суровцев, Н. Т. Федоренко, М. Б. Храпченко, А. Б. Чаковский, А. Н. Чепуров, О. Н. Шестинский, В. Э. Беэкман, О. О. Сулейменов, А. В. Калинин, П. В. Лебеденко, В. А. Закруткин.

ВЕЧНОЙ ПАМЯТИ МИХАИЛА ШОЛОХОВА

Так трудно пишутся эти скорбные слова. Ровно месяц назад, 21 января, я провожал Михаила Александровича из московской больницы в станицу Вешенскую. Он был тяжело болен. Еще в августе виделись мы с ним в его доме, в Вешенской, беседовали на разные литературные и другие темы. Озорные шолоховские огоньки в его глубоких, проницательных глазах то и дело вспыхивали. Во время одного из диалогов вдруг прозвучала шутливая фраза: «Мы еще топнем ножкой».

Был конец лета. Шумел вокруг шолоховский сад. Летели на землю первые предосенние листья. Где-то в сердце саднила тупая боль. А от Дона доносилась протяжная девичья песня. Все, как было раньше, только чувство какого-то преждевременно раннего увядания не покидало нас, когда мы после дружеской беседы с Михаилом Александровичем направлялись к березовой роще на песчаном, чуть скошенном к воде донском берегу.

Жестокие болезни не знают жалости. Ни к кому. Вечно мужественный, стойкий боец за правду всюду — в литературе и жизни,— Шолохов и во время болезни оставался таким.

В больнице ему не стало лучше. Болезнь была неизлечима. И тогда Шолохов принял решение — вернуться в родную станицу, на родную донскую землю, вспоившую и вскормившую его, не просто большого и удивительного писателя, познавшего жестокую, беспощадную правду жизни, правду классовой борьбы. Сейчас, перечитывая письма Михаила Александровича по поводу «странных» (это уже по нашим нынешним суждениям «странных») противников «Тихого Дона», то записывавших Шолохова в литератора, клеветавшего на классовую борьбу на Дону, в искаженном свете показавшего эту борьбу, то инкриминирующих ему еще какую-либо несусветную чушь, думаешь: охотников на создание клеветнических версий у нас было немало.

Можно сейчас, по прошествии стольких десятилетий, только удивляться, нет, не прозорливости, а высокому чувству ответственности и правды жизни, которые впитал в себя еще подростком, почти мальчуганом, участвовавшим в гражданской войне на Дону, Шолохов. Впереди еще будет много времени для анализа человеческих и писательских черт и особенностей Михаила Шолохова. Это особая тема.

В эти дни, когда не только советская литература, но и вся мировая литература понесла такую огромную утрату, хочется еще и еще раз вспомнить все, что сделано Михаилом Шолоховым именно для всей, не только советской, но и мировой литературы. Первые рассказы о гражданской войне. Они овеяны романтической дымкой и вместе с тем до предела насыщены показом борьбы противостоящих сил. Шолохов тогда был совсем молодым писателем, юношей, но писателем, который сам прошел эти испытания. Затем вершины советской литературы — «Тихий Дон» и «Поднятая целина».

Роман-эпопея «Тихий Дон» появился после нелегких литературно-политических испытаний. В главном произведении Шолохова оказались трагически сплетены личные судьбы героев и исторические события. Автор романа следовал, что называется, по горячим следам гражданской войны на Дону.

Семья Мелеховых, Григорий и Аксинья, сложные образы Штокмана и Кошевого, многие другие герои, которых Шолохов, как всегда, верный правде жизни, описывал не схематично, а изнутри, по существу, навечно запечатлены в его романе. Живет в его книгах и сам тихий Дон, казачий край, его степи, поля, станицы...

Еще много, много раз вернется советская литература к этому классическому произведению, такому же по художественной ценности, как и толстовский роман «Война и мир».

Смею утверждать также, что никто еще из наших писателей с такой прямотой, любовью к одним своим героям и художественно объективным неприятием других не создали такого романа, как «Поднятая целина».

Никогда не забыть, как мы, несколько друзей Шолохова, вслух читали ему в гостинице «Москва», в его номере, последние главы «Поднятой целины». Да, уже не было в живых Давыдова и Нагульнова. Осиротели Разметнов и дед Щукарь. Шолохов чутко прислушивался к нашему чтению. Его внимание было привлечено, пожалуй, даже не к тому, что он написал, а к психологическому состоянию героев «Поднятой целины», оставшихся в живых...

Как же, вспоминая об ушедшем Михаиле Александровиче, не назвать еще одно произведение, потрясающее по правде, прямоте и раскрытию мужества характера русского солдата Андрея Соколова! Экономный по объему, емкий, психологически сложный рассказ «Судьба человека» вновь выделился своей, казалось бы, необычной обычностью в ряду многих хороших книг о Великой Отечественной войне...

...В 1938 году впервые я был в станице Вешенской, в гостях у Шолохова. В августе прошлого года, теперь уже в последний раз в цепи многих приездов и прилетов в Вешки.

Совсем недавно вешенцы по мудрому сравнению так любившего Шолохова Александра Серафимовича, назвавшего Шолохова молодым ореликом, на высоком кургане воздвигли скульптуру мощно расправившего крылья орла. Так он и стоит, будто взлетел, над степями и широким Доном, как первый памятник ушедшему от нас в вечность великому русскому писателю Михаилу Александровичу Шолохову.

Со всем советским народом, со всеми людьми мира и прогресса осталось бессмертное наследие Михаила Шолохова — его книги, его честность и преданность родной земле, его мудрость и великий талант художника!

Прощай, наш дорогой и любимый Михаил Александрович!
Вечная память Михаилу Шолохову!

Анатолий СОФРОНОВ

На берегу тихого Дона.

В БОРЮЩЕМСЯ НИКАРАГУА

Илья Глазунов за этюдом.

В эти дни внимание всей мировой общественности приковано к небольшой стране Латинской Америки — Никарагуа, народ которой с оружием в руках защищает интересы революции. Недавно в этой стране побывал народный художник СССР Илья Сергеевич ГЛАЗУНОВ. Он привез из творческой командировки большую серию живописных и графических работ.
Илья Сергеевич рассказывает:

— Никарагуа называют страной тысячи поэтов и тысячи вулканов. Действительно, и поэтов много, и художников много, и Никарагуа сегодня — огнедышащий вулкан. На улицах, в домах, в учреждениях все говорят о политике. По ночам кое-где слышны выстрелы, у многих людей озабоченные лица. В океане на рейде стоит американская эскадра, постоянно происходят столкновения на границе. Все это накладывает особый отпечаток на жизнь народа. За время своего пребывания в Никарагуа я, естественно, хотел как можно больше увидеть и работал буквально с восхода солнца и дотемна. Я жадно писал никарагуанских крестьян, суровых ополченцев, юные лица студентов. Хотелось запечатлеть следы гражданской войны, руины старинного города Масая, величественный кафедральный собор, вечный огонь у могилы национального героя Фонсеки Амадора, индейские деревни, жгучий зной полей с характерными силуэтами пальм на горизонте, вулкан Масая, вечно клубящийся паром.

Побывал я и на границе с Гондурасом. Здесь я познакомился с интересным человеком — Пасторе Рамиресом. Ему около восьмидесяти лет, он был другом Сандино, национального героя Никарагуа, возглавившего борьбу за независимость своей родины.

Пасторе Рамирес живет вместе с пограничниками в окопах. Когда я его рисовал, вокруг столпились молодые ребята-пограничники в пестрой маскировочной форме, их лица, дышащие молодостью, отвагой, я запечатлел в серии портретов и набросков.

Меня очень порадовала в этой стране жажда становления национальной культуры. Долгое время к ней относились без должного внимания, и только теперь никарагуанцы стараются развивать традиции своего искусства. Государство переживает сложнейший процесс культурного возрождения — проводится кампания по ликвидации неграмотности, организуются центры народной культуры, открываются новые школы и музеи. Ведущие никарагуанские художники сейчас на пороге поисков и потому жадно расспрашивали меня о суриковском институте, ленинградском институте имени Репина. Они хотят изучить русское искусство, мечтают об учебе в СССР.

* * *

В Манагуа, в Гаване и в Москве уже состоялись персональные выставки никарагуанского цикла работ Ильи Глазунова. Экспозицию в Никарагуа посетил член Национального руководства Сандинистского фронта национального освобождения, координатор Руководящего совета правительства Национального возрождения Никарагуа Даниэль Ортега. В благодарственном письме, присланном Илье Глазунову, отмечалось:

«Значение и особенность этой выставки подчеркиваются тем, что представляется возможность взглянуть на зарисовки и портреты, которые отражают жизнь и борьбу свободолюбивого народа, свергнувшего диктаторский режим Сомосы и вставшего на путь национального возрождения, строительства новой жизни».

«Мне хочется выразить от имени всего народа самые глубокие и искренние чувства признательности и восхищения тем, что мы видели в этом зале,— сказала на открытии выставки Глазунова в Манагуа председатель ассоциации работников культуры Никарагуа, известная поэтесса Росарио Мурильо.— Художник сумел увидеть, понять и выразить со всей силой своего необыкновенного дарования душу и характер нашего народа. Спасибо, компаньеро Глазунов!»

О ЧЕМ ПИСАЛ

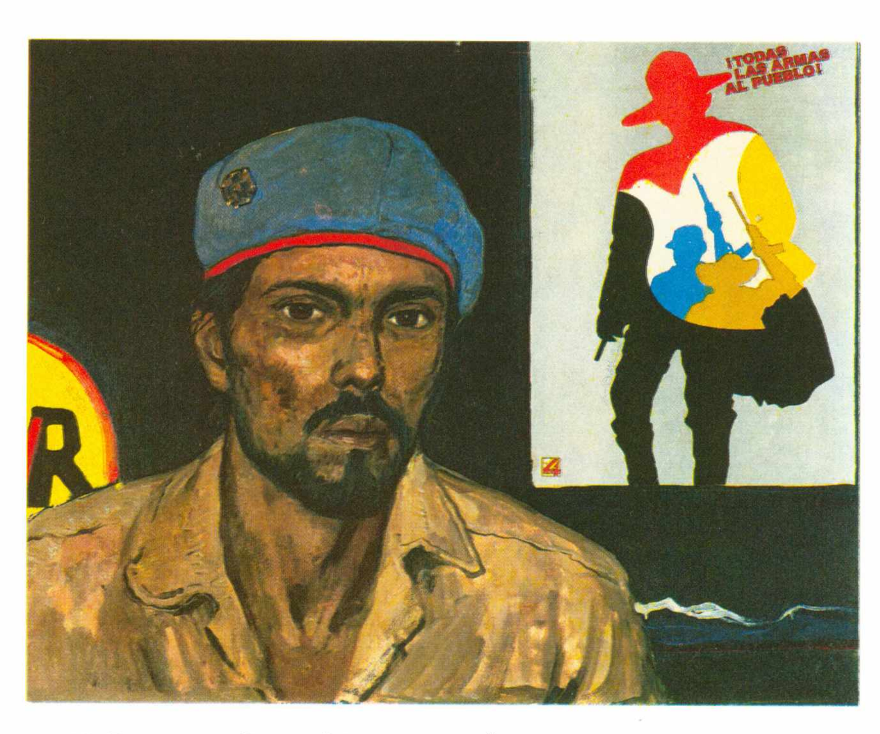
50 ЛЕТ НАЗАД

СМЕРТЬ САНДИНО

В Никарагуа (крупнейшая республика Центральной Америки) предательски убит генерал Аугусто Сесар Сандино. Сандино был вождем левого крыла национально-революционного движения Никарагуа против североамериканского империализма. Формально независимое государство, Никарагуа является фактически колонией Соединенных Штатов. В 1926 году Сандино организовал восстание против США. До конца мая 1929 года маленькая партизанская армия, укрывшаяся в горах, стойко сопротивлялась американским матросам и солдатам, введенным в Никарагуа для подавления восстания. Имя Сандино стало символом борьбы угнетенных масс Латинской Америки против американского империализма. В 1929 году Сандино эмигрировал в Мексику, но в следующем году вернулся в Никарагуа и снова стал во главе повстанческих сил. Недавно Сандино вместе со своим братом Сократесом и генеральным штабом был приглашен на завтрак к президенту Никарагуа генералу Сомосе. По выходе из президентского дворца в Манагуа (столица республики) он был схвачен солдатами, которые поволокли его и его приближенных на аэродром и там расстреляли из пулеметов.

«Огонек» № 7, 1934 год.

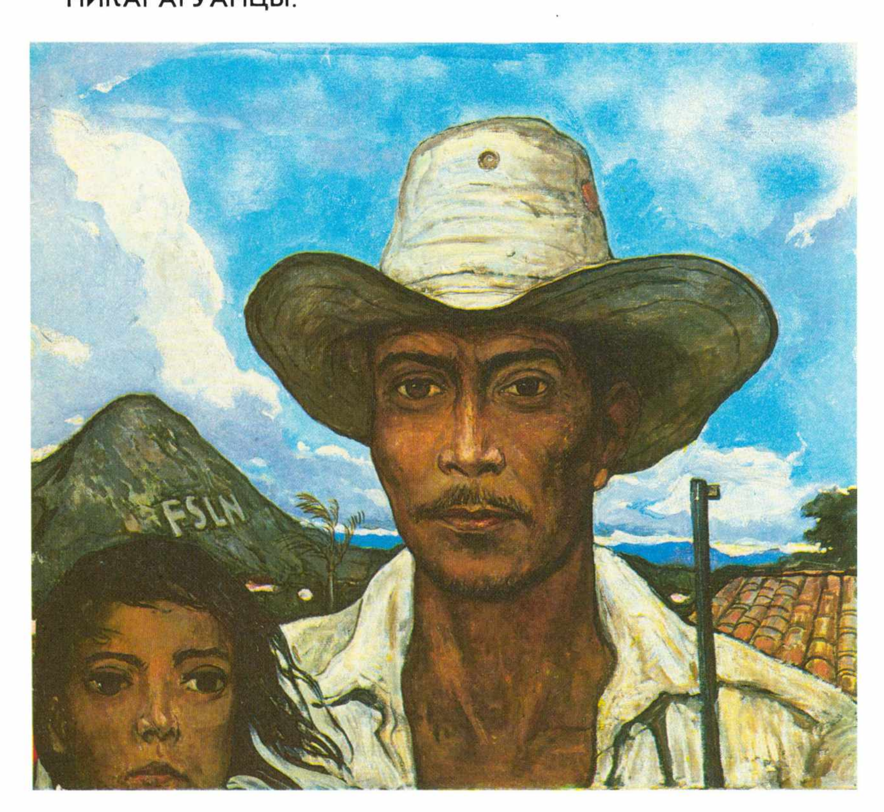
И. Глазунов. Род. 1930. НОЧНОЙ ПАТРУЛЬ.

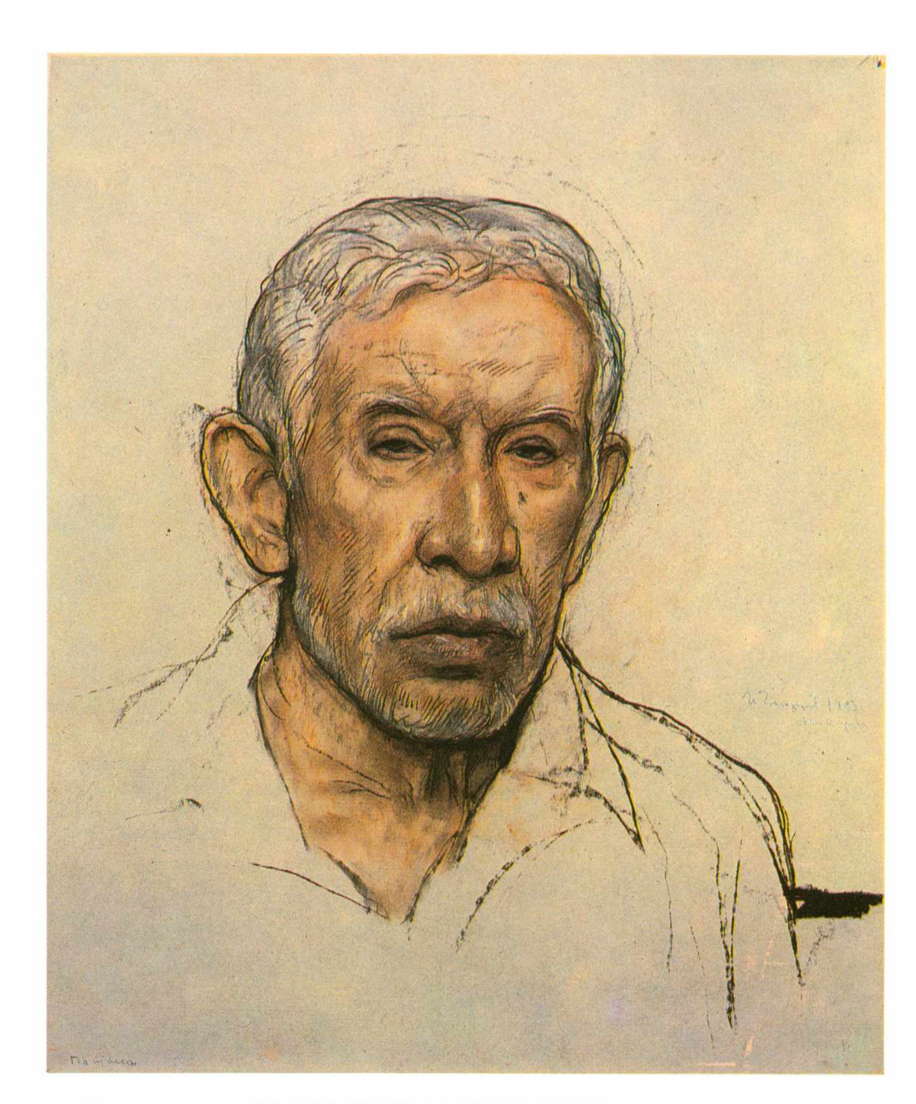

НА ГОРЕ САНТА-КРУС.

НИКАРАГУАНЦЫ.

СОЛДАТ МАКСИМО САНЧИ.

И. Глазунов. КРЕСТЬЯНИН ПАНТАЛЕОН.

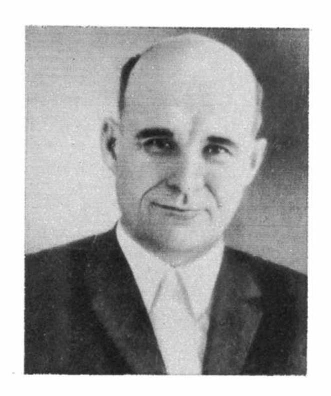
БАЛЕРИНА БЛАНКА ГУАРДИДИ.

ТРАНШЕЯ В САНТА-КРУС.

Дума про старый Днепр

Владимир ФЕДОРОВ

1

Чернело село,
И леса в огне,
Кричали в болоте
Гуси.
Где стонал израненный
Старый Днепр,
Шепнула мать
Малой Марусе:

— Плыви!
И березою стану я,
А батька твой
Дубом будет,
Плыви же в корыте,
Дочка моя,
Найдутся
Добрые люди.

И раненый Днепр
Ее подхватил
На сильные
Волны-ладони
И шепчет:
— Спасу... пока хватит сил...
Не бойся, дитя,
Не утонешь!..
И стал он баюкать ее,
Качать,
Будто она в колыбели.
Береза склонилась над ней,
Словно мать,
И птицы речные
Пели:

— Повсюду беда!
Повсюду война!
Не бойся, дитя,
Погони.
В лесах перестрелка слышна —
И ржут
Голодные кони.

Спи!
Сильные волны
Тебя унесут
Туда, где доныне
Тихо,
Где кувшинки цветут,
Где спокойно живут
Старый Лесник
С Лесничихой.

2

Проснулась Маруся:
Над ней старик
Насупленный,
Белоусый.
— А чья ты такая?
Я здешний Лесник.
— Маруся
Из Беларуси.

Бежит Лесничиха
К Днепру-реке:
— В корыте плыла?
Бедняжка!
Ладошка Маруси
В ее руке:
— А звать тебя будем
Маняшка.

Столетние сосны
Шумят кругом.
Железный петух
У входа.
Марусю поят
Парным молоком
И потчуют
Сладким медом.

Но что там за топот?
Чужая речь.
Лесник поглядел
Сердито:
— Эх, мать, не успела
Ей пышек испечь.
Скорее Маняшку
В корыто...

Маруся вскочила
Из-за стола:
— Спасибо вам,
Добрые люди...
К реке Лесничиха
Ее увела:
— Ой, лихо!
Что с дедом будет?

Прости нас, Маняшка.
Родная, прости...
Не будешь ты
Нами забыта.
Желаю тебе
Поспокойней пути!
И оттолкнула
Корыто.

3

Раненый Днепр
Ее подхватил
На сильные
Волны-ладони
И шепчет:
— Спасу... пока хватит сил...
Спасу, дитя,
От погони!

И стал он баюкать ее,
Качать,
Будто она в колыбели.
Ракита склонилась над ней,
Словно мать,
И птицы речные
Пели:

— Спи!
Сильные волны
Тебя унесут
Туда, где доныне
Тихо,
Где ромашки цветут,
Где спокойно живут
Старый Косарь
С Косарихой.

Уснула Маруся.
...Открыла глаза,
А рядом старик
Черноусый:
— А ты звидкиля?
Покатилась слеза:
— Маруся
Из Беларуси.

В белую хату
Ее ведут.
Пахнет
Привядшей травою.
Как тихо,
Как сладостно, тихо тут!
Танки
Еще не воют.

Косарь с Косарихой
В глаза глядят:
— Вареников хочешь,
Марийка?
А сын их, весь в черном,
Потупил взгляд,
Вдруг глянул
На девочку дико.

— В ней кровь партизан! —
И плевок:
— Получай,
Маруся
Из Беларуси!
— Нет, ты получай,
Душегуб-полицай! —
В дверях
Богатырь черноусый.

И в хате родимой
Сверкнул автомат:
— За все мне ответишь
Разом!
И выстрелил,
Выстрелил
В брата брат,
И грохнулся младший
Наземь.

Мать — к сыну.
Суровый Косарь на пути:
— Не смей...—
Пошатнулся, однако:
— Прости нас, Марийка...
Родная, прости...—
И не сдержался,
Заплакал.

4

А годы, как листья,
Шумят,
Шумят.
И ветер весенний
Свищет.
Марусины очи
Глядят,
Глядят:
Давненько нет
Пепелища.

Мать, ты ль говорила:
— Дочка моя,
Найдутся
Добрые люди.
Плыви же!
Березою стану я,
А батька твой
Дубом будет.

Маруся вернулась.
Не сдержит слез.
Косынку
Ветер полощет.
С одной стороны —
Роща берез,
С другой —
Дубовая роща.

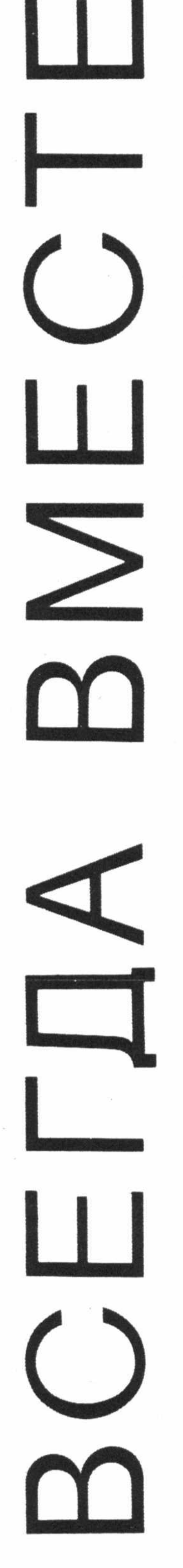
Которая мать?
И который отец?
Сгорели
Целые села.
Чудится девушке
Стук сердец
В шуме том
Невеселом.

Ах, мама!
Ах, батька!
Услышьте: нашлись
На свете
Добрые люди.
И дальняя даль
И лесная близь
Мне родиной
Милой будут.

Старый Днепр
Стал меня качать,
Баюкать,
Как в колыбели,
Береза склонялась,
Словно мать,
И птицы речные
Пели.

Плыла и плыла я
На край земли,
Познала
Людское лихо.
Лесник с Лесничихой
Меня спасли
И старший сын
Косарихи.

Раненый Днепр
Меня подхватил
На сильные
Волны-ладони,
Шептал мне:
— Спасу... пока хватит сил...
Ты дочка моя...
Моя доня...

ВСЕГДА ВМЕСТЕ

Иван УРАЗОВ,
первый помощник капитана теплохода «Бабушкин»

Фото автора

Кубинский лоцман Орхидея Торрес.

По профессии я моряк. В каких только странах не был, с какими только людьми не встречался! Под разным небом живут они, непохожи их языки и обычаи. Но общее у всех одно: ни один народ не хочет войны. А угроза ее с каждым днем становится все реальнее. Начавшееся размещение американских ракет на территории ФРГ, Великобритании и Италии встревожило все человечество.

Советское государство вынуждено принять меры к охране безопасности нашего дома и других стран социалистического содружества. В этих странах у меня много друзей, с которыми я хочу познакомить и вас, читатели «Огонька». Эти люди близки нам своей верностью социализму, своей решимостью отстоять мир и счастье детей. Отношение друзей к нашей стране, ее внешней политике можно выразить двумя словами, которые я слышал и на Кубе, и во Вьетнаме, и в Болгарии: «Мы — вместе!»

СБЫВШАЯСЯ МЕЧТА

Каждая встреча с Кубой волнует меня. В октябре 1962 года нам, советским морякам, пришлось пережить вместе с кубинцами драматические минуты карибского кризиса. Наш танкер «Адлер» доставлял на остров Свободы дизельное топливо и сырую нефть. Мы приняли все меры, чтобы обеспечить самую скоростную выгрузку нашего танкера, и вместо обычных 36—40 часов резервуары судна были пустыми через 14 часов.

Первым человеком, который поднимается на борт судна при подходе к порту, всегда бывает лоцман.

Однажды на подходе к Гаване на борт нашего теплохода «Бабушкин» с лоцманского катера по штормтрапу уверенно поднялась молодая женщина.

— Лоцман Орхидея Торрес,— так представилась она капитану. И вот Орхидея на ходовом мостике. Звучат ясные, отрывистые команды на русском языке: — Руль влево! Так держать! Средний ход, вперед!

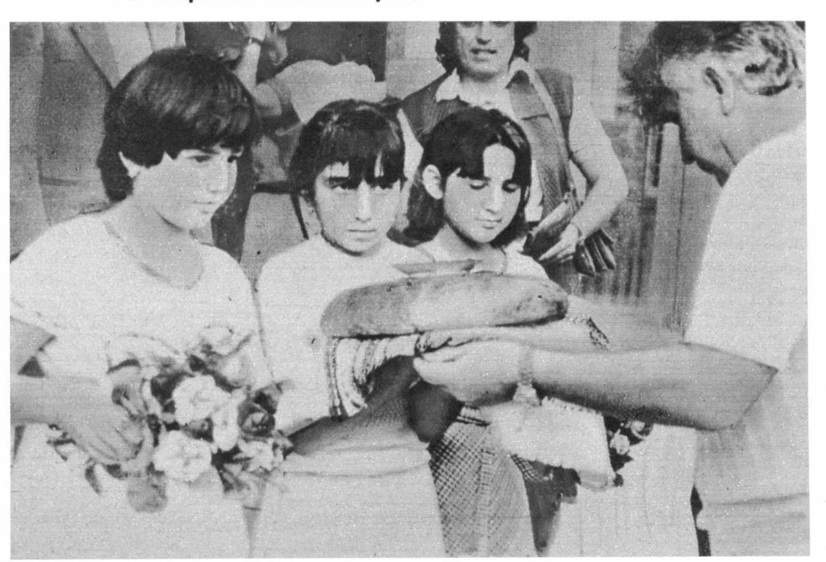
Ее команды тотчас исполняются рулевым и вахтенным помощником капитана. Судно медленно входит в Гаванский порт. Сообразуясь с еле заметными ориентирами, лоцман уверенно управляет судном.

Наконец, «Бабушкин» у причала. Мы разговорились с Орхидеей. Еще девочкой она любила забираться на самое высокое место обрывистого берега близ Гаваны и вглядываться в проходившие мимо океанские суда-великаны. Она представляла себя за рулем такого корабля. Все это осталось бы несбыточной фантазией, если бы на Кубе не произошла революция. Орхидея получила возможность учиться, окончила среднюю школу и подала документы в высшее морское училище. Только она одна знает, сколько пришлось проявить упорства, настойчивости, чтобы ее приняли вопреки правилам и традиции. Успешно окончив училище и пройдя практику под руководством опытных моряков, она получила право самостоятельной проводки судов. И стала первой кубинкой, овладевшей профессией судоводителя.

— Хочу быть похожей,— говорит Орхидея,— на Валентину Терешкову, на Ольгу Добычину, лоцмана из Архангельска, на Анну Щетинину, капитана из Владивостока. К тому же,— добавляет она,— эта работа молодит, я бы состарилась в тот день, когда перестала бы работать лоцманом!

Так встречала нас Болгария.

«НАЗЫВАЙТЕ МЕНЯ ТОЛЕЙ»

У коллектива нашего судна установилась тесная дружба с докерами вьетнамского порта Хайфон. Началась она с того, что однажды мы помогли им в разгрузке и поздравили, вывесив специально сделанный по этому случаю плакат: «Сердечный привет вьетнамским докерам, которые ударными темпами начали выгрузку советского судна».

Ребятишки в Хайфоне.

Затем разговорились с нашим партнером Чан Кон Динем, который рассказал:

— Мне 60 лет, отец мой участвовал в борьбе с японскими империалистами, я воевал против французских колонизаторов, сын сражался с американскими захватчиками. И если теперь кто-либо развяжет новую войну против социалистического Вьетнама, то на защиту родной земли встанут пятнадцать моих внуков. В войне против американского империализма вьетнамский народ победил потому, что был не одинок — нам помогал Советский Союз!

Конкретный пример такой помощи — танкер «Шонг Ло». Я был свидетелем, как это судно в торжественной обстановке передали в дар вьетнамскому народу моряки Дальневосточного морского пароходства. И вот у причалов Хайфона мы увидели знакомый корабль и решили познакомиться с экипажем. Нас любезно встретил вахтенный матрос и проводил в каюту капитана. Тот обратился к нам по-русски:

— Меня зовут Нгуен Ван Таянь. Знаю, вам трудно выговаривать мое имя.— Капитан улыбнулся.— Называйте меня Толей, так звали меня в училище в Одессе.

Оказалось, мы с ним однокашники: я тоже окончил Одесское высшее инженерное морское училище.

— Передайте советским рабочим спасибо за добротное судно,— попросил Нгуен Ван Таянь.

Из порта Хайфон наш теплоход вышел немного позже, чем танкер «Шонг Ло». На внешнем рейде мы догнали вьетнамское судно и, когда поравнялись, услышали три оглушительных, протяжных гудка. «Шонг Ло» приветствовал нас, как своего родного брата. Мы ответили. И живописные скалы залива с молниеносной готовностью разнесли мощное эхо братского приветствия.

ТЕЗКА ИЗ АЙТОСА

В болгарский порт Бургас теплоход «Бабушкин» пришел, чтобы взять предназначенную для Советского Союза сельскохозяйственную технику. Здесь к нам на борт прибыли гости — труженики агропромышленного комплекса города Айтоса. Мы показали им судно, а потом состоялся вечер советско-болгарской дружбы. На нем выступил секретарь парткома АПК Иван Иванов. Он попросил у экипажа разрешения назвать АПК города Айтоса именем Ивана Васильевича Бабушкина, друга и соратника Ленина. Это было встречено громом аплодисментов. Так в болгарском городе Айтосе у нашего теплохода появился тезка.

Спустя некоторое время наше судно снова пришло в Болгарию, в порт Варна. Отсюда до Айтоса около двухсот километров, мы позвонили туда, и друзья прислали за нами автобус. У городского дома культуры нас встретили нарядные люди, преподнесли хлеб-соль и красные розы. Затем было знакомство с агропромышленным комплексом — многоотраслевым хозяйством с высокоразвитым животноводством, птицеводством, с большими фруктовыми садами. Как раз поспела черешня, и собирать ее вышли все жители от мала до велика. К ним присоединились и мы, советские моряки. Было очень приятно вместе с друзьями рвать черешню с одного дерева. С тех пор Айтос дорог мне, как родной дом, и встреча с его жителями для меня — праздник.

Одесса.

Трудные дороги первоцелинников.

Обновленная степь. Пшеница, пшеница...

К 30-ЛЕТИЮ НАЧАЛА МАССОВОГО ОСВОЕНИЯ ЦЕЛИННЫХ И ЗАЛЕЖНЫХ ЗЕМЕЛЬ

ПОДНИМАТЬ ЦЕЛИНУ по первому призыву выехали около 1 000 000 человек, половина из них — комсомольцы;

ПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА — это около 42 000 000 гектаров;

КАПИТАЛЬНЫЕ ВЛОЖЕНИЯ в освоение новых земель составили в 1954—1959 годах 37,4 миллиарда рублей.

Полностью **ВСЕ ЗАТРАТЫ** окупились уже в 1961 году, когда была получена **ЧИСТАЯ ПРИБЫЛЬ** более 3,3 миллиарда рублей.

Почти треть зерна страна заготавливает в районах **БЫВШЕЙ ЦЕЛИНЫ.**

Ровесник целины кокчетавский механизатор Есильбай Кадралин.

ЦЕЛИНА: ПОДВИГ И УРОКИ

Николай БЫКОВ

Фото А. ГОСТЕВА

Кажется, совсем недавно о целине писали и говорили в настоящем и будущем времени. И вот пишут о целине в прошедшем времени и в настоящем. Не правда ли, до сих пор звучит задорно и молодо «Едем мы, друзья, в дальние края, станем новоселами и ты и я!..» Позывные моего поколения. Великое переселение из городов и районов Европейской части СССР на восток, в неведомые большинству степи. Эшелоны, эшелоны...

Целина — одним этим словом мы привычно вот уже тридцать лет обозначаем трудоемкое дело освоения веками не пахавшихся земель за Волгой, в Приуралье, на Алтае и на юге Сибири, на севере Казахстана. Целина — страница истории, проявление массового героизма, стратегия в аграрной политике партии и государства. Сбывшаяся мечта хлебосеющего народа. Сбылись самые смелые прогнозы, конечно же, с поправками на действительность. Целина не только подвиг, это еще и уроки живой жизни — земли, растений, людей. Ибо целина — суровые страницы биографий тысяч юношей и девушек, связавших тридцать лет назад свои судьбы с земледелием, хлебопашеством, которым нет равных на земле по размаху посевных площадей и стойкости в поединке с природно-климатическими условиями. Новое растениеводство и новый быт — они начались с энтузиазма, огонь которого занялся в феврале 1954 года и пошел гулять по городам и весям Отечества, воспринявшего всем сердцем решения сентябрьского (1953 г.), а потом и февральско-мартовского (1954 г.) Пленумов ЦК КПСС как долговременную программу решительного немедленного действия во имя подъема и укрепления социалистической экономики.

Сегодня самое время вспомнить, как мое поколение вступало в жизнь: сразу же после, след в след, поколения победителей. С мая 1945 года тогда не прошло еще и девяти лет, только-только попривыкли солдаты к дому, детям, засели за учение и строили, восстанавливали... И недоедали. Страна испытывала нужду в хлебе. Зерна не хватало, не хватало много зерна. В 1953 году стало очевидным несоответствие между ростом крупной промышленности, ростом городского населения, между желанием жить хорошо и темпами развития села и сельского хозяйства. История хранит такие цифры: на 38 процентов прироста промышленной продукции (по сравнению 1953 года с довоенным, 1940-м) сельское наше хозяйство смогло ответить только одним процентом. Одним. Его, этот тогдашний процент, и ростом-то грех сегодня называть.

Известно, низкий темп развития села, жизни в селе — тормоз, да еще какой. Хлеба было мало. Вот почему идея немедленной распашки восточных степей, развития зернового хозяйства на целине и залежных землях была не просто верной, но и своевременной, революционной идеей, вдохновившей и мобилизовавшей народ на задачу сугубо практическую. Время не ждало.

Помните лозунг «Партия сказала: надо! Комсомол ответил: есть!». Всколыхнулось племя молодое. Комитеты комсомола — городские и сельские — в те дни вселенского порыва и жажды новых подвигов выписали полмиллиона комсомольских путевок — мандатов на освоение целинных и залежных земель! Митинговали, заверяли, пели... «Даешь целину!» — алели транспаранты на эшелонах, кативших в дальние края. Все-таки и посегодня счастлив тот, кто поднялся тогда с места, оторвался от дома, от всего привычного, повседневного и мчался в одном из комсомольских эшелонов,— патриот, первоцелинник, новосел! Есть что вспомнить. «Хорошо, когда порывист ветер и когда крылаты облака! Хорошо, когда есть друг на свете и у друга крепкая рука!..» Москвичи, ленинградцы, киевляне, юноши и девушки Донбасса, Кубани, Белоруссии, Прибалтики, тихоокеанские моряки, молодые сибиряки и встречающая людскую лавину молодежь Казахстана, Зауралья, Алтая, Оренбуржья — они стали побратимами. Всех породнила целина. Братство, как фронтовое.

...Слух о жирных, вольных землях восточных степей давно доходил до российской деревни и украинских сел. «Земля здесь хлебородна, овощна и скотна»,— писалось еще в XVIII веке. Лет сто назад идея переселения подняла не одного мужика в дорогу. На восток гнали безземелье, теснота полей, барщина и недоимки. Уезжали, заселяли, запахивали. Доля переселенцев была тяжкой, многие попадали из нужды в нужду. Кому хлеб стеной, а кому мираж. О трагедии переселенцев в начале нашего века писали Глеб Успенский, А. Чехов, В. Короленко. Писал В. И. Ленин. Вот что писал Владимир Ильич на четвертом году Советской власти: «Посмотрите на карту РСФСР. К северу от Вологды, к юго-востоку от Ростова-на-Дону и от Саратова, к югу от Оренбурга и от Омска, к северу от Томска идут необъятнейшие пространства, на которых уместились бы десятки громадных культурных государств. И на всех этих пространствах царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость». Пришло время освоить пригодные для растениеводства степи. «Поднятая целина» — в самом начале тридцатых годов вошла в сознание эта революционная социально-хозяйственная формула. Была ближняя целина — на Дону и Ставрополье, в Поволжье, и была целина дальняя — в Сибири и Казахстане. К той, дальней, подступились не сразу.

Но только первоцелинникам, новоселам 1954—1955 годов, посча-

ОСТА
НА

Юрий ЛУШИН,
фото автора

Да будет хлеб! Фото В. Давыдова

«Дорогая мама, как твое здоровье? Я тебе долго не писал, мы работали далеко от почты. За меня не беспокойся, мне доверяют, и я стараюсь. Я пахал в степи вместе с Вениамином Ивановичем Михайловым, он из Миргорода. Земля тут не такая, как у вас, хотя и чернозем есть. Зато богато ее. Я за лето столько ее поднял, сколько, может, ваш колхоз никогда и не поднимал. Кормят хорошо, не жалуемся. Осенью, когда урожай соберем, дадут нам зерна и заплатят. Скажи Вере, чтоб она тебе помогла что надо по хозяйству. Передай от меня хлопцам: у меня новый трактор ДТ-54, а не старая машина «Универсал», и вообще я рад, что приехал на целину. Остаюсь здесь навсегда...»

Он внимательно слушал, пока я читал ему это письмо тридцатилетней давности, письмо первоцелинника. Суровое лицо его, будто высеченное из камня грубой рукой, оставалось спокойным, почти бесстрастным. Но вот туман памяти понемногу рассеялся, и оно осветилось мягкой, по-детски открытой улыбкой. Он заговорил. Я надеялся на это, когда просил его прокомментировать письма целинников разных лет. Мы сидели в зрительном зале Целиноградского драмтеатра, где только что актеры репетировали спектакль «Степи ковыльные» — о судьбе Евдокии Андреевны Зайчуковой, бывшей батрачки, приехавшей на целину, когда ей было уже под пятьдесят, и ставшей великолепным директором совхоза (и не одного даже, а в разное время — трех). Положив на спинку театрального кресла тяжелые руки, в которые навсегда въелись машинное масло и хлебная пыль, руки хлебороба и механизатора, он задумчиво смотрел на опустевшую сцену, аскетически оформленную под быт тех далеких лет. Потом вдруг сказал нечто совершенно для меня неожиданное:

— Однажды мне тоже пришлось быть актером. В совхозе самодеятельный театр образовался, стали в клубе пьесы играть. И меня позвали. Я говорю: «Куда мне такому большому, я же со сцены всех вытесню, вот смеху будет». Но пошел все-таки, актерской жизни хлебнуть захотелось. И скажу я вам: легче землю пахать. Определили мне роль деда-балагура в пьесе про молодую председательшу колхоза. Это по мне, я сам побалагурить не прочь. Жаль только, себя со стороны не видел, хотя односельчанам мой дедок вроде понравился. Но то было позже, гораздо позже, а в пятьдесят четвертом мы не о театре думали. ...Расскажу, как я целинником стал. Дет-

сгливилось выполнить давно задуманное — ввести в хозяйственный оборот десятки миллионов гектаров, ранее пустовавших. Конечно, целину поднимали и осваивали теперь совсем другие люди, вооруженные техникой, какой не было ни в годы первых пятилеток, ни тем более в начале века. В районы освоения новых земель переселились не только пахари, но и землеустроители, почвоведы, агрономы, строители, а за ними и зоотехники. За короткий срок были построены сотни и сотни совхозов — центральные усадьбы, а это значит прежде всего жилье, школы, медпункты, пекарни, мастерские, клубы... Поднимали целину — обживали малонаселенные районы с прекрасными пейзажами, с неоглядными далями, озерами, реками, местами с березовыми колками и сосновыми борами. Ковыль постепенно уступал и отступал. Степь стала пшеничной.

Целину освоили представители ста двух национальностей и народностей. Дело было всенародным. О географии и романтике говорят даже названия новых зерновых совхозов: «Московский», «Ленинградский», имени Ленинского комсомола, «Краснопресненский», «Дальний», «Тихоокеанский».

И пошел хлеб с целины — бывшей целины. Много хлеба. Например, Казахстан за тринадцать лет (1940—1953 годы) сдал один миллиард пудов зерна, а за следующие тринадцать—семь миллиардов, а теперь продает миллиард пудов ежегодно. Конечно, год на год не приходится. Новые зерновые хозяйства живут и работают в зоне рискованного земледелия, там суровые зимы с затяжными буранами, а летний зной часто сопровождается и бездождьем и губящими все живое суховеями. Романтика на целине очень скоро возмужала, посуровела, обрела терпение, стойкость, опыт. И хлеб выращивать повзрослевшие романтики научились. Как бы ни сложился год на востоке страны — хлеб был. И есть. Реальный, богатырского веса. А уж в урожайные-то, благоприятные годы вся страна спешит на помощь целинникам.

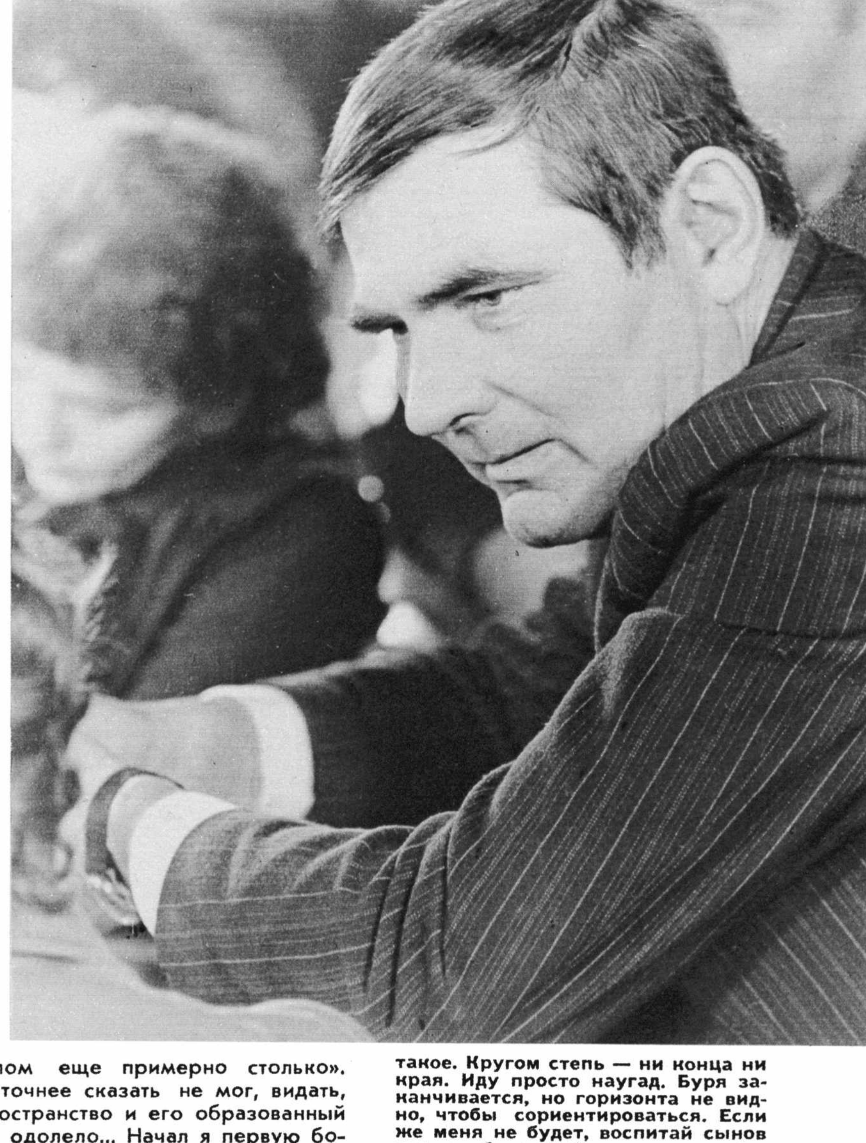
Главный урок целины — партийная стратегия в развитии зернового хозяйства за счет новых земель оправдала себя.

Были и другие уроки. Освоить, оказывается, не значит только распахать новину, собрать первый, пока еще даровой хлеб. Освоить — дело, оказывается, многотрудное, долговременное, требующее и немалой выдержки, и серьезных знаний, и капиталовложений, а главное — готовности жить в условиях, дотоле неизвестных европейцу из Центральной России или Украины, Белоруссии. Остались на целине только сумевшие прижиться, найти себе дело по душе, пустившие корни.

Целина — это много жестких уроков. Хозяйственных, социальных, культурных. Целина — это много «войн» местного значения: война с бездорожьем и безводьем, с овсюгом и осотом, с эрозией, суховеями, за чистый пар... Целина потребовала опыта и знаний, безжалостной борьбы с сорняками — в поле, а порой и в кабинетах. Дорогой ценой — ценой потерянного хлеба — победила в районах освоенной целины новая система земледелия. Поздновато, но победила. Пахали и пахали, погоня за гектарами компрометировала идею стабильного и дешевого хлеба. Поднялись черные летние метели, поля заполонил наглый враг пшеницы — овсюг, урожаи местами упали до считанных центнеров. Но в те же годы креп голос полевода-новатора Т. С. Мальцева и ученых Всесоюзного научно-исследовательского института зернового хозяйства, что в Шортандах под Целиноградом. Оттуда Александр Иванович Бараев и его единомышленники вовремя советовали перейти на новую систему земледелия. Система эта — почвозащитная, противоэрозийная. В тех хозяйствах, где она принята, урожаи стабильны.

На целине растет уже третье поколение переселенцев, внуков энтузиастов 1954—1955 годов, а сохранившиеся первоцелинники действительно уже деды, хоть и молодые, но деды. Слава им! И великая благодарность Родины. За песни и мужество 1954 года. За будущий хлеб.

ЮСЬ ВСЕГДА

Бригадир В. А. Дитюк.

ство и юность мои пришлись на первые послевоенные годы. Отца, пропавшего без вести, не помню. Жил с мамой, Галиной Сергеевной (ей сейчас девятый десяток идет), под Миргородом, недалеко от знаменитых гоголевских Сорочинцев. Жили трудно, а кому тогда было легко? Страна вставала из разрухи, рабочих рук везде не хватало. Поэтому десятилетним мальчишкой я уже подвозил на быках воду к тракторам, а когда тринадцать стукнуло, председатель колхоза сказал: «Кончай это баловство, вон ты какой вымахал, ступай-ка в кузню». Не знаю на каких дрожжах, но вымахал я действительно большой. Сейчас ботинки 47-го размера могу купить только в московском «Богатыре», сразу несколько пар беру. Но это так, к слову...

Пошел, значит, я в кузню молотобойцем — один на двух кузнецов. Только успевай поворачиваться. К весне исхудал, и послали меня телят пасти, чтобы немного окреп на вольном воздухе. А меня к технике тянуло, к тракторам. В пятнадцать лет выучился на тракториста, окончив курсы при Великосорочинской МТС. Оказалось, в самое время. Годик поработал, пошел на второй, и тут в феврале вдруг загомонили про целину, донеслись до Полтавщины казахстанские ветры. Узнал я, что там пропадают многие дикие земли, ничем не засеянные, а надо, чтобы они пользу народу приносили. Я тоже хотел пользу приносить. Записался я ,в первый эшелон, сложил пирожки-подорожники, испеченные мамой, в фанерный чемодан, и в путь...

Он прервал рассказ, задумался, вглядываясь в пустую сцену, словно пытаясь увидеть на ней и тот первый эшелон, и плакаты с призывом «Молодежь, на целину!», и горячие митинги, и себя тогдашнего — в военной фуражечке, модной по тем временам (подарок дяди), промасленной телогрейке (пошел на станцию прямо от трактора), галифе, заправленных в сапоги. Уже не хлопец — кормилец. На сцене медленно умирали огни рампы, отсвечивая в золотой звезде Героя. Я воспользовался паузой, чтобы прочесть ему другое письмо...

«Почти весь город провожал нас. На вагонах лозунги: «Привет целинникам!», «Превратим целину в цветущий край!». Последние рукопожатия, пожелания — поезд тронулся. В вагонах льется песня».

— То верно, так и было. Но, скажу я вам, разные люди ехали: и с опытом жизни и совсем зеленые, как я. Один, помню, вез с собой мотоцикл, другой козу в вагон умудрился затащить, третий саженцы вишни упаковал. Только в одном все были одинаковы: определенно никто не знал толком, что такое та целина. Это сейчас я вам неделю про нее буду рассказывать, а тогда... Состав наш в марте выехал, по украинским меркам — весна. Ну, я и думал, что весна везде. Ехали быстро, за три дня до Акмолинска докатили, везде нам зеленую улицу давали. Тут митинг. Повыскакивали из вагонов, а морозяка под сорок да с ветерком. Девчата живые цветы нам тянут, комнатные, герань там и прочие. Пока до нас букетик дойдет, те цветочки бедные так и скукожатся от холода. И уши мои под фуражечкой, чувствую, вот-вот та же судьба постигнет, но терплю— как-никак герой-доброволец... От Акмолинска дальше поехали, по станциям. На каждой из них один-два вагона выгружались, и людей увозили куда-то в степь, где создавались новые совхозы. Нашему вагону подошла очередь выходить на станции Колутон. Было это, точно помню, 9 марта. Кругом снега и снега, да все тот же мороз. Лошади в куржаке, сани, а в санях мужчина с грудой тулупов и сам в тулупе: «Хлопци-полтавци, айда до мэне». С других саней зазывали другие люди, но мы прыгнули в эти и оказались в колхозе «Заветы Ильича», преобразованном потом в совхоз «Колутонский». Увез нас председатель Юрий Андреевич Хижняк. Расселились мы по квартирам местных жителей. Я попал в семью Даниленко. У них самих было трое сыновей и дочь, но приняли как родного. Баба Зина в колхозе работала, а хозяин рыбачил в реке Колутон, рыбой нас кормил. Вот так и начиналась целинная жизнь. Уже через день трактором с прицепным вагончиком я возил со станции новых новоселов — эшелоны с техникой, с людьми прибывали почти ежедневно. Теперь уже я выкрикивал: «Хлопци, айда до мэнэ». Хлопцы были из Москвы, Ленинграда, Севастополя, Чернигова... Меня жадно спрашивали: «Ну, как тут жизнь?» Я отвечал небрежно: «На целине как на целине» (как же, старожил, уже неделю в Колутоне живу!).

Еще письмо: «Наши уже начали вспашку. Здорово! Таких земель мы просто никогда не видели. Одна борозда идет на 40 километров. Тракторист за 12 часов успевает сделать одну борозду и ночует на другом стане, а его сменяет тракторист того стана. Пахота идет днем и ночью. Не хватает водовозов. Муравьев думает добавить еще по нескольку человек в каждую бригаду. Воду возят в основном на верблюдах. Сегодня ночевали в первой бригаде. Слушали патефон.. Долго говорили с ребятами. Они хоть и устают, но все очень довольны...»

— Я так вам скажу: уставать мы, конечно, уставали, но усталости не чувствовали. Не до того было. Дело-то ведь какое—азартное, небывалое. Вывез нас агроном далеко в степь, от Ковылинки еще километров за тридцать. Остановились, и он сказал: «Где-то здесь пахать — километров десять туда, а потом под прямым углом еще примерно столько». А точнее сказать не мог, видать, пространство и его образованный ум одолело... Начал я первую борозду, душа ликует, загонке конца не видно — паши, сколько выдержишь. Я много хотел выдержать. Пахали мы с напарником круглые сутки попеременно: один за рычагами, другой тут же в кабине спит. Сон такой: пока трактор фырчит — спишь нормально, чуть двигатель заглох — просыпаешься. Рефлекс. Харчи и горючее нам на быках возили, так вот, горючее между тракторами делилось тщательнее, чем хлеб,— буквально до капель, чтобы поровну было. Никто не хотел стоять, все в работу рвались. Так пахали до сенокоса, а потом и первая жатва подоспела. Богато собрали. Я маме отправил пять тонн пшеницы (на три года хватило, пока в армии служил), да денег несколько тысяч рублей. Она мне письмо прислала: «Услыхали наши про твои заработки, дивились на зерно, и пятьдесят душ мужиков поднялись ехать на ту целину...» Только меня не заработки на целине держат, а дело, большое дело...

Под Новый год, пятьдесят восьмой, демобилизовавшись, я домой прикатил, на Полтавщину. Второго января, еще в погонах, сел на трактор, не утерпел. Да шо це за работа: только разгонишься — уже край поля. Председатель уговаривал: «Оставайся, новый трактор получишь». Только не остался я, масштабы не те. Женился я на Вере и вернулся в степи целинные — дом строить, дальше целину обживать...

«Дорогая моя Симочка! Не надо слез. Знаю, что тебе будет трудно, но что поделаешь, если со мной такое. Кругом степь — ни конца ни края. Иду просто наугад. Буря заканчивается, но горизонта не видно, чтобы сориентироваться. Если же меня не будет, воспитай сынов так, чтобы они были людьми. Эх, жизнь! Как хочется жить! Крепко целую. Навеки твой Василий...

Дорогие мои деточки, Вовуська и Сашенька! Я поехал на целину, чтобы наш народ жил богаче и краше. Я хотел бы, чтобы вы продолжили мое дело. Самое главное — нужно быть в жизни человеком...»

— Что же, из песни слова не выкинешь. Целина подчас давала нам жестокие уроки. Через них мы ума набирались и опыта. Вот было со мной однажды. Возили мы зимой сено тракторами далеко из степи, километров за пятьдесят. Приехали, сани под погрузку поставили, сами двумя тракторами дорогу топчем до грейдера. Туда да обратно — километра три всего, ну чтобы сани груженые легче перетащить на твердое. Только слышу друзья-казахи торопят: «Быстро, быстро ехать надо, буран идет». Какой буран? Небо ясное, ни ветерка, правда, солнце стало как бы пленкой серой затягивать. Ну, ладно. Только сани к трактору подцепили, как началось: закрутило, завертело, небо с землей смешало и ясный день в ночь превратило. Вот он — буран... Те три километра до твердой дороги ехали мы восемь часов. Но пробивались вперед. Если бы остановились — замерзли. Я так вам скажу: надо всегда идти дальше, через все трудности, может быть, через не могу. Как шел целинный прораб Василий Рагузов, как шла Евдокия Андреевна Зайчукова, как Александр Иванович Бараев... Только так можно достигнуть высокой цели.

Первые трудности — палатки,

Будущее этой земли.

бураны, неустроенность быта, огромность непокоренных пространств — оказались лишь цветочками. Ягодки были впереди, когда из-за сплошной распашки плугами начались пыльные бури и эрозия почвы, когда упала урожайность, когда слабодушные покидали целину, когда у некоторых возникло мнение, что целина — это ошибка. Нужно было перестраиваться, нужно было ломать привычные представления о земледелии, нужно было снова ломать целину — на сей раз в себе самом. Новая система земледелия, основанная на обработке земли плоскорезами, позволила даже в самые засушливые годы получать гарантированный урожай. В моей бригаде сейчас плановая урожайность 16 центнеров (в первые годы радовались пяти—семи центнерам) с гектара, но план мы всегда перевыполняем. И я горжусь, что одним из первых начинал внедрять эту новую систему земледелия...»

«На центральной усадьбе дома растут как грибы после теплого дождя, поедешь туда в пересменок спустя неделю — опять дом стоит новый. Теперь их уже целый ряд. Молодежь работает с таким огнем, что не устоишь рядом без дела. Обветрились мы, и кожа с лица слазит, как у чертей полосатых... В совхозе уже около десяти пар молодоженов. Свадьбы справляем всей бригадой, а то и совхозом. Появятся дети, возникнет род, и станет целина для нас Родиной...»

— Я вот спрошу вас: для чего живет человек? Я знаю для чего. Чтобы землю сделать красивой и обильной. А без детей она никогда такой не станет, иначе кто же твое дело продолжит? Я не просто хлеб выращивал целинный. Дом построил, яблоневый сад посадил, сына породил — Гришку, потом дочки появились — Галка и Оксана, школу вечернюю окончил, техникум, в партию вступил... Утром встанешь — тебя в поле тянет, к товарищам по хлебу. К вечеру устанешь — ноги сами домой несут, знаешь, что тебя там ждут не дождутся. Хорошо. Теперь у Гришки уже свой дом и свой сын, мой первый внук. Стало быть, я уже дед, а с другой стороны — бригадир комсомольско-молодежной бригады. Как у нас в «Колутонском» шутят, комсомольско-молодежный дед... Меня как поставили в шестьдесят шестом временно бригадиром, так и забыли на этой должности. А вы спросите, какие у нас люди? Я вам скажу: настоящие. Особенными глазами я их увидел, когда в бригаду набирал. Брал молодых, окончивших десятилетку. Мне их брать не советовали. Работать толком еще не научились, а вот набедокурить что-нибудь — это пожалуйста. То драку в клубе учинят, то окно в девчачьем интернате высадят, то Коля Чухлий (теперь, кстати, отменный механизатор) от участкового прячется, то еще кто. Я их понимал. Сил много, а дела настоящего им никто не предлагает. Я хотел им дать настоящее дело. Я так думаю: вырастить хлеб, конечно, трудов стоит, но еще труднее вырастить, воспитать хорошего хлебороба. Будут хлеборобы, будет и хлеб... Собрал я своих мальчиков, повез их в степь, как меня самого когда-то везли. Вот наше поле — восемь тысяч гектаров, от вас зависит, каким оно станет. И жили и работали мы на полевом стане. Все делали самостоятельно — пахали, сеяли, убирали, сено косили и возили... Для них целина только начиналась, а с ними как будто сызнова начиналась и для меня — в третий теперь уже раз. Обрадовались мальчики делу настоящему, стараются изо всех сил. И Коля Чухлий, и Паша Епифанцев, и Амирбек Курманбаев, и Матвей Фибикер, и Коля Шалыгин, и Жаку Тунгушпаев, и братья Назаренко, Кобко, Савченко... В селе спокойствие наступило, участковому хоть с работы увольняйся. А мальчики в поле стараются. Так старались, что наша бригада первой по совхозу стала. Однако я вам так скажу: если вспоминать, то не одни только радости, иначе жизнь однобокой покажется, да и беднее, чем она есть на деле. У нас всякое бывало. Однажды весной в солонцах мы восемь тракторов утопили. Позор. И это в разгар посевной, когда, опоздай мы на день посеять, урожая хорошего не жди. Стали бревна к гусеницам цеплять, все в грязи, черные, как негры. Устали смертельно, но трактора все же спасли (на том месте и сейчас ямина приличная сохранилась). А передохнуть некогда, сроки поджимают. Стали так досевать: кто-нибудь впереди трактора шел, землю ногами прощупывал, следом — сеялки. Зато урожай взяли по 16 центнеров (на иных клетках и за двадцать переваливало) и пятилетку перевыполнили.

«Дорогая мама, как твое здоровье? Я тебе долго не писал, трудно было с уборкой. Летом дожди стороной нас обходили, а тут вдруг посыпались — приходилось дежурить у комбайнов, каждый погожий час сторожить. Твой внук Григорий тоже косил пшеницу. Нет такой машины, с которой он не мог бы управиться. Трактора у нас теперь К-700, богатыри, не чета старым ДТ-75... Мы сдали почти два плана, а Казахстан отчитался миллиардом пудов хлеба, ты, наверное, уже слышала. Мальчики в моей бригаде другие, прежние поуходили в армию служить. Вернутся — буду их женить, на крестинах гулять. Поздравь меня с наградой — орденом Ленина...»

— У нас говорят: казахский целинный миллиард обязательно нормой станет, это наша большая цель, и мы достигнем ее. Посмотреть на моих мальчиков—радость берет. За ними будущее: технику современнейшую с детства знают, в агрономии тоже сильны, доблести трудовой не занимать. А слава их сама найдет. Все, кто душу в дело вкладывал, правительством нашим не забыты. Вот мои друзья — Михаил Довжик, Леонид Картаузов, Михаил Яровой, брат мой названый Нургабул Малгаждаров — все звание Героя получили... Мальчикам моим дальше идти. Я не говорю, что им легче будет, но то другие трудности. И верится: через те трудности и они героями станут...

«Дорогие друзья! Узнал из «Комсомольской правды», что вы присвоили новому целинному совхозу мое имя. Труд целинников служит для меня и моих товарищей, космонавтов, замечательным примером мужества, самоотверженности, беззаветной преданности родной Коммунистической партии. Я давно стремился на целину и очень жалею, что не удалось потрудиться на славных комсомольских землях. Присвоение новому совхозу моего имени считаю большой честью и обещаю так же упорно осваивать космическую целину, как вы — степную. Так что прошу считать меня целинником...»

— Тут гадать нечего. Каждый целинник знает автора письма — это Юрий Гагарин. Он был из наших, настоящих. Мы с ним одного поколения. В марте ему исполнилось бы только 50, я на два года моложе... У меня много друзей среди космонавтов, мы часто говорили и об их работе и о нашей хлеборобской. И я вам так скажу: если не стесняться высоких исторических параллелей, то освоение целины можно поставить в один ряд с освоением космоса. Потому что хлеб — это такой вид энергии, который заставляет людей мыслить, заводы работать, космические корабли летать. Поэтому для меня нет дела важнее, чем выращивать хлеб...

На Целиноград, бывший Акмолинск, опускался вечер. У Дворца целинников клубилась молодежь — дети, а скорее всего внуки тех первых целинных добровольцев, к которым принадлежал мой собеседник. Мы шли среди фонтанов к Ишиму, и я спросил:

— Что бы вы написали сейчас своему внуку?

Он подумал немного, потом остановился и сказал:

— Я бы примерно такое письмо ему отправил:

«Больше тридцати лет отдал я хлеборобскому делу и ни разу не усомнился в своем выборе. Не всяк землю пашет, да всяк за стол садится. Почетна наша профессия на земле. Хлебом не только кормятся, но людьми настоящими воспитываются. Желаю тебе, внук, стать настоящим человеком...»

Так бы написал прославленный бригадир комсомольско-молодежной бригады совхоза «Колутонский», Герой Социалистического Труда Владимир Аврамович Дитюк, который комментировал письма добровольцев-первоцелинников — Василия Рагузова, Зинаиды Давыдовой, Юлии Силачевой, первого космонавта планеты Юрия Гагарина и... Владимира Дитюка. Так бы он написал, потому что сам воспитывался хлебом и стал настоящим человеком.

— Однако почему написал бы? — спросил он. — Обязательно напишу. Пусть прочтет на пороге своей зрелости.

●

Алтайский край. Целина вырастила отличных мастеров уборки. Среди них — комбайнеры колхоза имени И. Я. Шумакова (слева направо) И. И. Шумаков, В. М. Казьмин, И. М. Белоусов * Первые борозды (Кулундинская степь) * Центральная усадьба совхоза «Воронежский» Кустанайской области * Памятник первоцелинникам в Целинограде * Механизатор совхоза «Харьковский» Кустанайской области Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР Камшат Доненбаева.

На развороте вкладки: уборка зерновых на алтайской целине.

Фото А. ГОСТЕВА, Ю. ЛУШИНА и В. САДЧИКОВА (ТАСС)

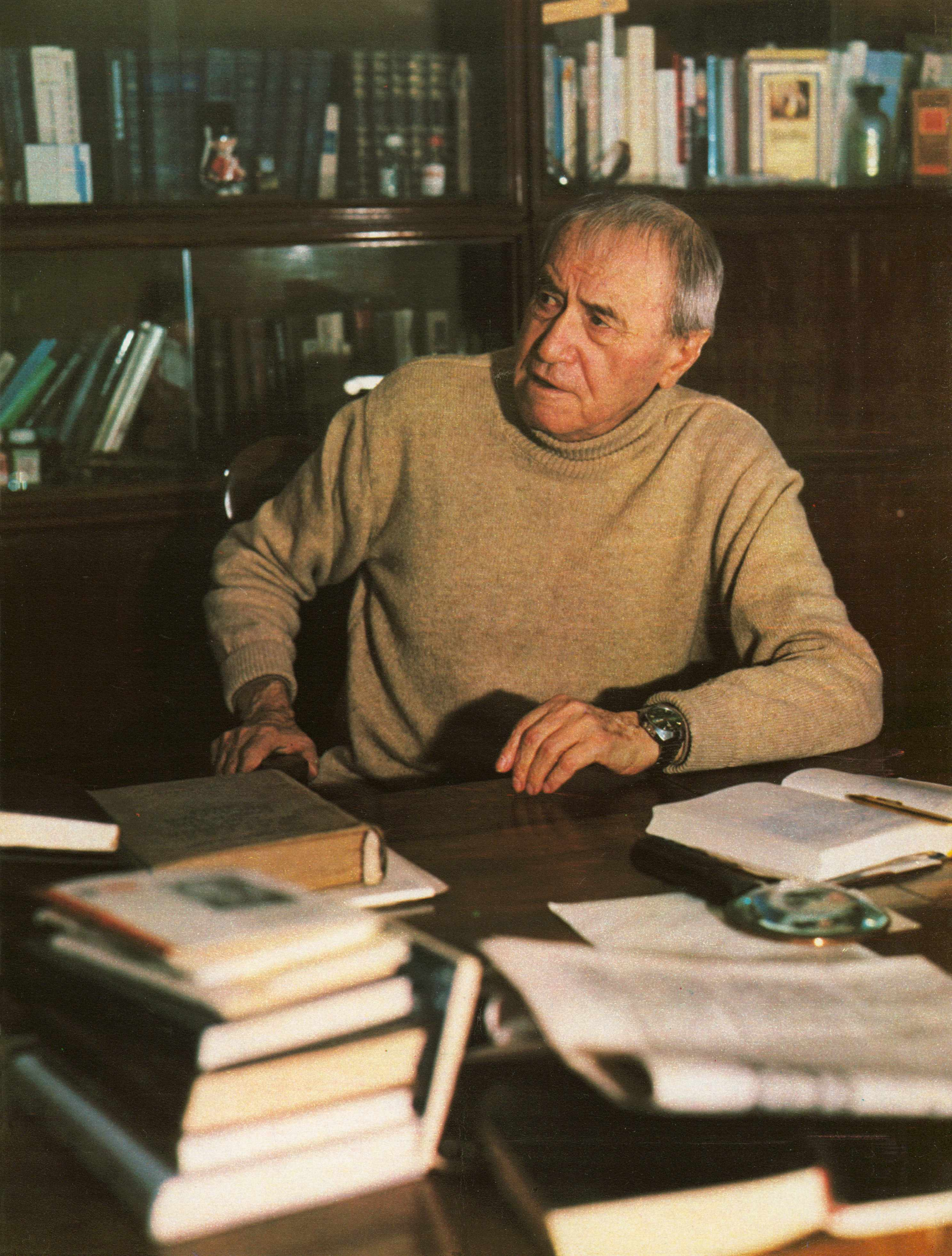

Зигмунд
ХИРЕН

День у Катаева

В один из зимних дней отправляемся в Переделкино к живому классику, как между собой, без кавычек, называем писателя Валентина Петровича Катаева.

Катаев родился на рубеже двух веков, и не будет преувеличением сказать, что в данный момент он стоит на пороге следующего столетия. Он пишет и для тех, кто будет жить в XXI веке. Первыми литературными опытами будущего крупного писателя заинтересовались Бунин и Короленко. Его прозу позднее высоко ценил Горький. Ставил катаевские пьесы Станиславский. С писателем дружил Маяковский, чья строчка из марша времени стала по совету поэта заглавием катаевского романа «Время, вперед!».

Условливаясь с писателем по телефону о встрече, спросил о здоровье. «Неважно»,— ответил он. «Погода?» — спросил я. «И возраст тоже»,— добавил Катаев.

Разбрызгивая переделкинские лужи, вкатываем на мост, под которым теснятся на хрупком потемневшем льду рыбаки-писатели. Сменив перья и пишущие машинки на удочки, колдуют, согнувшись над заветными лунками. Свернув на узенькую улочку Серафимовича, останавливаемся у дома, в котором живет Валентин Петрович.

Писатель встречает нас в сенях. Высокий, негорбящийся, с открытой седеющей головой, в толстой шерстяной фуфайке. Шлепанцы, легкие темные брюки... Из двери тянет холодом, и Катаев, стараясь прикрыть шею, подтягивает воротник до самого подбородка. Тихий, чуть приглушенный голос со знакомой южной интонацией. Кухня, узенькая прихожая — и попадаем в комнату под внутренней лестницей, тут Катаев приглашает раздеваться. Начиная с входной двери, обитой клеенкой и войлоком, все здесь кажется удивительно знакомым. В том целиком повинен хозяин дома, который по строчке, по абзацу, а то и по целой странице вкрапливал в свои книги и эти вот обыденные детали. Входим в гостиную и сразу замечаем толстые фаянсовые чайные чашки с синеньким узором. Не одну ли из них писатель вывел в повести «Кладбище в Скулянах»?

Мы с Валентином Петровичем удобно уселись на узком темно-синем плюшевом диване. Заложив ногу за ногу, Катаев внимательно наблюдает за фотоприготовлениями моего товарища, но тот просит Катаева пересесть в кресло, писатель неохотно пересаживается, роняя не без сарказма: «Так, думаете, красивее получусь на карточке?»

Первые же слова, произнесенные Катаевым, невольно возвращают к временам, когда все трое мы были в военной форме.

— Всюду льется кровь,— с печалью сказал писатель.— Без конца военные эксцессы...

Однажды в войну возле гостиницы «Москва», куда Катаев, как и многие другие, переехал с Лаврушинского, упала гигантских размеров авиабомба, говорили, что это даже не обычная бомба, а торпеда. Упала на трамвайную линию, проходившую в то время у самого входа в гостиницу. Упала, но не разорвалась, мало того, каким-то чудом никого не убила. Прибывшие с Западного фронта, все еще остававшегося под боком у столицы, саперы объявили: обезвреживать нечего, бомба ничем не начинена. Возникло множество догадок, предположений. Одни считали это чистой случайностью, а проще говоря, производственным браком; другие увидели в происшествии руку далеких друзей, действующих в глубоком тылу врага... А вот Катаев и сейчас, спустя сорок лет, у себя в Переделкине он это подтвердил, увидел все в другом свете. Приехали мы тогда к нему в гостиницу «Москва» вместе с писателем Львом Славиным. Катаев встретил нас словами о том, что зря пропадает мировая тема.

«Какая еще тема?» — удивился Славин. «А бомба?» «Что бомба?» — оставался невозмутимым мой спутник. «А то...» — уже начал сердиться Катаев...

— И я напомнил тогда,— продолжил уже сегодня Катаев, чуть приподнявшись со своего кресла,— о нашей встрече у командарма Леонида Александровича Говорова с английским генералом, прикатившим в Подмосковье прямо из Гибралтара, чтобы лично убедиться, способны ли русские задать Гитлеру «второе Бородино». Англичанин проявлял удивительную энергию, забирался на броню трофейных танков, заглядывал в жерла тяжелых артиллерийских орудий, отколупывал посиневшими ногтями наледи, грязь, снег с медных табличек заводских марок, по ним определяя, что продукция военных заводов одиннадцати государств была брошена Гитлером на Москву.

«И что же,— сказал генерал, глядя на штабеля одеревеневших от мороза трупов гитлеровских вояк,— все попали не в Москву, а в преисподнюю. Сообщу нашему Уинстону, что «второе Бородино» состоялось...»

Но помнится, что ни я, ни Славин в тот момент толком не поняли, куда Катаев гнет и какая связь между генералом из Гибралтара и не разорвавшейся возле гостиницы «Москва» фашистской бомбой.

— А бомба-то неразорвавшаяся была сработана во Франции,— вспоминает Катаев.— И я сказал тогда Славину, нынешнему моему соседу по даче в Переделкине, он живет напротив: а не подумал ли ты, Лева, что тут замешаны потомки французских солдат из твоей «Интервенции»? Кому, как не этим парням, ныне сражаться в рядах Сопротивления? А помните, что тогда ответил Славин? А вот что он ответил: да, Валя, я с тобой вполне согласен, тема мировая, но возьмусь за нее не раньше, как мы войдем в Берлин. Так? Правильно говорю? — спрашивает меня Катаев.

Да, подумал я, слушая теперь, спустя сорок с лишним лет, Катаева, может быть, и та самая неразорвавшаяся бомба тоже внесла пусть крошечную, а все же лепту в нашу Победу.

Но тут Катаев продолжил:

— Как-то шли мы по Парижу, иногда останавливаясь перед маленькими мемориальными досками с именами героев Сопротивления, украшенными букетиками цветов и пожелтевшими трехцветными лентами венков, превратившихся в проволочные скелеты,— ужасные напоминания о немецком фашизме, в течение четырех лет терзавшем Францию. Каждая такая мраморная доска освящала место, где на черно-синей парижской мостовой пролилась кровь патриота. Не исключено, что среди мемориалов был один, а может быть, и несколько с именами тех, кто сработал ту самую неразорвавшуюся бомбу.

...Пока так беседуем, получил некоторое представление о нынешнем творческом самочувствии Валентина Петровича. Начать с того, что при нас привезли из Москвы сверку новой книги Катаева, названной им... «Юношеский роман»! Что с того, что автору через несколько дней стукнет восемьдесят семь! О чем роман? О войне. Затем приходит верстка очередных томов десятитомного собрания сочинений Катаева. К слову, знаю: за стеной, где сейчас беседуем, на ступеньках внутренней деревянной лестницы сложены папки с рукописями тех самых томов нового собрания сочинений.

— Архив,— говорит писатель,— может, кому-нибудь когда-то понадобится...

В одном из первых томов будет роман «Время, вперед!», кажется, единственный в истории, печатавшийся без первой главы. Так Катаев и написал под единичкой: «Первая глава временно пропускается». И лишь перед последней главой, под заголовком («Глава первая») напечатал письмо из Парижа спецкору РОСТА Саше Смоляну. «Первая глава,— писал Катаев журналисту Смоляну, с кем провел много месяцев в Магнитогорске,— по праву принадлежит вам, мой дорогой друг и руководитель. В капле дождя вы научили меня видеть сад... Пусть ни одна мелочь, ни одна даже самая крошечная подробность наших неповторимых, героических дней первой пятилетки не будет забыта». ...И вот, сидя теперь на даче у Катаева спустя более полувека, когда были написаны им эти строчки, говорю Катаеву, что Саша-то Смолян был и моим другом, вместе в начале тридцатых годов работали в РОСТА. И это вот катаевское письмо из Парижа, вернее, оригинал его, ставший впоследствии первой главой романа, я держал в своих руках. Саша дал прочитать.

— Знаете,— вспоминает Валентин Петрович,— ведь Смолян-то родился в Америке, не то в Бостоне, не то в Чикаго.

— Знаю,— подтверждаю я,— и был вывезен своими родителями в Россию маленьким ребенком.

Вспоминая ли судьбу нашего общего знакомого или по другой ассоциации, но Катаев заговорил о своем последнем посещении США, где бывал неоднократно.

— Мы живем в безумно трудное время. Земному шару угрожает атомная война. Летишь над Атлантическим океаном, а навстречу — американские бомбардировщики.

Всюду в США претензия на модерн. Какой-то мультимиллионер ударился в коллекционирование древней архитектуры, привез из-за океана целиком греческий амфитеатр, собрал во дворе виллы. Чудовищное богатство уживается с чудовищной нищетой. Небоскребы, заслонившие солнце, зеркальные витрины с бриллиантами и алмазами, а по соседству трущобы, сломанные железные лестницы, выбитые стекла окон, оборванные, несчастные люди, толкающие тележки с тряпьем.

В последний раз посетил я США в составе делегации советских писателей. Принимала нас ассоциация крупнейших американских издателей. Задали нам шикарный банкет, а потом один за другим стали нас издатели учить, как писать, чтоб нас, советских писателей, можно было печатать в Америке. Не постеснялись укорять, что мы-де все пишем по указке Кремля.

Тут я разозлился и выступил — сказал, что пишу о чем хочу и никто никогда мне не диктовал. Я считаю, что прожил интереснейшую жизнь. Вспомнил, между прочим, Магнитку и даже Сашу Смоляна, родившегося в Америке и ставшего у нас писателем, одним из редакторов толстого литературного журнала «Звезда». А тут решили мне и моим товарищам диктовать, как надо жить и о чем писать. «Что-нибудь авантюрное, что-нибудь ковбойское...» Запомните, господа дорогие, ни строчки не дам вам. А вот своими советами вы проявили громаднейшее неуважение и к нам и к нашей стране. Вам показалось, что за деньги все можно, даже сделать заказ на вдохновение. Нет, дорогие господа, вдохновение не продается, об этом еще Пушкин предупреждал.

...Признаться, задолго до этой переделкинской встречи заинтересовала меня одна строчка, записанная Катаевым при полете над Атлантическим океаном, по пути в США.

Вот она, эта строчка: «Кто мне вернет пропавшее время?» Катаев на мой вопрос ответил, что заинтересовавшая меня строка имеет прямое отношение к его творчеству. Теперь от писателей требуется наивысшее напряжение, надо писать такие книги, которые бы читали с захватывающим интересом, которые бы повсеместно смягчили нравы, остановили бы атомное безумие.

— Все правильно,— соглашаюсь я,— но с чего вы, Валентин Петрович, плодовитейший автор, вдруг решили, что потеряли время? Между прочим, если не ошибаюсь, ровно четверть века назад вы тоже ни с того ни с сего объявили, что подводите итоги прожитого. А после этих «итогов» написали еще по меньшей мере десять романов и повестей.

— Отвечаю. Вы говорите, что я много написал, так ведь это моя профессия, писатель, я и должен все время писать, из этого состоит каждый прожитый мной день. Вот говорят в последнее время о «новом» Катаеве. «Новый» — значит два, и оба, представьте, в моем лице. Работая над книгой о Владимире Ильиче Ленине, почувствовал, писать по-старому уже нельзя. Пришел к твердому убеждению, что предпочтение надо отдавать не хронологии, а писательским ассоциациям.

Тема Ленина давно привлекала меня. Всю свою сознательную жизнь я мечтал написать о нем книгу. Но как приступить к этой теме? Еще в начале двадцатых годов работал я в Главполитпросвете и был знаком с Надеждой Константиновной Крупской, которая визировала сочиняемые мной тогда агитки. Несколько раз просил я Надежду Константинов-

Валентин Петрович Катаев. Январь 1984 года. Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА

ну, чтобы она познакомила меня с Владимиром Ильичем. Она обещала, но Ленин был болен и не поправился... Спустя много лет, когда вплотную подошел к теме и, приехав в Париж, стал советоваться со своими старыми друзьями Эльзой Триоле и Луи Арагоном, я узнал от них много потрясающего о пребывании Ленина в Париже. Словом, начался сбор материалов, и я вскоре понял, что лишь приемом ассоциаций, а не хронологией смогу осуществить задуманную книгу. Мало того, стремление к хронологии отрежет мне путь к будущему моему читателю, так как основной образ мысли нормального человека не хронологический, а ассоциативный. Писатели изо всех сил стараются втиснуть человеческую жизнь в хронологическое повествование, тем самым обедняют самих себя, растрачивая зря свои творческие ресурсы, ну и читателя оставляют в убытке, лишая его возможности увидеть жизнь такой, какая она есть. Это не открытие, так работали Достоевский, Толстой и Чехов. Над тем, о чем я сейчас вам рассказал, задумывались с самых древнейших времен. Цель творчества — самоотдача. Сестра Чехова Мария Павловна мне рассказывала, как писал Антон Павлович. Любил он ходить в Малый театр, бывало, заранее купит билеты, скажет сестре, что вечером пойдут вместе — такой-то ряд, такие-то места, а сам сядет писать. Мария Павловна глянет на часы и опять убедится, как уже много раз случалось: в театр им не попасть. Глаза у брата, как плошки (так и сказала мне), устремились в пространство, перо бежит по листу бумаги, он будто и не смотрит на свои строчки, лишь откинет написанное, и вот уж новый лист заполнен. Иногда казалось, что Антон Павлович чуть ли не теряет сознание, но нет, перо продолжало бежать.

Разговор перешел на времена, когда писатель встречался со Станиславским, поставившим его «Растратчиков» и «Квадратуру круга».

—У Станиславского были излюбленные слова: «Можете играть хорошо, можете играть плохо — это меня не касается. Мне важно, чтобы вы играли верно». Так МХАТ работал над моими пьесами.

После слов Катаева о Станиславском захотелось рассказать писателю о другом, увиденном мной вскоре после окончания Отечественной войны спектакле.

— Знаете,— начал я,— с вашим «Сыном полка» впервые познакомился не в Москве, а среди Карпатских гор и лесов, в крошечном, забытом, как когда-то говорили, богом и людьми сельце. Не прошло и четверти часа, как туда забрался, а меня зовут в театр, точнее, в сельский клуб, говорят, будет спектакль, называется «Сын полка». Ясно, пошел, не стану вспоминать, как все было, одно сообщу: вашего Ваню Солнцева играл мальчуган, чей отец сражался в Интернациональной бригаде в Испании, на фронтах Отечественной войны, а в августе 1943 года спустился на парашюте с нашего, советского бомбардировщика неподалеку от родного дома для выполнения особо важного задания. Выполнил задание успешно, но впоследствии был схвачен фашистами и казнен. Зверским пыткам была подвергнута и жена патриота. Так вот, их-то сын и получил в вашей пьесе роль Вани Солнцева. И я видел, как после спектакля мать, обливаясь слезами, обхватила руками еще не разгримированного сыночка своего, ни на шаг не отпуская от себя.

И тут вместе с Валентином Петровичем вспомнили образы детей, созданные писателем в его книгах. Он входил вместе с нашими войсками в освобожденную Одессу, чтоб затем описать военную судьбу своих некогда юных героев повести «Белеет парус одинокий», и получился новый роман. Затем написал рассказ «Отче наш», снискавший всемирное признание как литературный шедевр.

Не так давно Валентин Петрович Катаев отправился зимой в Магнитогорск, чтобы вновь увидеть тех, кого описал в своем романе-хронике «Время, вперед!». Эти люди свершили немало для спасения мира от фашизма. Каждый второй наш снаряд, выпущенный в Отечественную войну, был сделан из магнитогорского металла. Здесь, где некогда молодой писатель выступал со статьями в газете «Магнитогорский рабочий» о преимуществах бригадного метода труда, о первом блюминге. И вот повстречался Катаев с такими, как и он теперь, уже пожилыми людьми — сталеварами, доменщиками, с их детьми, их внуками — школьниками и школьницами. «Обратно в Москву,— записал Катаев,— я возвращался на поезде, любуясь несказанной прелестью зимнего Урала...».

...Вскоре мы расстались с Валентином Петровичем. Наш обратный путь лежал мимо Триумфальных ворот, мимо Бородинской панорамы. К слову, предки писателя, как удалось Катаеву установить, были участниками сражения при Бородине 1812 года. А братья — их потомки — Валентин Катаев и Евгений Петров стали участниками и летописцами боев в Подмосковье сто тридцать лет спустя.

Гусейн АББАСЗАДЕ

БЕЛКА

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

1

Ранним утром Бахыш-киши, опираясь на палку, похожую на пастушеский посох, неторопливо шагал по тропинке между зелеными эльдарскими соснами. Статный, кряжистый, с густой шапкой седых волос, Бахыш-киши чем-то напоминал могучий дуб, поднявшийся среди молодых сосенок. По всему было заметно, что он этой молодой роще сродни. Не он ли вот уже который год ухаживал за деревьями, щедро поил их водой, окапывал?.. Он чувствовал себя не хозяином, а скорее частью этой рощи. Цель в жизни, смысл ее, призвание Бахыш-киши обрел по-настоящему здесь, в этом знойном уголке Апшерона. Без этих сосенок он, кажется, не мог и не хотел дня прожить. Наверняка он и на этот раз отказался бы от поездки, но письмо, позвавшее в дорогу, растревожило душу. Писали его боевые друзья из Белоруссии, те, с кем он делился в годы войны хлебом, те, с кем вместе воевал в болотистых чащобах Полесья. Сейчас они звали его на встречу ветеранов — мог ли он не откликнуться? В тот же день Бахыш-киши отбил в почтовом отделении телеграмму: «Ждите, еду» — и в назначенный срок вылетел утренним рейсом в Минск.

И теперь, шагая по участку, где сосны уже подросли, сомкнули ветви, Бахыш-киши вспоминал густую тень белорусского леса, поляну, на которой зажгли старые бойцы костер, будто в те давние военные годы, когда звучали фронтовые песни... Радостной была встреча старых партизан, радостной и грустной. Большое счастье — увидеть товарищей по оружию, с которыми судьба надолго разлучила. И очень трудно вспоминать о тех, кого унесла война, кто покинул живых после, в долгие послевоенные десятилетия. Было в войну Бахышу, сыну Идаята, двадцать три года, в отряде он был одним из самых молодых. А теперь он уже дедушка Бахыш, двое внуков растут, не успеешь оглянуться, и правнуков дождешься... Но это теперь время так быстро летит, а тогда, бывало, каждый день казался годом, и не чаял Бахыш вернуться живым из этого огненного пекла.

Из кустов дикого укропа с шумом вспорхнули две горлицы. Бахыш-киши остановился, прислушался: для него не было ничего желаннее песни горлинки. Бывало, часами слушал и наслушаться не мог. Вот и теперь он помедлил, выждал, но тихо было вокруг, и Бахыш неохотно двинулся дальше.

День набирал силу, становился все жарче, но Бахыш-киши продолжал свой обход, пока не осмотрел все уголки рощи, лично не убедился, что все в порядке. Улетая в Белоруссию, он очень просил присматривать за своими питомцами старого садовника Аламдара-киши. Следы его трудов не раз отмечал про себя Бахыш: там заботливо политы молодые саженцы, там подпорка поставлена рядом с молодой сосенкой, погнувшейся от злого апшеронского ветра... «Дай тебе бог здоровья, Аламдар-киши!» — мысленно поблагодарил садовника Бахыш.

Он оказался перед воротами пансионата и неторопливо зашагал по асфальтовой аллее. Здесь посадки были старше, и, кроме эльдарских сосен, росли еще тополя, чинары, ивы, кипарисы... Тянулись к солнцу виноградные лозы, матово светились персики, наливались алым огнем гранаты, пестрели цветы на клумбах.

Бахыш-киши тяжело присел на скамейку перед одним из корпусов. Ну и жара! Если сейчас, утром, дышать нечем, что же днем будет? Ветерок — и тот утих, воздух застыл неподвижно и, кажется, звенит от зноя.

Бахыш-киши неторопливо обмахивался шляпой, а мысли текли медленные, тягучие: «Вот и лето подошло к концу, осень настанет, а там, глядишь, и до зимы недалеко... Эх... все в мире проходит...»

На правое колено Бахыша-киши упала темно-красная капля. Упала и тут же растеклась, впиталась в тонкую серую ткань. Это что еще за напасть? Кажется, кровь. Бахыш-киши вскочил на ноги, поглядел вверх. Шелестели зеленые листья тополя, и ничего нельзя было разглядеть сквозь их легкую завесу. Старик отошел на несколько шагов и посмотрел на дерево. Вот оно! В зеленой листве мелькнуло что-то рыжее, Бахыш-киши даже подумал сначала, что это раненая птица села на ветку, это ее кровь капала вниз. «Бедная птица,— пробормотал старик,— есть же еще на свете такие негодяи, которым ничего живого не жалко».

Однако что за птица с такой окраской вдруг появилась на Апшероне? Бахыш-киши таких не знал. И вдруг пронзительная догадка заставила старика вздрогнуть. До боли в глазах вглядывался он в рыжую искорку, еле тлевшую в зеленой листве. И чем он дольше глядел, тем больше становилась эта искорка, словно клочок пламени горел на ветке дерева. «Неужели это белка?..» Да, сомнения быть не могло: это рыжее пятнышко, этот клочок пламени на тополе не птица, а белка, одна из тех белок, поселившихся в роще, которую охранял Бахыш-киши.

Что же случилось? Кто ранил белку, опасно ли? Ее нужно сейчас же, немедленно снять с дерева, перевязать, показать врачу. Но как доберешься до зверька на высокую ветку тополя? Старик огляделся: безлюдная аллея, молодая мать с коляской... Нет никого из ватаги шумных ловких ребят, отдыхавших здесь все лето. Они-то сразу помогли бы!

Бахыш-киши взглянул на часы. Было без двадцати двенадцать — значит, рабочие, которые трудились неподалеку в подсобном хозяйстве, еще не ушли на обед, и старик направился туда.

2

Ночь стояла душная. Дневной зной будто бы навсегда поселился в городе — камни зданий, асфальт мостовых впитали его. И ни звука, ни дуновения ветерка...

Бахыш-киши сидел на балконе на низенькой мягкой тахте, неторопливо отхлебывал из стаканчика крепкий чай, а глаза были устремлены на маленькую клетку в углу балкона. Там, откинув голову, распласталась на полу белочка. Вся ее правая лапка была забинтована. Бахыш-киши вспоминал, как помогли ему снять белку с тополя, как нашли машину, чтобы срочно везти ее в город, в ветеринарную поликлинику...

Сегодня против обыкновения он не вернулся на работу. Из поликлиники он пошел с белкой к сыну, а вечером приехал к себе, в восьмой микрорайон. Он считал так: если к утру белке станет лучше, он прямо отсюда поедет в пансионат, если же состояние останется прежним — придется снова ехать к врачу.

Зазвонил телефон. Бахыш-киши кряхтя поднялся, прошел в комнату. Звонил Фарман, его сын, интересовался, как белка. Когда отец сегодня гостил у Фармана, тот пытался, как мог, успокоить его. «Чего волноваться, отец? Из-за чего, в самом деле,— из-за белки... Мало ли у нас у всех забот и хлопот, так ты себе еще новую придумываешь. Пойми, не имеешь ты права так себя изводить — у тебя ведь инфаркт был, тебе сердце беречь надо...»

Бахыш-киши успокоил и сына и невестку: «От заботы о живом, дети, никому еще вреда не было. Вот если погибнет зверюшка — будет у меня сердце болеть. Уж кто-кто, а вы-то сами знаете, сколько сил я потратил на эту белку».

Вернувшись на балкон, Бахыш-киши стал обмахивать лицо рукой. «Ну и жара! Хоть бы быстрее осень наступила, а то уже сил нет...»

Случай с белкой так выбил старика из колеи, что он даже не приласкал внучат, когда был сегодня в гостях у сына, не подержал на коленях, не рассказал, какие подарки привез им из Минска. Бахыш-киши покачал головой, укоряя себя. Разве можно быть невнимательным с малышами? Белка, все белка... Из-за нее он и подарки внуку и внучке не сумел сегодня привезти.

Старый дом в центре города, где жил теперь Фарман с семьей, был навсегда дорог Бахышу. Больше двадцати лет прожили они там с Ширинбаджи. Всякое случалось — и хорошее и плохое, и радости были и тяжелые дни... А только всегда жили Бахыш и Ширинбаджи в дружбе и в согласии.

Когда Фарман женился, дали ему от нефтеперерабатывающего завода, где он работал, новую квартиру — вот эту самую однокомнатную квартиру в восьмом микрорайоне, на балконе которой сидел сейчас Бахыш-киши. Тогда старик, посоветовавшись с Ширинбаджи, решил отдать молодым городскую трехкомнатную квартиру, а самим перебраться сюда. Правильно решили, никогда Бахыш не жалел об этом. Молодым расти надо, детей воспитывать, семью укреплять. Пусть уж с самого начала устраиваются, как надо.

Ради этого не погнушался Бахыш-киши бумажными хлопотами, которых терпеть не мог. Добился того, что оформил квартиру Фармана на себя, а старую квартиру Бахыша закрепили за сыном. И надо было такому случиться, что в самый день переезда начались у Ширинбаджи невыносимые боли в животе. Срочно вызвали «Скорую помощь», отвезли в больницу, оперировали, но как ни старались врачи спасти Ширинбаджи — не сумели.

Крепко горевал Бахыш-киши, хоть виду старался не подавать. Долго не мог он привыкнуть к новой квартире, к новому району: часто ездил к сыну в гости, на кладбище бывал почти каждый день.. Время взяло свое, притупилась боль утраты, но прежним, таким, каким он был до смерти Ширинбаджи, Бахыш-киши так и не стал.

Потому и сам не удивился, когда вдруг случился с ним инфаркт. Обширный, говорили врачи, тяжелый. Не надеялся Бахыш-киши, что поднимется с больничной кровати, и по глазам врачей видел, что и у них надежды мало. Однако, верно, не пришел ему срок умирать. Когда вернулся Бахыш домой и Фарман достал ему путевку в один из апшеронских кардиологических санаториев, спорить не стал, хотя в былые времена ни за что бы не согласился.

Нежданно-негаданно лечение в санатории изменило жизнь Бахыша-киши. Он прекрасно помнит тот вечер, когда на скамейке в одной из тенистых аллей перед ужином познакомился с отдыхающим, жившим неподалеку. Разговорились. От него и узнал Бахыш-киши, что рядом строится большой пансионат для семейных. И требуется туда, кроме прочих специалистов, еще и лесник-садовод. Бахыш-киши удивился: для чего лесник, откуда леса на Апшероне? Но собеседник клялся, что своими глазами читал объявление, и еще рассказал, что собираются здесь посадить большую сосновую рощу. Может быть, для нее и нужен лесник...

Бахыш-киши так заинтересовался, что на следующее утро после завтрака отправился в пансионат. И в самом деле, он увидел, что вдоль берега над крутым обрывом выросли многоэтажные дома, а перед ними в аллеях и дальше, за оградой ровными рядами высажены молодые сосенки. Бахыш-киши полюбовался деревьями и вернулся к себе в санаторий. Однако мысль пойти работать лесником уже запала ему в душу.

Всю жизнь Бахыш-киши любил растения. Это он посадил во дворе старого дома виноград, защитил лозу решеткой, дотянул ее до своего балкона на третьем этаже. Сделал на балконе навес из деревянных реек и пустил по нему виноград. Красиво, зелено было на балконе у Бахыша. Какие только цветы не росли здесь в длинных деревянных ящиках! С мая до ноября не было такого дня, чтобы не цвели какие-нибудь из них. А для Бахыша-киши не было лучших минут, чем те, когда он поливал лозу, или цветы удобрял, или аккуратно обрезал осенью лишние побеги.

До этого чуть не тридцать лет работал Бахыш-киши линотипистом. Работа была нелегкая: сидишь целый день на месте, набираешь буквы, льешь строчки, отвлечься нельзя ни на миг. После инфаркта врачи не рекомендовали Бахышу-киши возвращаться на прежнюю работу. Вот разве что в самом деле пойти лесником — это было бы здорово! Одно только смущало Бахыша: уж очень далеко ездить сюда из города. К тому же, раз уж едешь в такую даль, так был бы лес как лес, а то молодая рощица. Трудов на нее надо много положить, а приживутся ли деревья под знойным апшеронским солнцем — кто знает...

И теперь, когда он думал о чахлых кустиках и молодых сосенках, посаженных около пансионата, губы его кривила ироническая усмешка. Лесника им нужно, скажите! Да тут целую жизнь надо положить, чтобы если не лес, то роща зазеленела среди песков.

3

Легкий шорох в углу балкона привлек внимание Бахыша-киши. Он посмотрел в клетку: так и есть, чашка с водой опрокинута. Видно, белка хотела напиться, но не смогла — сил маловато... И все же то, что зверек захотел пить, обрадовало Бахыша. Кажется, потихоньку приходит в себя рыжая. Может, поправится.

Он принес из кухни свежей воды, аккуратно поставил чашку в клетку. Белка вздрогнула, отпрянула... «Да не бойся ты, глупая! Попей, попей воды. Гляди, какая жара на улице!» Бахыш придвинул чашку совсем вплотную к белке, но зверек откинул голову назад.

Бахыш-киши вспомнил первые дни этих белок на Апшероне. Пугливые были, дикие. Он их подкармливал, как мог: то хлеб приносил, то фрукты, но зверьки долгое время ничего не брали из рук, боялись. Потом, конечно, перестали дичиться, издалека узнавали своего хозяина. Бахыш-киши никогда не путал белок друг с другом, знал их повадки, характеры. Самец был подвижнее, агрессивнее, самочка — застенчивая, робкая. На ее рыжей шубе красовалось белое пятнышко с грецкий орех величиной. Самочку Бахыш назвал Гашкой, а самца — Джигалом.

«Пей, Джигал, пей, маленький!»

Но Джигал словно не узнавал Бахыша-киши, все старался отвернуть голову от чашки. Тогда старый лесник отошел в сторону, облокотился на перила и принялся глядеть на улицу.

Из клетки донеслось тихое причмокивание, и Бахыш-киши, скосив глаза, увидел, что белка жадно лакает воду из чашки. У Бахыша от сердца отлегло. Хорошо, если бы Джигал, напившись, поел хоть немного... Но белка не обратила внимания на хлеб. Бахыш-киши выждал минут пятнадцать, а потом наполнил чашку свежей водой и поставил в клетку.

Когда молодой рабочий снимал для Бахыша-киши белку с тополя, вокруг старика собралась группа людей. Взрослые судачили о том о сем, дружно осуждали того, кто швырнул в белку камень. Малыши стояли молча. Только один из них — пухлый, белолицый, вдруг взял за руку одного из своих товарищей и, отведя его в сторону, принялся что-то заговорщически шептать на ухо. Бахыш-киши заметил это. Он поманил ребят пальцем к себе, сказал строго:

— Я вижу, вы оба хорошие ребята, белку жалеете — и правильно. Я вот на вас сейчас смотрел, и показалось мне, что вы знаете, кто ранил зверька. Очень прошу: скажите, кто это сделал. Обещаю, что никому вас не выдам.

— Не знаю, не знаю я ничего! — И мальчишка, всхлипывая, побежал к своему корпусу.

Бахыш-киши понял, что настаивать бесполезно.

— Не хотите сказать — и не надо, все равно я его, негодяя, найду,— сказал он, ни к кому не обращаясь.— Найду — и уж тогда ему не поздоровится!

Белку тем временем сняли с дерева, положили на скамейку, подстелив большие листья инжирового дерева, росшего неподалеку. Белка дышала тяжело — то ли от жары, то ли от боли.

Подошел крепкий старик, поглядел на белку, сокрушенно покачал головой.

— Удивляюсь, как это белка сюда попала. Вчера днем я своими глазами видел всех трех вон на том краю рощи. И все были живы-здоровы и веселые. Пока тебя не было, я каждый день рощу осматривал. И обход всегда начинал с белок. Пока их всех не увижу, под ноги не смотрю. Кому, как не мне, знать, сколько ты сил вложил, чтобы прижились здесь белочки... А теперь и за остальных боязно...

...Наконец-то стало прохладнее, подул легкий ветерок. Бахыш-киши зевнул, глаза у него слипались — в самом деле, сколько можно без отдыха быть на ногах. Нагнувшись, он заглянул в клетку — белка, казалось, дремала, стоявшая впереди глиняная чашка была до краев полна водой: значит, больше она не пила.

Бахыш-киши обрадовался, что зверек спит спокойно, что ветер наконец подул, и вода, наверное, идет в такой поздний час, значит, можно принять душ... Он искупался, вынес на балкон раскладушку, постелил на нее тюфяк, принес свежую простыню. Лег — и блаженная истома охватила его, он словно бы парил в невесомости. Ему казалось, что еще мгновение — и он уснет, но на самом деле он не спал долго, очень долго...

4

Всякий раз, когда Бахыш-киши ложился на раскладушку, он независимо от себя переносился памятью в давние военные годы. Тогда его, раненного, привезли в Баку и положили в госпиталь. Госпиталь располагался в трехэтажном школьном здании на углу Красноармейской и 6-й параллельной. Бахыш от души радовался, что ему посчастливилось попасть на лечение в родной город, но удобств, конечно, в ту пору не было никаких. В переполненном госпитале многие больные лежали на раскладушках прямо в коридорах и вестибюлях. Стояла зима, и у окна, у которого была раскладушка Бахыша, сильно дуло. Холод мешал уснуть. Всякий раз, когда внизу открывалась дверь, волна холодного воздуха окатывала раненых. К тому же здание почти не отапливалось, батареи были чуть теплые. Бахыш, потерявший при ранении много крови, ночами подолгу не мог уснуть, и это усугубляло его страдания. Но позвать врача или медсестру стеснялся — люди и так целыми сутками на ногах, не знают ни покоя, ни отдыха... Ничего с ним не случится, перетерпит.

Но однажды ночью в отделении дежурила медсестра Ширинбаджи, которая давно нравилась Бахышу. Обходя больных, она заметила, что раненый не спит, но в первый раз ничего не сказала. Через полчаса она снова появилась у его постели, поправила ему подушку, спросила шепотом:

— У вас болит что-нибудь?

Бахыш помотал головой.

— Тогда почему вы не спите?

Бахыш постеснялся сказать правду этой молодой красивой девушке. Он лежал, молча глядя на нее.

— Я принесу вам снотворное,— сказала Ширинбаджи,— выпьете и сразу уснете.

— Не знаю...

Но Ширинбаджи уже направлялась в ординаторскую. Вскоре она вернулась с таблеткой и стаканом воды. Бахыш молча выпил пилюлю, отодвинул стакан в сторону. Но, видно, девушка почувствовала, что раненому мешает холод. Минут через десять она снова пришла, неся байковое одеяло, укрыла им Бахыша, заботливо подоткнула с боков.

— Вот теперь вам будет хорошо...

— Как вы догадались? — спросил Бахыш.

— А вот догадалась! — улыбнулась ему Ширинбаджи.

Этой симпатичной девушке было от силы лет восемнадцать. Прошлым летом она окончила школу и пошла работать в госпиталь. Раненые очень любили ее — для каждого у нее находилось ласковое слово, улыбка, просто добрый взгляд. Все раненые утверждали в шутку, что чувствуют себя лучше, когда дежурит Ширинбаджи. Собственно, настоящее имя девушки было Антига, Ширинбаджи[1] ее назвал молодой азербайджанец, лечившийся здесь, мичман Черноморского флота. Давно уже этот мичман поправился и уехал на фронт, а имя не забылось: уж очень оно подходило девушке. Кажется, оно ей самой нравилось.

После этого случая Ширинбаджи подходила к нему чаще, чем к другим раненым, а он глаз с нее не сводил. Как-то раз девушка сунула под подушку Бахыша бумажный сверток.

— Что это?

— Это сушеный инжир. Ешь, тебе полезно, от него сил прибавляется, а ты много крови потерял.

Бахыш узнал, что Ширинбаджи жила в старом городе, Ичеришехер, неподалеку от караван-сарая. А Бахыш тогда жил в Нагорной части, возле бани, что на улице Мирзы Фатали. Прежде они никогда не встречались, но ощущение у обоих было такое, будто они знают друг друга много лет.

Очень нравилась Бахышу Ширинбаджи, он все время собирался заговорить с ней о женитьбе, но никак не мог решиться. К тому же он не знал, может быть, у девушки уже есть суженый.

Но когда слова трудно произнести вслух, люди обычно доверяют их бумаге, и Бахыш решил написать Ширинбаджи письмо. Так он и сделал. Мучился, исчеркал несколько листков и наконец однажды утром, когда Ширин-

---

[1] Ширинбаджи (азерб.) — сладкая сестра.

баджи разносила больным термометры, потихоньку положил ей письмо в карман халата.

— Прочитаешь дома,— шепнул он девушке...

Ширинбаджи кивнула, но до дома, конечно, ждать не стала. Выбрав тихую минуту, она закрылась в кабинете врача и там прочитала письмо. Она читала его, и перечитывала, и боялась поверить себе.

Бахыш и теперь помнил это письмо наизусть.

«Здравствуй, дорогая Ширинбаджи! — писал он.— Не знаю, имею ли я право тебя так называть, но поверь мне, что я никогда в жизни не встречал такой умной и красивой девушки, как ты. Много писать я не умею, а потому сразу напишу главное. Если у тебя нет жениха, я буду счастлив, если ты согласишься выйти за меня замуж. Жду ответа с надеждой и нетерпением. Твой Бахыш».

Глаза Ширинбаджи от счастья наполнились слезами. Она снова и снова читала письмо, прижимала его к груди, и не было в эти минуты в мире для нее ничего более драгоценного, чем этот листок разлинованной бумаги.

Девушка с трудом взяла себя в руки, умылась холодной водой, чтобы никто не заметил ее волнения, и вышла в коридор. До полудня она старалась обходить стороной палату, где лежал Бахыш. Будь на ее месте другая — та, возможно, и день и два, до следующего дежурства, не подала бы влюбленному в нее парню виду, что прочла письмо: пусть, мол, помучится. Но Ширинбаджи утерпела только до вечера. А вечером, присев на табуретку у раскладушки Бахыша, улыбнулась и просто сказала ему:

— Я согласна.

И такой бесхитростной была Ширинбаджи, такой чистосердечной в каждом жесте и поступке, что Бахыша ничуть не насторожил ее быстрый ответ. Он радовался, он ликовал — уж слишком тяжело было бы для него получить отказ перед отъездом на фронт.

В тот же вечер Бахыш прямо в больничном халате убежал из госпиталя домой, рассказал обо всем матери, и на следующий день поутру, когда Ширинбаджи отдыхала дома после дежурства, к ней явились сваты — мать Бахыша и его дядя. Договорились обо всем, официально условились. Ширинбаджи пообещала, что будет ждать Бахыша столько, сколько понадобится. А как только кончится война, и свадьбу сыграют.

В середине января сорок второго года Бахыш снова отправился в действующую армию. В то время наши армии развили наступление и стремительно продвигались вперед. Но до конца войны было еще очень и очень далеко. Еще много родной советской земли предстояло очистить от фашистской нечисти, много городов и сел вызволить из неволи. Сколько война еще продолжится — никто, конечно, не мог сказать точно. Одно было ясно: враг силен и жесток и захваченного так просто не уступит. Еще будут тяжелые кровопролитные бои, сотни тысяч похорон, десятки тысяч пропавших без вести. А потом настанет долгожданный час Победы. Кто мог тогда знать, суждено ли Бахышу Марданову вернуться с фронта живым? Смерть тогда была обычным, привычным делом. В одном находил утешение Бахыш: если и придется ему погибнуть,— останется на земле девушка, которая любила его, ждала и тосковала. Отныне и навсегда поселилась Ширинбаджи в сердце Бахыша. Мог ли он раньше предполагать, что появится еще один человек, о котором он будет думать так нежно?

Никого на целом свете не любил Бахыш так преданно и сильно, как свою мать. И вот теперь образ Ширинбаджи занял в его сердце место рядом с милым материнским образом. Даже о ранении своем теперь не жалел Бахыш. В самом деле, если бы его не ранили, если бы не попал он в бакинский госпиталь, то не было бы у него и встречи с Ширинбаджи, не было бы в его жизни любви. А потому Бахыш не уставал благодарить судьбу...

Дул легкий ветерок, шелестели листья тополей под балконом, а Бахыш-киши никак не мог уснуть.

Перевел с азербайджанского
Александр ГРИЧ.

Окончание следует.

НАГРАДЫ ВОЕННЫМ МОРЯКАМ

Где бы ни сражались военные моряки с врагом — на море, на суше или в воздухе,— они всегда были образцами мужества и стойкости. Их подвиги отмечены многими наградами Родины, в том числе самыми высокими. Но своего, чисто флотского ордена у моряков не было. И вот 3 марта 1944 года Президиум Верховного Совета СССР учредил ордена и медали Ушакова и Нахимова. То, что эти награды носили имена выдающихся русских флотоводцев Ф. Ф. Ушакова и П. С. Нахимова, явилось знаком преемственности славных боевых традиций нашего отечественного флота.

Орденом Ушакова I и II степени в соответствии со статутом награждались адмиралы, генералы и офицеры Военно-Морского Флота за выдающиеся успехи в разработке, проведении и обеспечении морских активных операций, в результате чего была достигнута победа над численно превосходящим противником. Ордена Нахимова I и II степени удостаивались адмиралы, генералы и офицеры за выдающиеся успехи в разработке, проведении и обеспечении морских операций, в результате которых была отражена наступательная операция противника или обеспечены активные действия нашего флота, а противнику нанесен значительный урон и сохранены свои основные силы.

Прошел всего месяц, и появился первый кавалер ордена Нахимова. Им стал североморский летчик-штурмовик младший лейтенант Н. Васин. При выполнении боевых заданий он не раз проявлял высокое мастерство, мужество и воинскую находчивость. А еще через несколько дней, 10 апреля 1944 года, четырнадцать офицеров Северного флота стали кавалерами ордена Ушакова II степени. Среди них — командир бригады подводных лодок Герой Советского Союза капитан I ранга И. Колышкин и летчик морской авиации Герой Советского Союза капитан В. Пирогов.

Орденов Ушакова и Нахимова были удостоены командующие флотами, начальники штабов, командиры и политработники крупных соединений, причем некоторые — дважды. Двумя орденами Ушакова I степени Родина отметила ратные заслуги Л. Галлера, А. Головко, С. Жаворонкова, И. Исакова, Н. Кузнецова, Г. Левченко, Ф. Октябрьского, В. Трибуца. Нынешний Главнокомандующий Военно-Морским Флотом адмирал Флота Советского Союза С. Горшков был в числе первых кавалеров ордена Ушакова II, а затем и I степени.

Медали Ушакова и Нахимова стали достойной наградой тысячам матросов, старшин и сержантов, а также многим офицерам за личное мужество и отвагу в бою, умелые, инициативные и смелые действия, сопряженные с опасностью для жизни. Вот лишь один пример. Во время обороны Ханко катер старшины Г. Давиденко много раз высаживал десант на острова. В 1942—1944 годах он успешно выполнил более ста двадцати боевых заданий по тралению мин, дозору и конвоированию кораблей. За заслуги перед Родиной отважный балтиец был удостоен звания Героя Советского Союза, а также награжден медалями Ушакова и Нахимова.

Эстафету флотской доблести с честью несут моряки современного советского флота. Несколько месяцев назад уехал в родную Молдавию старший матрос Ю. Негру. Уехал с чувством честно выполненного воинского долга. Яркое тому свидетельство — медаль Ушакова на его груди. Этой высокой наградой был отмечен и ратный труд старшины I статьи В. Маляренко, который продолжает службу уже мичманом.

Советские военные моряки гордятся героической историей родного флота и в дальних океанских походах множат его боевые традиции и славу.

Д. ИЛЬЮК,
капитан II ранга

ДЕТСКИЙ ДОМ И ЕГО ПРОБЛЕМЫ

ТВ

Фото Дм. Бальтерманца

Наталья Гундарева.

«Хозяйка детского дома» — так называется фильм, недавно показанный на телеэкранах.

Перед нами — не просто директор. Именно хозяйка. Она дорожит своим домом, живет его жизнью. Она лично, душевно ответственна за судьбы десятков детей, для нее — они все свои, все любимые, хорошие, славные.

Вот такая в этом фильме Александра Ивановна Ванеева. Ее сыграла Наталья Гундарева.

Иногда кинематографисты говорят: если хочешь стать знаменитым, снимись в многосерийном фильме. Но Гундаревой не потребовалась «многосерийность»: она полюбилась всем сразу, с первых же своих ролей. А эта ее работа — одна из лучших. Глядя на Гундареву в роли Ванеевой, особенно радуешься ее естественности, доброте. И хочется знать: а что будет с воспитанниками Ванеевой? С Сережей — приемным сыном Ванеевой — Гундаревой. С непутевой Ксенией Рябцевой...

Детский дом!.. Много связано с ним острых социальных и нравственных проблем. Одна из женщин упорно называет детдом приютом, но Ванеева резко ее обрывает. Нет, не приют у них; это д о м, где сделано все, чтобы обеспечить ребят, живущих без родителей: им покупают платья и книги, мячи и лыжи, им устраивают дни рождения, их угощают пирожными. Но... проблема остается. Семья есть семья. И никакие пирожные ее не заменят.

В самом конце фильма — эпизод, который вряд ли мог оставить кого-нибудь равнодушным. Раннее утро. Директор Ванеева пришла на работу, а возле ее дверей давно дожидается симпатичный малыш. Александра Ивановна обещала позвонить к нему домой — туда, где он родился: ребенок все еще не может поверить, что он не нужен своей маме. Но разве может ребенку ответить, что-то объяснить Александра Ивановна? Она смотрит на него беспомощно, и маленький человек вдруг все понимает и больше не спрашивает. Он медленно уходит по коридору, а Александра Ивановна долго смотрит вслед крошечной фигурке...

Этот фильм, наверное, заставил многих зрителей задуматься об очень серьезных проблемах жизни. Проблемах, выходящих далеко за порог детдома.

Марина ГАБРИЕЛЯН

Николай ЕЛИН,
Владимир КАШАЕВ

ЖЕРТВА БЕРМУДСКОГО ТРЕУГОЛЬНИКА

СПОРТИВНО-ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Рисунок Е. ШУКАЕВА

ПРЕРВАННЫЙ ДИАЛОГ

Океан был синий-синий, как обои в спальне у Олега Ящикова. И с такими же беленькими разводами. Олег эти обои из прошлой поездки привез жене в подарок. Их можно было стирать, гладить и даже вытирать о них руки — никаких следов не оставалось. Жена тогда долго ворчала, что он такую дурацкую расцветку выбрал, которая со шторами не гармонирует. Даже клеить не хотела, думала, может, обменять как-то. А как он ей обменяет? Не поедет же он из-за этого обратно в Италию? Да и кто его одного пошлет, без команды?.. А теперь и с командой-то не пошлют — после того, что вчера случилось!

Ящиков отвернулся от самолетного иллюминатора, откинулся в кресле и закрыл глаза. Это ж надо, как глупо все получилось! В кои-то веки их футбольная команда «Трикотажник» была приглашена в Южную Америку на турнир родственных обществ — и вот такая неприятность! И как только его угораздило перед первым же матчем нарушить спортивный режим? Лучше бы модный галстук себе купил, а польстился на эту дурацкую бутылку! И главное, хоть бы удовольствие получил, а то тьфу, дрянь несусветная! Только что этикетка красивая.

Ну, а ребята раскипятились: «Команду подвел!», «Доверять тебе больше не можем!» — и всякое такое... Он уж и каялся и прощения просил — не помогло!

«Мы,— говорят,— тебя уже много раз прощали, а ты опять за свое! Все! Терпение лопнуло!»

Ящиков им русским языком пытался объяснить, что он выпил-то всего с гулькин нос и что такая смехотворная доза на игре никак не может отрицательно отразиться. Да разве они станут слушать! Проголосовали — отправить его первым же рейсом домой. И вот вместо того, чтобы играть в престижном международном турнире трикотажников, левый защитник Олег Ящиков сидит в самолете и рассматривает в иллюминатор этот дурацкий океан. Да еще неизвестно, чем вся эта история закончится, когда ребята после турнира вернутся. Запросто из команды могут отчислить... Э-эх, лучше об этом не думать! Чего себя без толку изводить!

Олег открыл глаза и повернулся к сидевшему рядом мужчине, сосредоточенно изучавшему какую-то испещренную формулами, по виду очень занудную рукопись.

— Сосед, в домино сыграть не желаете?

Мужчина, с головой ушедший в свои формулы, на предложение не отреагировал.

— Сосе-ед! — подтолкнул его локтем Ящиков.— К вам обращаются... Не хотите, говорю, в домино сыграть? Или, может, в шахматишки перекинемся?

— Что?..— встрепенулся мужчина.— В шахматы? Нет, благодарю вас, я должен поработать...

— Дома поработаете,— возразил Олег.— В транспорте читать вредно, глаза будут болеть. Вы сами-то откуда летите?

— Я? С международного симпозиума.

— Вот что,— понимающе кивнул Ящиков.— Ну, и какие же вопросы вы там обсуждали?

— Проблему Бермудского треугольника. Слышали, наверно?

— Факт. Это где корабли-самолеты исчезают? Ну и чего же вы там решили? В чем причина-то?

— Ну, видите ли, пока трудно судить,— развел руками мужчина.— Да и симпозиум еще

не закончился. Мне, к сожалению, раньше пришлось уехать...

— Что, тоже режим нарушили? — оживился Олег.

— Какой режим? — не понял собеседник.

— Спортивный, какой же еще! Или как там он у вас называется? Научный, наверно...

— Нет,— вздохнул мужчина,— режим я не нарушал. Просто у нас в институте завтра ученый совет собирается, ну и мне там необходимо присутствовать.

— А-а,— разочарованно протянул Ящиков.— Ну, черт с ним, с этим советом. Вы мне лучше скажите, куда все-таки из Бермудского треугольника транспорт девается? Я давно над этим думаю. У меня даже идея одна есть, только вот не знаю, как наука на нее посмотрит...

— Ну-ну,— подбодрил сосед.— Интересно послушать. Тем более что мы сейчас как раз над этим районом пролетаем.

— Над этим? — ахнул Олег.— А мы не того?.. Не исчезнем?

— Не думаю. Это случается не столь уж часто, так что практически можно не беспокоиться... Ну-с, в чем же состоит ваша идея?

Ящиков опасливо поглядел в иллюминатор, поежился и неуверенно произнес:

— Я так думаю, может, тут климат какой особенный?..

— Какой особенный?

— Ну, такой, что человеку тут все время выпить хочется. Может, влажность тут виновата или еще что. Вы не улыбайтесь, я дело говорю. По себе чувствую. Ну вот... Глядишь, другой летчик не удержится от искушения, а после и заснет за штурвалом... А самолет-то в океан и тю-тю.

— Жалко, вас не было на симпозиуме,— заметил собеседник.— Мы там эту версию не догадались проработать.

— Вы вот смеетесь, потому что вы теоретик. От жизни оторваны,— убежденно заявил Ящиков.— А жизнь — она штука сложная, в ней всему есть место...

— Ну, а куда корабли деваются? — поинтересовался сосед.— Ну, предположим, рулевой, как вы говорите, нарушил режим. Ну, сбился корабль с курса, но ведь куда-нибудь он все равно должен приплыть. С чего бы ему ко дну-то идти?

— Да, тут загвоздка,— согласился Олег.— Тут я еще не продумал.

Он снова с опаской взглянул в иллюминатор и поинтересовался:

— Ну, а вы сами-то как считаете? В чем тут собака зарыта?

— Гм... С уверенностью, конечно, сказать не могу... Есть, например, такая гипотеза, что как раз в этом месте находится, так сказать, окно в антимир. И при определенных обстоятельствах самолеты или корабли туда как бы засасывает...

— В антимир? — нахмурился Ящиков.— Что это еще за пакость такая?

— Это не совсем пакость,— пояснил сосед.— Это просто мир, похожий на наш, только там все наоборот.

— Как это? — удивился Олег.— Абсолютно все?

— Абсолютно все. Вот мы с вами, скажем, дышим кислородом, а выдыхаем углекислый газ. А в антимире... в антимире...

Ящиков сонно закрыл глаза, голова его поникла. Самолет резко тряхнуло, и Ящиков с ужасом почувствовал, что он проваливается куда-то в бездну. Неодолимая сила вдавила левого защитника в кресло, в глазах у него потемнело, как будто его стукнули мячом по затылку... Он вспомнил детство, вспомнил своего первого тренера, вспомнил другого... Второго числа должны были выдавать зарплату, а он ее не успел получить. Вот так всегда и выходит! Обидно... Он хотел еще вспомнить жену и товарищей по клубу, но этого ему не было суждено. Раздался страшный, душераздирающий грохот, и на том месте, где только что был самолет, осталось только небольшое белое облачко, неторопливо плывущее по безмятежному небу.

ЧП В «АНТИЛОПЕ»

Собрание игроков «Антилопы», одной из ведущих футбольных команд антимира, подходило к концу. Тренер Антей Антипыч, яростно жестикулируя, втолковывал понурившимся футболистам:

— Когда вы наконец преодолеете комплекс своего поля?! Это что же получается? Как на выезде играем — тут вы орлы! Никого не боитесь. Но как только, не дай бог, на своем поле противника принимаем, вас просто узнать невозможно! Сколько мне с вами еще воспитательную работу проводить на эту тему?! Взять хоть тебя, Антихонов! Ты почему так слабо в последнем матче выступал, можешь ты нам объяснить? Как будто в первый раз на поле вышел!

— У меня жена на трибуне сидела,— покраснев, буркнул Антихонов.— Вместе с тещей. Ну, я и... разволновался...

— Разволновался! — передразнил тренер.— Бром надо пить! А ты, Бантиков? Из-за тебя ведь четвертый гол пропустили! Ты почему ворон считал?

— Меня поддержка зрителей из колеи выбивает,— потупился Бантиков.— Комплекс у меня сложился. Как кто с трибуны крикнет: «Бантиков, жми!» или аплодисментами подбадривать начнет, так у меня прямо руки опускаются. Закрепощает меня доверие зрителей. Хочу его оправдать — и не могу!

— Закрепощает его! — рассердился Антей Антипыч.— Если ты такой закрепощенный, чего ж ты во втором тайме разные предметы с поля в зрителей бросал? Бутылки пустые и еще какую-то дрянь! Ну, что молчишь?.. Я тебя спрашиваю: от чего ты бросал на трибуну пустые бутылки?

— От минеральной воды,— подавленно прошептал Бантиков.

— Но зачем, зачем ты это сделал?— не унимался Антей Антипыч.— Что ты этим хотел доказать?

— Это я от радости,— развел руками провинившийся.— Когда мы седьмой гол забили. Ну, я и не выдержал. Такой вот эмоциональный всплеск допустил...

— Он не один бросал, Антей Антипыч,— вмешался капитан команды.— Мы все тут виноваты. И я в том числе.

— А уж от тебя-то я не ожидал, Пантилеев,— покачал головой тренер.— Ты тоже с радости бросал?

— Я?.. Нет, я от возмущения. Там у одного зрителя в седьмом ряду вид был очень неопрятный. Рубашка на штаны выпущена, лохматый какой-то, нечесаный... Ну, я и не выдержал. Можно ли в таком виде на футбол ходить? Это ведь не танцплощадка все-таки!

— Я тебя понимаю, конечно,— смягчился Антей Антипыч.— Его внешний вид оскорблял твое достоинство. Но ты все же впредь воздержись. Есть же и другие меры воздействия. Побеседуй с ним после матча, узнай, отчего он такой. Может, у него дома нелады или на службе. Может, ему помочь надо, а ты в него — бутылкой...

— Больше не повторится, Антей Антипыч,— взволнованно заверил капитан.— Признаю: погорячился. После первой же игры его отыщу и по душам побеседую. Постараюсь привить ему чувство прекрасного... Разрешите, я его в нашу библиотеку запишу?

— Разрешаю,— кивнул тренер.— Ну, на сегодня, кажется, все. Можете разойтись.

Футболисты зашумели и нестройной толпой потянулись к выходу. В этот момент к столу, за которым сидел Антей Антипыч, протиснулся молодой нападающий Кондратьев.

— Подождите, ребята,— негромко, но с чувством произнес он.— Я хочу вам кое-что сказать...

Голос его был полон такого внутреннего напряжения, что все сразу остановились.

— В чем дело, Антон? — удивленно спросил капитан.— Говори, мы слушаем... Ну, что же ты?

— Понимаете...— замялся Кондратьев,— я не хотел говорить... Я думал, он сам... Но он скрыл от вас... от всех нас... В общем, мне совесть не позволяет умолчать...

— Да что случилось-то? — загалдели все.— Ближе к делу!

— Давай говори, не стесняйся!

Кондратьев набрал в грудь воздуха и, побледнев, отчеканил:

— Игрок нашей команды Антильский во время последнего матча оскорбил соперника!

В комнате повисла зловещая тишина. Все обернулись к Антильскому. Тот сделался красным, как борода влюбленного петуха, и принялся застенчиво ковырять ботинком пол.

— Что... Что ты ему сказал? — тоном, не предвещающим ничего доброго, поинтересовался капитан.

Антильский, уставясь в пол, молчал.

— Он сказал...— не выдержал Кондратьев.— Он назвал соперника... назвал его бессовестным!..

Все замерли в оцепенении. Кто-то ахнул тихо. Антильский сидел ни жив ни мертв.

Первым пришел в себя капитан.

— Как ты мог...— с трудом подбирая слова, начал он.— Как ты мог так ужасно... так грубо оскорбить своего же товарища, тем более из команды соперника! Как у тебя язык повернулся?!

— Так ведь он...— пробормотал виновато Антильский.— Он ведь снес меня около штрафной площадки...

— Он что, не извинился перед тобой? — строго спросил Антихонов.

— Извинился,— еле слышно прошептал Антильский.— Три раза извинился...

— Так почему же ты... почему ты позволил себе такое?..

— Я сгоряча! Простите меня... Я больше никогда! Слово даю! Очень уж обидно было: я бы мог гол забить, а он меня...

— Разве гол — это главное? — рассердился капитан.— А ты подумал, какую ты ему нанес моральную травму?!

— Да он не слышал,— слабо защищался Антильский.— Я шепотом! И потом я к этому времени уже к своим воротам вернулся...

— Пусть он не слышал! — перебил Бантиков.— Но где была твоя совесть? Если человек не слышит, значит, можно его оскорблять?

— Самое ужасное, что это произошло во время игры,— задумчиво произнес тренер.— Антильский поступил не по-мужски... Осквернил дух рыцарства, который должен царить на поле. Горько, очень горько сознавать, что член нашего коллектива унизил своего соперника... Что будем с ним делать?

— Предлагаю на первый раз выговор,— решительно заявил Бантиков.

— Нет,— жестко сказал капитан,— такое нельзя прощать! Вношу предложение: дисквалифицировать Антильского на три игры.

— Может быть, на две? — подал голос Антихонов.— Я думаю, он сам осознал...

Капитан хотел что-то возразить, но в этот миг дверь распахнулась и в комнату вбежал массажист Антигоныч.

— Слыхали? — с порога крикнул он.— К нам опять из того, обратного мира самолет затянуло! Вместе с пассажирами!

— Футболистов среди них нет случайно? — взволнованно поинтересовался тренер.

— То-то и оно, что есть! Правда, только один, но зато парень что надо! Сорок четвертый размер обуви! Представляете, какой удар у него должен быть!..

— Так где он? — вскочил тренер.— Зови его скорей сюда!

— С ним уже руководство клуба беседует,— радостно потер руки массажист.— Сам Антимоньев в аэропорт за ним ездил. Прямо в свой кабинет привез!

— А ты откуда знаешь?

— Так Антимоньев только что по телефону звонил. Просил вас, Антей Антипыч, через час к нему зайти.

— Так чего ж ты молчишь? — рассердился тренер и, на ходу надевая пиджак, помчался к выходу. И уже откуда-то с улицы до растерявшихся игроков донеслось:

— Собрание команды считаю закрытым...

ЖЕСТ, ЗАМЕНЯЮЩИЙ РУКОПОЖАТИЕ

В просторном кабинете руководителя клуба Антимоньева уже второй час шла задушевная беседа. За большим письменным столом восседал в кресле ничего не понимающий, еще не успевший толком прийти в себя Ящиков. Сам же хозяин, застенчиво сложив руки на коленях, робко сидел перед ним на стуле.

— Вот я и говорю,— смущенно мямлил Антимоньев,— в нашем футболе назрел... в некотором роде... кризис. Понимаете, наметилась нездоровая тенденция: все команды от-

сиживаются у чужих ворот, в нападении, полностью пренебрегая защитными построениями. В нашем чемпионате всего лишь две-три команды играют по системе 1-2-2-6. А остальные применяют 1-1-2-7, а то и вообще играют без защиты, уповая на универсализм игроков, то есть на то, что нападающие должны время от времени приходить к своим воротам и помогать вратарю. Но на практике эти эпизодические отходы ничего не дают, и, как правило, все матчи заканчиваются у нас с астрономическим счетом. Вот, например, наша команда последнюю игру проиграла 7 : 9. А перед этим мы одержали две победы на выезде — 14 : 11 и 19 : 15. Понимаете, такой вот перекос. Этих созидателей нам уже некуда девать, а вот разрушителей — раз-два и обчелся.

— Ну, дела! — покачал головой Ящиков.— Как это вы дошли до такой жизни?

— Не думайте, что мы не боролись с этим! — вздохнул Антимоньев.— Мы уже чего только не перепробовали! И приз мелкого счета учредили и зачет специальный ввели, по которому за нулевую ничью командам по три очка начисляется. Но ничего не помогает! А ведь сами посудите, что это за футбол без нулевых ничьих?..

...«А может, я сплю? — неожиданно осенило Ящикова.— Наверно, мне все это снится! Надо незаметно проверить, чтоб этот тип не догадался...»

Олег изо всех сил наступил сам себе на ногу. Он давил и давил и даже покрутил для верности каблуком, но боли не почувствовал.

«Ну факт, сплю! — обрадовался Ящиков.— Приснится же чертовщина! Однако интересно, чем все это кончится...» — И, повеселев, принялся слушать дальше.

— Одна проблема порождает другую,— нервно дернув щекой, продолжал Антимоньев.— Такое обилие голов привлекает на трибуны дополнительное число зрителей. Стадионы не могут вместить всех желающих, получается давка. В прошлом месяце в соседнем городе в толпе задавили контролера с двадцатилетним стажем. Мы просто не успеваем реконструировать стадионы и готовить все новые кадры контролеров и продавцов мороженого. К тому же футбол отрывает людей от домашнего хозяйства, от домино, от телевизора, наконец! Вот к чему приводит бездумное, однобокое увлечение атакой! Одним словом, нам позарез необходимы хорошие защитники. Вот мы и хотели бы... мы хотели бы узнать... не согласитесь ли вы выступать за наш клуб?.. У нас хорошие условия, мы вам интересную работу подыщем, жилплощадь предоставим из антикварного фонда...

— Та-а-ак...— задумчиво произнес Олег.— Значит, вы хотите, чтобы я за вашу «Зебру» играл?..

— За «Антилопу»,— смущенно поправил его Антимоньев.— Я понимаю, с моей стороны не совсем этично просить вас об этом вот так, сразу, когда вы только что прилетели к нам и еще не успели оглядеться, освоиться, но... у нас завтра очень важный матч, мы играем со своим извечным соперником, и нам хотелось бы... чтобы вы в нем приняли участие... Если можно, конечно...

«А может, все-таки не сплю? — снова засомневался Ящиков.— Уж больно отчетливо я этого ихнего начальника вижу...»

Олег протер глаза и еще сильнее наступил себе на ногу. Боли по-прежнему не ощущалось. Ящиков хитро улыбнулся и решил пока не просыпаться. Ему стало интересно, как оценивают его мастерство в этом сонном царстве.

— Ну, и какие условия вы мне можете предложить? — снисходительно поинтересовался он.

— Самые лучшие,— засуетился Антимоньев.— О квартире я уже говорил. Что касается профессии, вы можете сами выбрать, что вам по душе. Ну, скажем, антиквар, дантист, антигравитатор...

— Антигравитатор? — заинтересовался Олег.— Это звучит ничего, солидно... А какой там оклад?

— Триста сантимов,— с готовностью откликнулся Антимоньев.

— Мало,— на всякий случай сказал Ящиков.— Триста пятьдесят.

— Хорошо... Но тогда вы должны будете стать старшим антигравитатором...

— Подумаешь! — пренебрежительно пожал плечами Олег.— Мне приходилось числиться и начальником пожарной охраны.

— Тогда можете сразу получить аванс,— предложил Антимоньев и протянул Ящикову несколько больших зеленоватых купюр.

Олег нерешительно взял их, посмотрел на свет, помял в руках... Сомнений не оставалось: деньги были настоящими.

— Ничего не понимаю...— пробормотал он и в третий раз грохнул своей правой пяткой по большому пальцу левой ноги.

— Ай! — вскрикнул Антимоньев.— Извините, больше терпеть не могу! — Он с трудом выдернул свою худую длинную ногу из-под Олеговой пятки и принялся ее растирать.— К сожалению, я не знаю, что означает в ваших краях этот жест, когда собеседнику трижды наступают на ногу. Полагаю, что это знак дружелюбия... Надеюсь, вы позволите мне истолковать его как сердечное рукопожатие?

— По... позволю...— растерянно пролепетал Ящиков.

— Тогда будем считать, что мы договорились! — радостно заключил Антимоньев и что есть мочи, от всей души наступил Олегу на ногу...

«АНТИЛОПА» МЕНЯЕТ ТАКТИКУ

До матча оставалось полчаса. В раздевалке «Антилопы» Антей Антипыч давал последние указания.

— Значит, все поняли? Главное — забить этой «Атлантиде» на один гол больше, чем пропустим!

— Это на своем-то поле! — скептически покачал головой Бантиков.

— Ты эти разговоры брось! — одернул его тренер.— Будешь команду разлагать — в дубль переведу. Тоже мне, Антарктиду открыл! Каждому младенцу известно, что на своем поле играть трудно. А ты вот попробуй в таких условиях не стушеваться и выиграть. Покажи, что у тебя характер есть!

— А зачем обязательно выигрывать? — удивился Ящиков, натягивая на себя новенькую, с иголочки, форму «Антилопы».— Можно ведь и ничью сделать. На чужом поле будем на выигрыш играть, а дома нам и ничьей хватит.

— Так-то оно так,— согласился Антей Антипыч.— Да противник с этим вряд ли согласится. Зачем ему ничья? Он голы захочет забивать...

— Не позволим! — твердо заявил Олег.— Раз такое дело, мы выездную модель применим.

— Что еще за модель? — заинтересовался тренер.— Никогда не слыхал...

— Неужель не слыхали? — удивился Ящиков.— Это очень просто. Уйдем все на свою половину поля. Вместе с мячом. Крепость выстроим. Костьми ляжем, но за центральный круг не перейдем! Пусть эта «Атлантида» попробует к нашим воротам пробиться!

— Боюсь, что пробьются,— вздохнул Антей Антипыч.— Наши ребята защищаются слабовато. Опыта у них мало. Даже позицию правильно выбрать не могут...

— Какая там позиция! — небрежно махнул рукой Олег.— Зачем она им нужна! Сыграем персоналку — и дело с концом!

— «Персоналку»?.. А... как ее играть?

— Ну, как? Скажем, нашу «пятерку» приставляем к их «пятерке», «шестерку» — к «шестерке»... Неужели вам такая игра незнакома?

В комнате воцарилось молчание. Первым нарушил его капитан.

— Пятерку приставить к пятерке, а шестерку — к шестерке? — задумчиво переспросил он.— Кажется, мне знакома такая игра... Она, по-моему, называется «домино»...

— Ну, при чем тут домино? — рассердился Ящиков.— Это называется «персональная защита»! К каждому их игроку прикрепляем нашего, чтоб он ему играть не давал. Так мы всех игроков разменяем — и забивать будет некому. Понятно?..

— А что? В этом что-то есть...— после некоторого раздумья заявил тренер.— Попробовать можно... По крайней мере счет будет поменьше... Значит, так... Вы, Ящиков, возьмите на себя их десятый номер. Он у них самый опасный игрок. Пантилеев нейтрализует «семерку», Бантиков — «девятку»...

Антей Антипыч быстро распределил между игроками новые обязанности, и «Антилопа» выбежала на поле.

После небольшой разминки команды выстроились в центральном круге. Капитаны обменялись рукопожатием и принялись разыгрывать ворота.

— А судья-то где? — громко удивился Олег.— Заснул, что ли, где-нибудь под трибуной?

— У нас нет судей,— шепнул ему стоящий рядом Антихонов.— Вон, видите лозунг?

Ящиков поднял глаза и увидел укрепленный возле табло огромный транспарант:

«Лучший судья — ваша совесть!»

— Вот это да! — хмыкнул Ящиков.— Во учудили! Да как же это можно — без судьи?

— А для чего нужен судья? — сделал большие глаза Антихонов.— Разве вы не доверяете сопернику?

Олег смерил его взглядом и хотел сказануть что-нибудь эффектное, чтобы осадить этого мальчишку, но не смог найти достойного ответа и, молча сплюнув, повернулся и побежал к своим воротам. Игра началась.

Футболисты «Атлантиды» сразу же пошли в атаку, но, встретив столько народу в штрафной площади «Антилопы», опешили. С такой системой защиты им еще не приходилось встречаться. Помыкавшись в тесноте, они попытались выманить противника на себя, но антилоповцы не поддались на эту уловку и продолжали мужественно отсиживаться на своей половине. Наконец, мяч попал к десятому номеру гостей, обладавшему незаурядной техникой. Он прошел с ним по краю, серией искусных финтов оставил за спиной Ящикова, потом еще двух защитников, дошел до угла штрафной и приготовился уже нанести удар, но в это время сзади его догнал подоспевший Олег и, сделав энергичный подкат, вынес мяч вместе с противником за боковую линию. Полежав несколько минут на гаревой дорожке, нападающий, кряхтя, поднялся и вопросительно посмотрел на Ящикова, ожидая извинения. Однако, увидев, что тот никак не реагирует, он недоуменно пожал плечами и, подковыляв к месту, откуда началась траектория его полета, принялся внимательно изучать поле. Наконец он нашел неподалеку какой-то микроскопический бугорок. Лицо его просветлело. Он удовлетворенно кивнул, приветливо помахал Ящикову рукой и снова включился в игру.

Теперь Олег стал действовать внимательней. Он плотно опекал атлантидовца и старался не отпускать его ни на шаг, но в конце тайма тот все-таки улучил момент и на большой скорости проскочил с мячом мимо. Мгновенно сообразив, что догнать его теперь вряд ли удастся, Ящиков охнул, картинно взмахнул руками и рухнул на землю. Услышав шум за спиной, нападающий оглянулся, побледнел и, забыв про мяч, бросился к Олегу.

— Извините меня! — принялся хлопотать он вокруг закатившего глаза Ящикова.— Вам плохо? Я сейчас воды принесу... Прошу вас, не сердитесь на меня, пожалуйста... Я, честное слово, не хотел...

Он сбегал за фляжкой, набрал в рот воды и принялся брызгать на пострадавшего. Олег брезгливо поморщился и открыл глаза.

— Ладно уж, чего там,— ворчливо произнес он.— На первый раз прощаю. Только гляди мне, если это повторится!..

— Даю вам слово впредь быть осторожнее,— горячо сказал нападающий, с трудом поднимая Ящикова с земли и отряхивая с его трусов прилипшие травинки.— Сам не знаю, как это у меня получилось...

Пока они выясняли отношения, капитан «Антилопы» Пантилеев установил неподалеку мяч и приготовился бить штрафной. Он энергично разбежался, занес ногу для удара, но вдруг остановился как вкопанный.

— Ты чего стал? — удивился Ящиков.— Муха в глаз попала?

— Нет, просто не имею морального права бить. Вы только посмотрите, где соперники выстроили стенку! Они же отошли от мяча метров на пятнадцать!

Услышав эти слова, игроки «Антилопы» подбежали к «стенке» и принялись силой придвигать ее ближе к мячу. Соперники отчаянно упи-

В. Майборода. Род. 1954. ДИПЛОМНИКИ.

В. Денисенко. Род. 1955. ЖЕНСКИЙ ПОРТРЕТ.

рались, не желая сделать ни шагу вперед. Уступать никто не хотел. Минут через десять был наконец достигнут компромисс, однако к этому моменту время первого тайма истекло, и игроки в обнимку с соперниками побежали к раздевалке.

...Едва началась вторая половина игры, как десятый номер снова подбежал к Олегу.

— Ну, как вы себя чувствуете? Ничего не болит? Мне очень совестно перед вами за мой поступок...

— Чего? — насторожился Ящиков. — Какой еще поступок?!

— Ну, тот самый, помните? Я вас, наверно, очень ушиб?

— А, вон ты о чем! Да, я в перерыве еле отвалялся. Ну ладно, я незлопамятный. Играй себе, только не носись как угорелый.

— Я постараюсь, — заверил атлантидовец. — Вы не думайте, что я грубиян! Я обычно играю корректно.

— Ну и на здоровье! — сказал Олег и сделал шаг в сторону.

— Но у вас в самом деле ничего не болит?..

— Отвяжись ты! — буркнул Ящиков и засеменил к своим воротам.

Но было поздно. Пока они разговаривали, случилось непоправимое. Один из соперников обвел зазевавшегося Бантикова, сделал навес в штрафную, и примчавшийся туда на помощь своим отчаявшимся нападающим вратарь «Атлантиды» в высоком прыжке головой послал мяч в ворота «Антилопы».

Трибуны горестно ахнули, но все же нашли в себе силы для вежливых аплодисментов. Игроки «Антилопы» по традиции бросились целовать удачливых соперников, однако автор гола, с трудом расцепив дружеские объятия повисшего на нем Бантикова, грустно, но твердо заявил:

— Не надо меня поздравлять. Не за что. Я был в офсайде!

— Ничего подобного, — возразил Бантиков. — В момент удара я был к воротам ближе. Офсайда не было.

— Нет, был, — стоял на своем соперник. — Мне лучше знать.

— А вот и нет, — поддержал Бантикова вратарь «Антилопы». — Мне было отлично видно. Никакого офсайда. Стопроцентный гол.

— Ты не прав, — возразил прибежавший на помощь партнеру капитан соперников. — Офсайд был. Мяч не засчитываем.

— Какое же вы имеете право не засчитывать, если вы нам забили! — возмутился Бантиков. — Нам не нужно липового очка!

Антилоповцы сгрудились вокруг вратаря противника и принялись выталкивать его из своей штрафной площади.

— Иди к своим воротам. Мы начинаем с центра!

— Не пойду, — решительно покачал головой вратарь. — Не встану в ворота, пока вы не пробьете свободный.

Вскоре к дискуссии подключились все игроки обеих команд, кроме Ящикова и ходившего за ним по пятам десятого номера «Атлантиды». Отчаянно жестикулируя, футболисты наскакивали друг на друга, били себя в грудь и тщетно пытались доказать соперникам свою правоту. Наконец Ящикову это надоело.

— Хватит митинговать! — громко объявил он. — Ставлю вопрос на голосование. Кто за то, чтобы засчитать гол в наши ворота?

Все игроки «Антилопы» дружно взметнули вверх руки.

— Десять... — сосчитал Олег. — Опускайте. Теперь подымите те, кто за офсайд.

На этот раз руки подняли все атлантидовцы, кроме «десятки».

— А ты чего не голосуешь? — удивился Ящиков.

— Я... если можно... воздержусь... Я с вами разговаривал и не видел, к сожалению, что там происходило...

— А-а... Ну, зато я видел. Был чистый офсайд... — И Олег решительно поднял руку.

— Итого одиннадцать. Гол не засчитывается!

Игроки «Антилопы» пробили свободный, и игра продолжалась. Нездоровая тенденция забивать голы подходила в антимире к концу...

Продолжение следует.

Маршал Советского Союза

БАТИЦКИЙ Павел Федорович

17 февраля 1984 года после тяжелой болезни скончался член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР, видный советский военачальник, Герой Советского Союза Маршал Советского Союза **Батицкий** Павел Федорович. Ушел из жизни верный сын советского народа, активный участник Великой Отечественной войны, вся сознательная жизнь которого была посвящена делу защиты Родины и укрепления ее Вооруженных Сил.

П. Ф. Батицкий родился 27 июня 1910 года в Харькове в рабочей семье. Рано начал трудовую деятельность. В юные годы он поступил на военную службу и находился в рядах Советской Армии более пятидесяти лет. После окончания военной школы командовал взводом, эскадроном. В 1925 году П. Ф. Батицкий вступил в комсомол, а в 1938 году он был принят в ряды Коммунистической партии. В 1938 году окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе и получил назначение в Генеральный штаб РККА. В 1940 году выдвигается на должность начальника штаба моторизованной бригады, а затем дивизии.

С первых и до последних дней Великой Отечественной войны П. Ф. Батицкий — в действующей армии. Командуя стрелковой дивизией, корпусом, он участвовал в боевых действиях на Северо-Западном, Воронежском, 1-м и 2-м Украинских, 1-м и 3-м Белорусских фронтах. В боях с врагом его отличали высокие командирские качества, твердость воли, храбрость и отвага.

В послевоенные годы П. Ф. Батицкий по окончании Военной академии Генерального штаба занимал ряд ответственных командных и штабных должностей. В 1950—1953 годах являлся начальником Главного штаба — заместителем главнокомандующего Военно-Воздушными Силами. В течение одиннадцати лет командовал войсками Московского округа ПВО, а затем был первым заместителем начальника Генерального штаба Вооруженных Сил СССР. С 1966 по 1978 год — главнокомандующий войсками ПВО — заместитель министра обороны СССР. В последнее время состоял в группе генеральных инспекторов Министерства обороны.

Маршал Советского Союза П. Ф. Батицкий внес большой вклад в дело повышения боевой готовности Советских Вооруженных Сил, в развитие и совершенствование Войск противовоздушной обороны. Обладая широким военным кругозором и богатым боевым опытом, он щедро делился ими с подчиненными. Ему были присущи высокая ответственность за порученное дело, партийная принципиальность, требовательность и внимание к людям.

П. Ф. Батицкий принимал активное участие в общественно-политической жизни. Он избирался делегатом съездов Коммунистической партии, с 1961 года являлся кандидатом, а с 1966 года — членом ЦК КПСС. Был депутатом Верховного Совета СССР и РСФСР ряда созывов.

Заслуги Маршала Советского Союза П. Ф. Батицкого перед социалистической Родиной высоко оценены Коммунистической партией и Советским государством. Он удостоен звания Героя Советского Союза, награжден пятью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, пятью орденами Красного Знамени, орденами Суворова II степени, Кутузова I и II степени, «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени и многими медалями, а также орденами и медалями иностранных государств.

Светлая память о Павле Федоровиче Батицком — верном сыне советского народа и Коммунистической партии, пламенном патриоте и мужественном солдате навсегда сохранится в наших сердцах.

К. У. Черненко, М. С. Горбачев, Г. В. Романов, Н. А. Тихонов, Д. Ф. Устинов, В. В. Кузнецов, Н. В. Огарков, В. Г. Куликов, С. Л. Соколов, А. А. Епишев, Н. И. Савинкин, В. Ф. Толубко, В. И. Петров, А. И. Колдунов, П. С. Кутахов, С. Г. Горшков, С. К. Куркоткин, В. М. Шабанов, Н. Ф. Шестопалов, А. Т. Алтунин, И. Н. Шкадов, С. Ф. Ахромеев, К. С. Москаленко, И. Г. Павловский, А. И. Сорокин, М. Г. Соболев, С. И. Руденко, А. П. Силантьев, Б. П. Уткин, А. М. Зварцев, С. А. Бобылев, Е. С. Юрасов, Г. П. Скориков, С. Ф. Романов, Б. В. Бочков, А. Г. Смирнов, Н. Д. Гребенников, Ю. Т. Чесноков, Н. И. Москвителев, А. И. Хюпенен, Ю. В. Вотинцев, А. У. Константинов, В. А. Пономарев, П. И. Батов, А. П. Белобородов, Ю. А. Горьков, В. П. Виноградов.

ОБСУЖДАЕМ ПРОЕКТ ЦК КПСС О ШКОЛЬНОЙ РЕФОРМЕ

ТРУД И НРА

Полтора месяца прошло со дня опубликования проекта ЦК КПСС о школьной реформе. Творческий дух партийного документа, затрагивающего самое важное в жизни школы, а значит и в жизни каждой семьи, вызвал поистине всенародное обсуждение. Особенно много внимания уделяется на этом своеобразном педсовете страны трудовому обучению и воспитанию высоконравственного человека, патриота своей Родины. Вот и сегодня идет об этом разговор за нашим «круглым столом». В нем принимают участие: В. Г. ТРУНИНА, делегат XXVI съезда КПСС, учительница биологии школы № 7 Рязани; М. И. КОЗЕЛЬ, мать-героиня; В. Ф. БАБАКИН, секретарь парткома московского объединения «АЗЛК»; В. П. СЕРИКОВ, известный строитель, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР; Л. В. СОЛДАТЕНКО, секретарь Светлогорского ГК ЛКСМ Белоруссии; В. В. СЕРИКОВ, заместитель заведующего кафедрой педагогики и психологии Волгоградского пединститута, кандидат педагогических наук; В. С. МИТРОФАНОВА, воспитательница детского сада в Москве.

ФОРМИРУЯ ЛИЧНОСТЬ

В. Г. Трунина. Почти тридцать лет я работаю в школе. Давно уже мои первые ученики выросли, и каждый устроил свою судьбу в меру своих сил, желаний, способностей.

Наблюдая их жизнь, я все больше прихожу к выводу, как важно и трудно воспитать личность нравственную, социально и гражданственно зрелую. В школе в погоне за высоким процентом успеваемости, за бумажной волокитой, за отчетами и справками мы забываем порой, сколь сложно подчас и противоречиво формируется внутренний мир школьника. Каждого. А вот до каждого у нас зачастую руки и не доходят. И что в результате приходится наблюдать? Заболел кто-то из класса. Спросишь у ребят: «Навестили товарища?» Молчание... Редко поднимется рука ближайшего друга или подружки. А потом мы удивляемся, откуда у ребят такое равнодушие, замкнутость, себялюбие, пассивность. Пора, мне кажется, ввести в школьные программы и специальные уроки нравственности.

В. С. Митрофанова. Думается, одним новым уроком здесь не обойдешься. За воспитание ребенка приниматься нужно не только в школе...

В. Г. Трунина. Безусловно. Я затронула только одну сторону этого сложного вопроса. Многое упирается в семью, где в последнее время твердо прижилась иждивенческая мысль, что, мол, вся ответственность за воспитание ребенка, их ребенка, лежит только на школе. Я попросила наших словесников, чтобы ребята написали сочинение «Мой папа». И что же! Только семь ребят из шестого класса написали: «Мой папа хороший друг. Папа мне помогает. Я часто гуляю с папой». Одиннадцать ничего не сказали о своих отцах. А один мальчик подошел к учителю и попросил: «Можно я расскажу о дяде или дедушке?» Учитель поинтересовался: «Почему не об отце?» И последовал ответ: «А что о нем писать-то? Он только лежит и газету читает»...

На мой взгляд, было бы неплохо более решительными мерами привлечь внимание таких пап и мам к школе. Как это сделать? Да хотя бы таким образом, чтобы ленивых, с плохим поведением школьников **оставлять на второй год. Но учить второгодника уже за счет его родителей.**

В. Ф. Бабакин. Валентина Георгиевна, спору нет, основа характера каждой личности закладывается прежде всего в семье, не случайно говорят, что яблоко от яблони недалеко падает. Очень многое зависит и от учителя, от его непосредственного личного влияния на каждого ученика. Великое значение имеет родительское, учительское слово. Однако ничто так не формирует нравственную личность — это мое твердое убеждение,— как ранний, осязаемый, с конкретной отдачей и пользой для окружающих труд. Вспомним, как готовили помощников в крестьянских семьях... Рассуждая о нравственности, мы должны помнить прежде всего о том, как привить ребенку любовь к труду.

ГЛАВНЫЙ ВОСПИТАТЕЛЬ

В. Г. Трунина. Есть учебный труд, общественно полезный и, наконец, производительный. Начинается он в школе.

В. С. Митрофанова. Простите, пожалуйста, Валентина Георгиевна, но тут я с вами не согласна. Трудовое воспитание начинается в детском саду. Вот приезжайте к нам на «Трехгорку». Посмотрите, как ребята спорят, кому быть дежурным на кухне, как, помогая повару, перебирают по зернышку гречиху или лепят печенье. А посильная уборка, уход за растениями и животными, дежурство в столовой — это все делают четырехлетние. Дети любят труд.

В. П. Сериков. И любой труд нравствен! На севере, когда нас, строителей, заваливало снегом, мы звонили в школу. Приходили старшеклассники и помогали откапывать нашу технику и площадки. А потом вместе с нами в бытовке пили чай и чувствовали себя сильными и счастливыми!

В. С. Митрофанова. Потому, что возникало чувство локтя с рядом стоящим, рождался коллективизм. Тут уже, хочешь не хочешь, формируется личность. И как важно взрослому заметить такое движение сердца!

В. Г. Трунина. Почему бы мастерам, ведущим уроки труда в школе, ПТУ или на производстве, **рядом с Доской почета рабочих не вывесить Доску почета лучших ребят, отличившихся в труде!** Это же моральное поощрение!

Л. В. Солдатенко. В проекте реформы говорится о том, что надо предусмотреть ответственность учащихся за отношение к труду. Но каким образом, в какой форме? А если завести нечто вроде **трудовой книжки и заносить в нее полезные дела, совершенные ребятами:** отработал столько-то часов на фабрике, на уборке или летом на прополке?

Реплика. Правильно. Но важно, чтобы такая книжка стала обязательной наряду с аттестатом или справкой об образовании.

В. Г. Трунина. Скажите, почему ученики стыдятся, когда мы вывозим их на работу по благоустройству Рязани? А иные стесняются вынести мусорное ведро из дома. Кое-кто считает зазорным и в магазин за картошкой сбегать. Откуда это? Снова семья, говорите, виновата?

ВСЕОБУЧ ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ

М. И. Козель. Верно подсказали: родители виноваты. Все идет от семьи: и хорошее и плохое. Мы с мужем вырастили и воспитали тринадцать детей. Четыре года назад трагически погиб Леня. Семь сыновей живут отдельно, четверо да еще Маша, наша единственная дочь, ее муж и жена Андрюши — с нами. Все взрослые, а закон прежний, когда еще малыми были: дежурства по очереди. Все могут и готовить, и убирать, и стирать. Кто поел — посуду за собой помоет, меня не допустят: «Ты отдохни, мама». Отец тяжело болеет, они и за отцом ухаживают.

Л. В. Солдатенко. Если б в каждой семье так было! А то другая мама скажет: «Ты только учись хорошо. Я сама». И кровать за своим чадом постелит и за молоком побежит. Дети в таком доме становятся эгоистами, чураются простого труда.

Участники «круглого стола»: В. Г. Трунина, М. И. Козель, В. С. Митрофанова (первый ряд), В. В. Сериков, В. Ф. Бабакин, Л. В. Солдатенко, В. П. Сериков (второй ряд).

Фото А. Награльяна

Вопрос: Мария Ивановна, расскажите о своих детях. Где работают, кем?

М. И. Козель. Четверо — шоферы. Двое — инженеры. Алеша — рабочий на заводе. Маша работает в одной из столичных газет, во второй раз на редакторский факультет собирается экзамены сдавать. Есть у нас и повар и военный прапорщик. Я им не навязывала свое мнение при выборе дороги. Хочешь идти в ПТУ? Иди. В институт? Пожалуйста. Коля задумал в техникум... Увлекается радиоэлектроникой. Конкурс десять человек на место... И все же поступил, теперь он уже учится в институте. Максим учится в техникуме.

ВСТВЕННОСТЬ

В. Ф. Бабакин. В вашей семье правильно поставлено воспитание и правильно поставлен выбор профессии. Но с другими родителями приходится работать, объяснять, какие потребности у общества, доказывать, что не всем надо быть инженерами или артистами, надо и на конвейере автомобильного завода работать и у сталеплавильной печи...

Л. В. Солдатенко. И прядильщицами и ткачихами быть. У нас в Светлогорске на «Химволокне» есть свое ГПТУ. В группах основных профессий недобор. Тут явно влияние семьи. В пору всеобуч по воспитанию родителей организовать.

В. П. Сериков. У нас слишком много вузов и очень большие приемы каждый год. Не пора ли сократить и то и другое? Многие оканчивают вузы из-за диплома и не работают по специальности.

М. И. Козель. Я тут кое-что набросала. Предлагаю дополнить параграф 28 пятого раздела проекта реформы такими словами: **«Открыть постоянно действующие курсы при роно и больших школах с обязательными лекциями для родителей по педагогике, медицине, психологии и праву. А Министерству просвещения разработать программу родительского всеобуча».** А может быть, надо утвердить Правила не только для школьников, но **Правила и для родителей** по воспитанию детей?

УРОК НА «ЗАРЕ»

В. Г. Трунина. Я хотела бы обратить внимание еще на такое обстоятельство, имеющее большое значение для правильного выбора профессии. Производственная практика наших старшеклассниц проходит на швейной фабрике «Заря». Девушек на фабрике встречают радушно. Но что они там делают? Свертывают и складывают пеленки и простыни. Слов нет, и такая операция нужна, но она ничему не научит. Другой случай. Наши бывшие ученики окончили ПТУ, получили разряд, но на заводе, куда поступили, заставили их начать все сначала.

Реплика. Неправильно это. В совхозах, например, механизаторам сразу дают класс.

В. Ф. Бабакин. На «АЗЛК» определяют на работу согласно полученному разряду.

В. П. Сериков. Интересная и неинтересная работа... Складывать пеленки и копать землю — это, конечно, неинтересно. А собирать приемник или налаживать робота увлекательно... Но нельзя обеспечить таким делом всех, надо смотреть правде в глаза. Скажу о себе. Я долго не мог определиться в жизни. Сначала хотел быть сталеваром. После войны поступил в Волгограде на «Красный Октябрь». Работу предложили тяжелую — грузчиком. Какое тут творчество? Но именно эта работа сделала меня выносливым и физически крепким. Когда приехал на Кольский полуостров, то стройка рудника в условиях полярной ночи, тундры и зверских морозов показалась мне легкой. Тут и нашел я себя, понял, что мое дело — строить. Мы, ветераны труда, должны думать о том, чтоб у наших детей таких уроков, как на фабрике «Заря», не было.

В. Г. Трунина. Очень важно, чтобы школьники видели результаты своего труда. Для этого, я думаю, необходимо **закрепить за школами предприятия**, чтобы они в обязательном порядке отвечали за всю полноту и серьезность шефской работы. Если уж устанавливать в школьных мастерских станки, то только современные и новые. И чтобы детали на них учащиеся обтачивали не в «корзину», а по конкретному плану, по конкретному заказу. Думаю, Валентин Федорович, шефам с любого мало-мальски развитого производства такая организация трудового воспитания в школах вполне под силу.

ЧТО МОГУТ ШЕФЫ!

В. Ф. Бабакин. Шефы действительно многое могут сделать для улучшения профориентации в школах. Но как подсказывает опыт нашего завода, наладить деловые отношения между предприятием и школой не так-то просто.

Для своей подшефной школы мы выделяем немало средств, даем новые станки, материал для работы. А результат? На завод к нам приходят единицы. Основное пополнение из базового ПТУ. Поэтому сейчас, как никогда, наше внимание должно быть направлено на школу — ведь и в ПТУ ребята приходят оттуда. И приобщать их к труду надо с начальных классов. А в том, что мало выпускников идут на завод, где-то и наша, шефов, вина. Значит, мы недостаточно заинтересовали их, говорили с ними на разных языках.

Дело тут, мне кажется, не только в том, чтобы поставить в школьных мастерских новые станки, поручать ребятам интересное, творческое дело. Важно, чтобы ребят к профессии приобщали опытные мастера производственного обучения. Думаю, это должны быть люди с производства. Ведь никто, кроме высококвалифицированного рабочего, не сможет рассказать школьнику просто и честно о своей специальности. Но вот в чем беда: нам не удается сохранить их заводскую зарплату.

Л. В. Солдатенко. А как вы обходитесь с мастерами, которых направляете с завода на преподавательскую работу в ПТУ? В училище они наверняка меньше получают?

В. Ф. Бабакин. Обычно мы доплачиваем им из фондов материального поощрения. Но такое может позволить себе большой завод, такой, как наш. Другие такой возможности не имеют. Мне кажется, что для заводов и фабрик, шефствующих над школами, необходимо узаконить дополнительные фонды — тут и снабжение новым современным оборудованием и поощрение передовых рабочих, ставших мастерами производственного обучения.

БРИГАДА — КЛАСС

В. П. Сериков. Рассказ о связях «АЗЛК» со школой и ПТУ напомнил мне страницы из жизни нашей бригады в Мурманске. Путь, который мы там прошли, не потребовал никаких материальных затрат, нужна была общественная активность. Все началось с обычного шефства над средней школой и ГПТУ строителей, страдавшим хроническим недобором учащихся. Цель была двоякая: помочь училищу и влить в сердца наших людей нравственную чистоту, какую способны привнести только дети. Приглашали к себе ребят на встречи с актерами, на читательские конференции. Устраивали диспуты. Позже к нашим делам присоединился коллектив театра, и встречи с ребятами проходили то в школе, то в училище, то в театре. К каждому классу и каждой группе прикрепили ответственных... Завели у себя экран успеваемости подшефных. Любая двойка вызывала тревогу. При подведении итогов соревнования учитывался не только план выполнения строительных работ, но и вклад в наставничество. Кстати, отражалось это и на заработке. «Ты в школу не ходил, работы там никакой не вел — вот тебе совет бригады снижает за это коэффициент трудового участия». Так на общем собрании решила сама бригада. Нашим лозунгом стало: «Если хочешь хорошо воспитывать детей — воспитай прежде всего себя!» У людей появился интерес к лекциям по педагогике.

Мы вводили ребят в курс наших дел, знакомили их со строительной технологией. Приглашали и родителей. Как-то мы отмечали день рождения сразу нескольких ребят — бывают такие совпадения. Преподнесли им подарки — часы. На глазах матерей выступили слезы. Я слышал, как одна из них сказала младшему сыну: «Вот видишь, как здесь ценят твоего брата...»

Весной ребята из ГПТУ вышли победителями в викторине по физике и химии. Престиж училища резко поднялся. На следующий год уже был конкурс при поступлении в ГПТУ. Да что дети — некоторые рабочие сами стали учениками: будучи уже сорокалетними, приобретали здесь профессию сварщика.

К чему я обо всем этом рассказал так подробно? Уверен, что для успешного осуществления школьной реформы, когда проект ее будет принят, понадобятся не только и не столько материальные средства, сколько душа...

СЛОВО УЧЕНОГО

В. В. Сериков. Слушая диалоги за нашим «круглым столом», еще и еще раз убеждаешься, как мудро поступила партия, когда вынесла проект школьной реформы на всенародное обсуждение. А оно стало подлинно всенародным, в нем участвуют люди самых разных возрастов, профессий и занятий. Подтвердилось это и за нашим «круглым столом». Немало было внесено предложений, кое с кем можно поспорить.

Однажды в беседе я услышал: «Не вижу связи между литературой и трудом. Например, какое отношение имеет Достоевский к трудовому воспитанию? Может, только самое отдаленное, косвенное?» Но ведь Достоевский заставляет размышлять о месте человека в мире. Разве может наш молодой современник не думать об этом? И никак нельзя согласиться с теми, кто полагает, что все проблемы воспитания школьников будут решены, если мы научим их работать продуктивно с позиции производства.

Согласен с Валентином Федоровичем Бабакиным и хотел бы поспорить со своим отцом: профессиональная подготовка требует немалых дополнительных материальных затрат.

И опять же хочется подчеркнуть справедливую мысль, что мастерами производственного обучения в школу должны быть направлены не просто рабочие с высоким разрядом, а люди с высокой идейной заряженностью, в полном смысле этого слова передовые рабочие. В противном случае может получиться конфуз. Недавно мой друг, директор сельской школы, рассказал такую историю. На урок профориентации пригласили знатного пастуха. Он очень интересно поведал ребятам, как любит свою профессию, какие смешные и трагические истории бывают. А закончил свое выступление так: «Одно советую вам, ребята, учитесь и учитесь. Не то, как я, в пастухи пойдете».

Конечно, передовой рабочий может сыграть в школе огромную роль, но только определенную. Думаю, что в наше время мало подготовить человека к труду. Важно, чтобы он был еще знаком с современными формами организации производства.

Справедливо говорилось в нашей беседе, что каждое свое действие в школе учитель должен направлять на развитие нравственных качеств ученика. Не стоит доказывать, какой это сложный, ювелирный процесс. Но, рассуждая о совершенствовании нравственного мира школьника, мы до сих пор не имеем досконально разработанной системы воздействия на нравственно-эстетическую сторону поведения молодой личности. Каждый учитель исхитряется как может. И получается, что там, где недопустимо дилетантство, мы порой поступаем по-дилетантски. На мой взгляд, Валентина Георгиевна Трунина совершенно справедливо подняла вопрос, что в нравственном воспитании детей одной школе без тесного союза с семьей — а я хочу добавить, и с общественностью — не управиться.

Много проблем стоит сейчас перед школой. Решить их во многом обязана предстоящая реформа. Отбор поступивших в ходе ее обсуждения предложений потребует большой осторожности, тщательного исследования разных точек зрения. И тут требуется самый тесный союз ученых и практиков.

Заседание за «круглым столом» вели
Г. КУЛИКОВСКАЯ, А. ПОПОВ.

ЕЕ ПОВСЕДНЕВНЫЕ ХЛОПОТЫ

Среди товарищей по «огненной профессии». Газосварщики Елена Дедидивка, Владимир Головко, Олег Стадниченко со своим бригадиром, депутатом Верховного Совета СССР.

На конвейере — холодильники. Во многих — труд мастера сварочного дела И. А. Невечеры.

Желто-голубое пламя газовой горелки в ее руках — как скальпель хирурга. Светозащитные очки опущены, в трубчатых хитросплетениях взгляд ловит нужную точку, и вот уже жало горелки впивается в металл, который под ним краснеет, становится оранжевым...

Бытует шутливое выражение: нет ничего занятнее, чем наблюдать, как человек работает. В каждой шутке есть доля истины. Трудно отвести взгляд, любуясь отточенным мастерством Ирины Алексеевны Невечеры. Я не зря сравнил пламя горелки со скальпелем. Одно неверное движение — и тонкая трубка сгорит под ним, как папиросная бумага. Чтобы работать так, как она, нужны годы и годы опыта.

Ирина Алексеевна пришла на завод сразу после школы; чтобы получить разряд, пришлось дольше походить в учениках, пока не исполнилось восемнадцать лет. Статная, уверенная в движениях, рассудительная дивчина быстро стала своим человеком в агрегатном цехе. Иначе и быть не могло: тут трудились газосварщиками ее старшая сестра и муж сестры, слесарем работал отец — бывший военный летчик, тут же, двумя месяцами позже Ирины, окончил курс ученичества Сергей Невечера — демобилизованный солдат, ставший ее мужем. Это о ее судьбе песня про «...заводскую проходную, что в люди вывела меня».

Семидесятые годы для Васильковского завода холодильников были сложным периодом. Предприятие выпускает мало распространенные у нас, да и во всем мире, абсорбционные холодильники: совершенно бесшумные, в них нет движущихся деталей. В принципе они надежнее, долговечнее. Но сам холодильный агрегат тут сложнее, с массой трубчатых переплетений, где каждый стык — главный. Потому-то профессия газосварщика и считается основной.

Молодой работнице приходилось нелегко: родился сын, потом дочка, муж по вечерам занимался в техникуме. Но никто не видел ее раздраженной. Работа в ее руках воистину горела. Бывают такие люди с неиссякаемым запасом душевной щедрости, рядом с которыми и окружающим легче дышится. В коллективе, где больше тридцати газосварщиков, многие из которых десятки лет трудятся на заводе, ее избрали бригадиром.

В цехах шла реконструкция, осваивалась новая, современная модель двухкамерного холодильника «Кристалл-9». И заслуга газосварщиков, что модель была освоена, пошла в серию.

В 1979 году коллектив завода предложил кандидатуру Ирины Алексеевны Невечеры в депутаты Верховного Совета СССР по Фастовскому избирательному округу, и избиратели не отказали ей в своем доверии. И вот снова она в числе тех, чьи имена назвал народ.

...Накануне вечером мы не смогли поговорить с Ириной Алексеевной: она ездила в Сквиру на встречу с избирателями. С утра же на рабочем месте, где она ловко орудовала острым жалом газовой горелки, разговора тоже не получилось — работа у нее такая, трудно отвлечься. Секретарь заводского парткома Александр Егорович Миронов рассказал мне, что Ирина Алексеевна и часть ее бригады осваивают новейшую модель холодильника «Кристалл-9М», который, сохраняя преимущества прежней модели, почти на треть меньше потребляет электроэнергии.

— Бригада Невечеры,— говорит он,— застрельщик многих добрых начинаний на заводе. Они первыми поддержали почин москвичей о коллективной ответственности за трудовую и производственную дисциплину, да и во всем другом... Посмотрите, как они экономно работают.

Присматриваюсь... В руках у Ирины Алексеевны остался огарок сварочной проволоки, но она его не выбрасывает. Берет новый пруток, подносит к торцу огарка и — чик! — сваривает в одно целое: ни грамма отходов.

После смены она поспешила в Дом культуры. Там проводился семинар сельских библиотекарей, и Ирину Алексеевну попросили рассказать о депутатской работе. А рассказать есть о чем. Она многое сделала, чтобы в Фастове был достроен наконец новый Дворец культуры, сооружена так необходимая городу овощная база; по наказам избирателей занималась вопросами газификации улиц в Василькове и Фастове...

В последнее время здесь все острее становится проблема сохранения исторических памятников. Через четыре года Васильков будет отмечать свое 1000-летие. В городе много мест, связанных с нашей отечественной историей. Сохранился дом, в котором жил декабрист С. И. Муравьев-Апостол. Высится у всех на виду прекрасный памятник архитектуры — Феодосьевский собор, построенный крепостным мастером С. Ковниром. Эти и другие памятники требуют ухода, реконструкции, внимания.

От Дома культуры до городского комитета партии сотня шагов. И по дороге домой Ирина Алексеевна зашла к первому секретарю горкома Михаилу Николаевичу Бурнышеву. Текущих дел у депутата, по которым полезно посоветоваться с партийным руководителем, всегда хватает... Но есть забота, которая уже давно тревожит местные власти. В последние годы проблемой номер один для Василькова стало водоснабжение. Город растет, и строительство каждого нового объекта, каждого жилого дома упирается в одно: где взять воду?

Разные предлагались проекты, но все сошлись на одном, наиболее реальном — получить необходимую воду за счет новых артезианских скважин. Проект готов, самый дешевый из обсуждавшихся. Но и он требует два с половиной миллиона рублей для своего воплощения. Таких денег у городского Совета нет. Выход один — строить за счет долевого участия предприятий. И тут требуется активная помощь депутата.

Лишь вечером, когда Ирина Алексеевна пригласила нас к себе домой, появилась возможность не спеша поговорить с нею. Дети готовили уроки, пришел с работы муж — Сергей Дмитриевич. Он возвращается с завода поздно. Это когда был газосварщиком, кончил смену, руки помыл — и домой... Вскоре после окончания вечернего техникума его назначили начальником агрегатного цеха.

— Может быть, и придется уйти на другую работу...— говорит он.— Семья у нас дружная, и кому-то из нас двоих надо быть дома пораньше. Да и подумать: я начальник цеха, жена в моем подчинении, а она — депутат Верховного Совета СССР... Тут есть свои сложности. В этом году ее выдвинули кандидатом в депутаты на второй срок...

Ирина Алексеевна в это время накрывала на стол и, выходит, опять была занята. А когда уселась вместе со всеми, мягко улыбнулась и сказала:

— А теперь можно спокойно поговорить обо всем.

С. КАЛИНИЧЕВ
Фото Н. КОЗЛОВСКОГО

Киевская область.

КРАЖА В БЕЛОМ ДОМЕ

Сергей ЛОСЕВ,
Виталий ПЕТРУСЕНКО

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

КРАТКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Борьба между Кейси и Бейкером подается американской печатью зачастую как соперничество видных представителей, если не лидеров, консерваторов и умеренных. Но факты не подтверждают наличия каких-то серьезных политических расхождений между Кейси и Бейкером, особенно во внешней политике США, принявшей, пока они участвуют в ее выработке в Совете национальной безопасности, черты государственного терроризма. Ярлык «умеренности» больше смахивает на уже знакомую политическую мимикрию.

* * *

Карьеристские соображения побуждают Бейкера и Стокмэна отстаивать честь мундира во внезапно вспыхнувшей (сами они ее никогда бы не начали) ссоре с Кейси.

Английская газета «Дейли телеграф» в июле прошлого года писала: «В Белом доме среди его сотрудников сейчас царит атмосфера взаимных упреков, обвинений и страха, что скандал может нанести ущерб планам самого Р. Рейгана добиваться своего переизбрания на президентский пост. Ходят слухи о том, что будут отправлены в отставку те или иные лица, которые, как кажется, замешаны в этом скандале».

Конечно, всякое может случиться. Но прогноз английской газеты может и не сбыться в силу той круговой поруки, которая, несмотря на перепалки между участниками скандала, приняла к концу 1983 года четко очерченные формы.

Чтобы сгладить спор между Бейкером и Кейси, в узком кружке, группирующемся вокруг президента, родился план применить к Кейси, Бейкеру и всем остальным проверку на «детекторе лжи». Ничего особенно удивительного в этом предложении не было — к подобной унизительной процедуре определения степени лояльности американских государственных служащих прибегают со времени «охоты на ведьм», проводившейся бесноватым сенатором Джо Маккарти. Эффективность «детекторов лжи» — предмет крайне спорный в Америке: в федеральных судах и судах 25 штатов данные, полученные на таких «детекторах» путем измерения пульса, кровяного давления, дыхания и потовыделения, не принимаются в качестве доказательства. Какова же тогда ценность такой проверки Кейси, Бейкера и К°, если даже она состоится? Чисто символическая, как предпоследний акт в грандиозном театральном спектакле под названием «расследование». Дескать, ФБР не забыло про «детектор лжи», поэтому можно переходить к финалу. Министерство юстиции объявляет, что нарушений законов не было, и в подтверждение выпускает гору «документов» — собеседования агентов ФБР с президентом, директором ЦРУ и другими. Это предстоит сделать министерству юстиции уже при новом руководителе.

Смит мотивировал свою отставку в конце января желанием вернуться к частной юридической практике в Калифорнии. Выразив глубокое сожаление об уходе своего «близкого друга и давнего советника», Рейган подчеркнул, что он счастлив, имея возможность назначить Миза его преемником. Итак, человеку, который был непосредственно замешан в использовании краденых бумаг Картера, предстоит завершить «расследование».

Администрация встретила улюлюканьем требования Картера назначить специального независимого прокурора. Чем это было опасно? Опыт уотергейтского дела показал, что, хотя Белый дом, подбирая кандидата на такую роль, отыскивает вроде бы безопасного для себя деятеля, гарантии полного контроля над ним нет. Поэтому вопрос о специальном независимом прокуроре свелся к ответу Белого дома, существо которого можно сформулировать так: только через наш труп.

СХОДСТВО И РАЗНИЦА С «УОТЕРГЕЙТОМ»

Белый дом и министерство юстиции жали на все педали, чтобы приглушить, а если удастся, то и совсем прихлопнуть и без того довольно хилое расследование, которое родилось на противоположном от Белого дома конце Пенсильвания-авеню, там, где на Капитолийском холме правит конгресс США. Одна из подкомиссий палаты представителей конгресса сделала робкую заявку на выяснение обстоятельств того, каким образом могли очутиться в лагере Рейгана около 300 страниц из ориентирующего справочника Картера и свыше 1000 страниц документов Совета национальной безопасности.

Рейгановские блюстители этики и закона сразу же приписали председателю подкомиссии конгрессмену Дональду Элбосте интриганство, погоню за национальной славой, попытку оболгать руководителей «великой старой партии». Много Элбоста пока не сделал (у него всего четыре помощника-расследователя), но его запрос по крайней мере высветил, как луч прожектора, грызню в окружении президента: в письменных ответах Бейкер указал на Кейси, Кейси же все отрицал. Противники Элбосты особенно стараются не допустить публичных слушаний, когда Кейси, Бейкеру, Гергену и другим пришлось бы отвечать на вопросы конгрессменов при таком неприятном свидетеле, как телевидение.

Всячески осаживал Элбосту и «главнокомандующий» палаты представителей, ее спикер Томас О'Нейл. Хотя они оба из одной — демократической — партии, спикер обозлен на Картера, он пуще огня боится уголовной свары вокруг Кейси и Рейгана. Но на Капитолийском холме нет полного спокойствия. Семь членов палаты представителей потребовали в ноябре 1983 года импичмента Рейгана, то есть суда конгресса, кончающегося обычно смещением президента. В сенате среди республиканцев, располагающих там большинством, царит далеко не оптимистическое настроение. Некоторые сенаторы опасаются, что рано или поздно всплывут подробности махинаций отнюдь не лестного свойства для главных персонажей «разведывательной операции» Кейси.

Как эхо этих настроений прозвучало заявление главного редактора газеты «Вашингтон пост» Бенджамина Брэдли. «Я,— заявил Брэдли,— абсолютно убежден, что мы всего не знаем. Пока я не поверю, что больше ничего нет, политика газеты будет держать репортеров на данном деле».

Поживем — увидим. Задористость Брэдли вполне может быть напускной и диктоваться стремлением отвести от себя обвинения в том, что нынешний «рейгангейт» освещается (иногда неделями ни строчки) и расследуется (расследуется ли вообще?) его газетой, единственной в Вашингтоне, во сто крат безболезненнее для нынешнего Белого дома, чем «Уотергейт» для никсоновского. Если у Брэдли все же сохраняется какой-то настрой заглянуть в тайники «Циклона», то у судов не видно даже проблесков интереса, что образует довольно странную юридическую пропасть между «Уотергейтом» и «рейгангейтом», странную уже хотя бы потому, что в американском (как и вообще англосаксонском) праве прецеденты играют роль, не уступающую законам.

Наказание Митчелла, основных советников и помощников Никсона служит прецедентом. Они могли бы служить определенным ориентиром и мерилом в подходе американской Фемиды к преступлениям, связанным с политическим шпионажем и хищением президентских документов. Могли бы, но...

В который раз нам приходится отходить немного в сторону, делать отступления, чтобы в хищении президентских документов выделить то типичное и то специфическое, что связывает его с американской политической реальностью. Когда в 1972 году республиканцы совершили проникновение (брейк-ин), а проще говоря, вломились в штаб-квартиру национального комитета демократической партии, пересняли там документы, установили подслушивающие устройства на двух телефонах, то после разоблачения и осуждения их акций встал вопрос, насколько часто совершаются в столице подобные «грязные трюки».

«Уотергейтцы» сидели уже за решеткой, Белый дом был в осаде, и никсоновцам было не до новых брейк-ин, а политическая уголовщина не спадала. Журнал «Ньюсуик» констатировал, что на рубеже 60—70-х годов лишь ФБР совершило в районе Вашингтона свыше 1500 тайных противозаконных проникновений в политических целях. Накануне и сразу же после отставки Никсона прессой было зафиксировано 100 проникновений, в которых подозревалось прежде всего ЦРУ.

Объектами уголовно-политического внимания были: канцелярии сенаторов, политических и общественных организаций, квартиры политиков, юристов, журналистов и т. п. Не пропадали драгоценности, деньги, ценные вещи. Рылись в бумагах, архивах, документах. О многих попытках разбоя их жертвы умалчивают. Кроме «уотергейтцев», ни один преступник, совершивший проникновение, политический шпионаж, кражу документов, пойман за последние 10 лет не был! А значит, и осужден не был! Значит, так надо хозяевам Америки!

Один из самых дотошных исследователей уотергейтского дела, Роберт Финк, позволил себе остроумную, но язвительную мысль: «Политическое проникновение в национальный комитет демократической партии уникально только в том, что известны и наказаны совершившие его преступники».

Но проникновение совершается не ради проникновения. Оно во всех акциях — лишь технический прием в целях хищения политической информации. Митчелл, возглавлявший предвыборную кампанию, сразу же после поимки похитителей заявил, что они совершили налет без его разрешения и что добытые ими документы никакой ценности не представляли. Никсон пошел сразу же дальше, он охарактеризовал акцию в «Уотергейте» как глупость, так как никаких серьезных документов за два месяца до съезда демократической партии там быть не могло.

Никто из участников репетиций Рейгана перед телевизионными дебатами не взялся серьезно доказывать, что хищения в Белом доме не было или что ориентирующий справочник Картера и документы Совета национальной безопасности были менее ценной добычей, нежели текущие бумаги, добытые «уотергейтцами» из гроссбухов демократов.

Бывший помощник Картера по национальной безопасности З. Бжезинский заявил, что то, что тащили у него из-под рук, несло на себе печать высшей государственной важности. Сами рейгановцы, будучи у власти, крайне

Окончание. См. «Огонек» №№ 4—7.

чувствительны к «утечкам» такого рода информации. Подозреваемых прогоняют через «детектор лжи», невзирая на звания.

Парадоксально, но факт: тот, кто санкционировал кражу документов Совета национальной безопасности в 1980 году, в ноябре 1983 года учинил всестороннее расследование «утечки» информации о ходе заседания Совета национальной безопасности от 11 сентября, на котором президент Рейган разрешил пиратские налеты американских ВВС на позиции национально-патриотических сил и сирийского воинского контингента в Ливане. Рейган лично направил министру юстиции У. Смиту письмо с предписанием «использовать все средства» для выявления виновных в нарушении закона о государственной тайне. В письме говорилось, что самовольное разглашение сугубо секретной информации СНБ ставит на карту национальную безопасность США. ФБР подвергло допросу высокопоставленных официальных лиц Белого дома, СНБ, министерства обороны и ЦРУ — всех, кто присутствовал на заседании Совета национальной безопасности 11 сентября. Объектом расследования стала газета «Вашингтон пост» и три крупнейшие американские телевизионные компании, которым попутно «рекомендовали» больше не заикаться о «рейгангейте». По словам «Вашингтон пост», тех, кого допрашивали, «предупредили, что само расследование засекречено и любые разглашения могут привести к самым серьезным последствиям...».

Занавес секретности понадобился администрации, по-видимому, для того, чтобы кто-нибудь не подумал провести сравнение или параллель между кражей 1980 года и «утечкой» 1983 года. Ибо в зеркале такого сравнения замалчивание «рейгангейта» многим американцам покажется недопустимым.

К проникновению, сыгравшему фатальную роль в государственной карьере Никсона, приложило руку вездесущее ЦРУ. В той сложной игре, которую оно вело в Вашингтоне против политики разрядки международной напряженности, ему нужно было орудие для шантажа Никсона. И оно его заполучило, внедрив своих сотрудников-отставников в команду, проникшую в «Уотергейт» [1], но специальный прокурор по уотергейтскому делу и суды стыдливо отвели глаза от нечистых махинаций ЦРУ, направленных против тогдашнего президента.

В 1980 году под командованием Кейси — Хьюджела также орудовали отставники из ЦРУ, ФБР и других спецслужб. И это свидетельствует о том, что во внутриполитической борьбе силы реакции все активнее пускают в ход такое орудие монополий, как разведка, которая, согласно американским законам, должна действовать лишь за пределами Соединенных Штатов.

В первом случае ЦРУ было использовано для дискредитации Никсона и проводившейся им политики разрядки международной напряженности. Во втором случае верные Кейси элементы из Лэнгли били по Картеру, выполняя наказ тех правящих кругов, которые считали, что он недостаточно энергично и последовательно проводит политику антиразрядки.

В обоих случаях удары наносили по уже пошатнувшимся, но все еще остававшимся у власти президентам. Однако на этом сходство двух ситуаций и кончается.

В уотергейтском скандале Центральное разведывательное управление действовало против Никсона. Для этого, кроме всего прочего, были и личные причины: кадры ЦРУ были обозлены смещением Хелмса с поста директора управления и переводом его на должность посла в Иране.

Совсем иной расклад сил получается в «рейгангейте». Аппарат ЦРУ и нынешний его директор У. Кейси — видимо, главный организатор кражи документов Картера — используют все рычаги власти для того, чтобы воспрепятствовать расследованию и не допустить, чтобы демократическая партия использовала это скандальное дело против Рейгана в предвыборной кампании 1984 года.

Поэтому, несмотря на то, что грязных аморальных и криминальных дел Кейси энд К° натворила даже больше, нежели Митчелл энд К°, на весах американской юриспруденции и истории чаша с «Уотергейтом» пока явно перетягивает чашу с «рейгангейтом». Хотя по их реальному весу должно быть наоборот.

А как чувствуют себя те, кто прибегает к кавер-ап — сокрытию фактов, относящихся к преступлению? Первая волна беспокойства от них, кажется, отхлынула при виде того, как надели намордник на средства массовой информации. Причина веская: американская политическая система, слышатся голоса газетных магнатов, не выдержит двухъярусного «Уотергейта». «Мы,— писала в передовой статье газета «Уолл-стрит джорнэл»,— рискуем войти в историю как первая цивилизация, задушившая себя неистовым поклонением этике» (?!).

Под рубрикой «эссе» публицист с фамилией, отдающей средневековым королевским саном,— Уильям Генри III получил завидную трибуну — самый читаемый в Америке еженедельник «Тайм». Он выговаривал журналистам, пишущим о «рейгангейте» и «упивающимся» этим. Корреспонденты, уверяет он, «чрезмерно возбуждены охотой на большого зверя», а посему охота должна быть прекращена. Хотя «политика не оправдание для уголовного преступления», «этическому абсолютизму» нет места в американской политике. С точки зрения такого «права», журналисты, по мнению Уильяма Генри III, занимаются ханжеством и лицемерием, пытаясь докопаться до сути дела. «Охота на большого зверя» не даст ничего, кроме «тривиальной информации». Но если это так, то почему же наш публицист не раскрыл «тривиальной информации» о том, от имени кого он выступает? Можно допустить, что «эссе» Уильяма Генри III носит установочный характер. Он точно не говорит, когда в последний раз опустится занавес, но как бы гарантирует, что зрители — американский народ — какой-либо неожиданной развязки в финальных сценах не получат.

* * *

В политическом театре занавес над «рейгангейтом», по-видимому, должен опуститься скоро. Но окончится ли спектакль? Как отмечает еженедельник «Ньюсуик», в деле о краже в Белом доме «Кейси может знать намного больше, чем он делает вид». Кладезь знаний есть и у других соучастников «рейгангейта». Видимо, не случайно Макс Хьюджел, например, прячется от репортеров. Но как он и другие поведут себя, если их, скажем, вызовут в конгресс? И как в конечном счете поступят кандидаты от демократической партии на финишной прямой предвыборной кампании?

* * *

Позиция большинства участников невеселой истории не только незавидна, но и противоречива. Ушедший в отставку Герген, у которого в архиве обнаружено свыше 1000 страниц конфиденциальных бумаг Картера, хочет что-то сказать в свое оправдание, но боится мести влиятельных кругов и даже, видимо, суда. Таким образом, можно ожидать, что кто-то заговорит, но может статься, что все сохранят молчание.

Символом противоречивости стали отношения между Кейси и Бейкером. Видимая и скрытая дуэль между ними продолжается. Еще в самом начале вспыхнувшего скандала они встретились в Белом доме и пришли к выводу, что это дело может обернуться «крупной политической неприятностью для президента». Оба деятеля были согласны, что на пользу президенту пошло бы, если бы кто-то «принял удар на себя». Желающих не нашлось. «Моя совесть чиста»,— повторил перед Новым годом Кейси. «Моя тоже»,— эхом откликнулся Бейкер. «По-видимому, один из них лжет»,— заявило тогда же газетчикам некое крупное официальное лицо из министерства юстиции.

В нынешней накаляющейся предвыборной обстановке, когда нареканий и критики в адрес Белого дома хоть отбавляй, многим в администрации хотелось бы забыть о политическом скандале. Удастся ли им это сделать — ответ на данный вопрос даст лишь дальнейшее развитие событий.

[1] См. об этом подробно: С. Лосев, В. Петрусенко, «Западня на Потомаке», «Огонек» №№ 5—10, 1983 год.

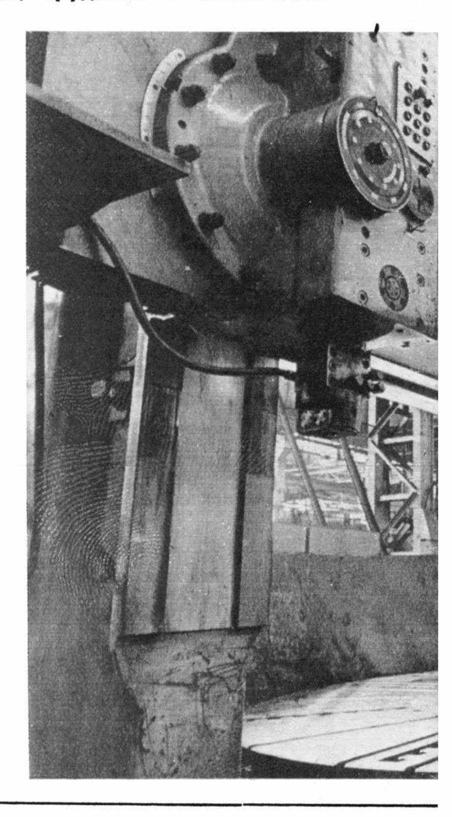
«ЛИШНИЙ» ДЕНЬ ФЕВРАЛЯ. ЧТО ДАСТ ОН СТРАНЕ?

Первый заместитель начальника Центрального статистического управления СССР, доктор экономических наук М. КОРОЛЕВ отвечает на вопросы корреспондента «Огонька» Виталия ЗАСЕЕВА

●

— В печати были опубликованы итоги выполнения Государственного плана экономического и социального развития СССР в 1983 году, которые вновь подтвердили, что народным хозяйством нашей страны достигнут новый подъем, обеспечивший значительный рост благосостояния советских людей. Хотелось бы знать, Михаил Антонович, а каковы итоги первого месяца четвертого года пятилетки?

— Январь показал, что по всей стране идет успешное претворение в жизнь решений декабрьского (1983 года) Пленума ЦК КПСС по досрочному выполнению и перевыполнению плана за счет мобилизации имеющихся резервов ускорения научно-технического прогресса, укрепления плановой, трудовой и технологиче-

ИСПЫТАТЕЛЬ

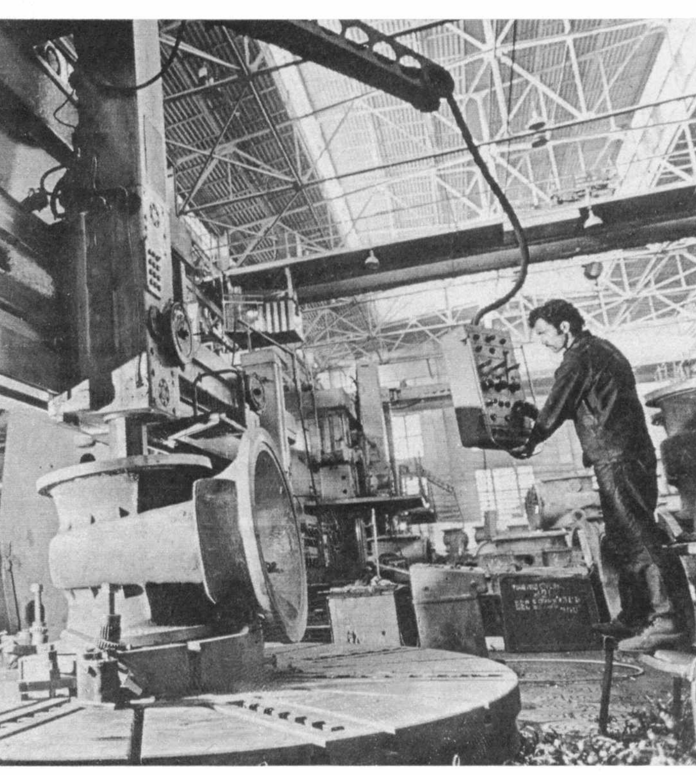
ской дисциплины, развития бригадной формы организации и стимулирования труда.

Общий объем промышленной продукции в стране в сопоставлении с январем прошлого года увеличился на 5,2 процента, а производительность труда за этот же период возросла на 4,9 процента. Весомым вкладом в развитие экономики страны явилась инициатива передовых предприятий, решивших обеспечить повышение производительности труда сверх плана не менее чем на один процент и снизить себестоимость продукции дополнительно на полпроцента. Эта инициатива воспринята с энтузиазмом всеми трудовыми коллективами и положена в основу новых социалистических обязательств повсеместно по всей стране.

Давайте переведем проценты в более зримые исчисления. Возьмем электроэнергию. В сопоставлении с январем прошлого года ее выработано в стране почти на семь миллиардов киловатт-часов больше. На двести пятьдесят промышленных роботов выпущено больше, чем в первый месяц прошлого года. Ткани всех видов дополнительно выработано столько, что в нее можно было бы одеть население двух таких городов, как Москва. Значительны успехи и в производстве мяса и молока. В соотношении с январем прошлого года в стране произведено на 63 тысячи тонн больше мяса и почти на пять тысяч тонн масла. Около семидесяти тысяч семей получили дополнительную возможность приобрести телевизоры...

— И еще один вопрос, Михаил Антонович. В старину двадцать девятый день февраля считался самым несчастливым. Люди пытались «ублаготворить немилостного Касьяна», дабы не было в доме бед и разорений, убытков и несчастий...

— Для советских людей ныне любой день месяца становится счастливым, потому что он несет дополнительные блага. И хотя еще 29 февраля не наступило, можно с уверенностью сказать, что в этот день наша страна выработает более четырех миллиардов киловатт-часов электроэнергии, добудет свыше двух миллионов тонн угля. Наши металлурги выплавят четыреста восемь тысяч тонн стали и свыше трехсот тысяч тонн чугуна. Две тысячи двести шестьдесят тракторов отправятся на поля страны, а в магазины поступит дополнительно более двадцати тысяч холодильников, почти тридцать шесть тысяч радиоприемников и столько же телевизоров всех марок. Три миллиона пар кожаной обуви даст промышленность покупателям, и шесть миллионов квадратных метров льняной и шерстяной ткани поступит на прилавки магазинов. Как видите, характер у Касьяна в наши дни очень изменился...

Отлично поработал в феврале коллектив завода «Пензтяжпромарматура».

Фото М. Савина

Совхоз «Гвардейский»... О многом говорит уже само название хозяйства. Оно организовалось четыре года назад на базе одного из отделений известного на Алтае целинного совхоза «Комсомольский».

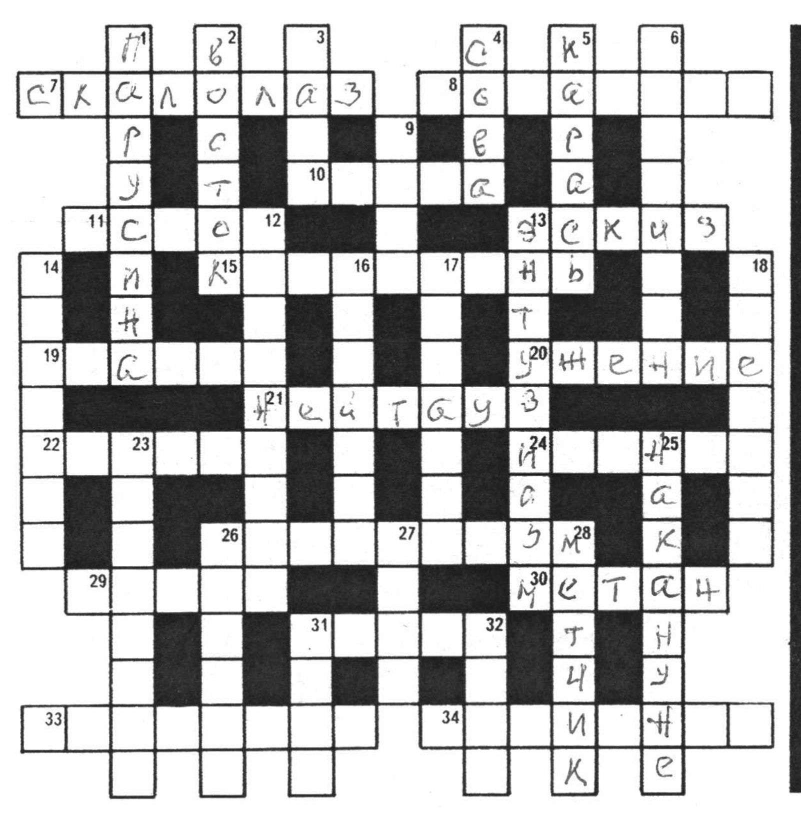
«Гвардейский» юн. Но живут в нем люди опытные и умелые — целинники. Без преувеличений, живет в нем хлеборобская гвардия. Такие, как Иван Филиппович Чудиновских. Механизатор первого класса, блестящий знаток техники.

Более двадцати лет он растил хлеб на целинных алтайских полях. Любовно и трепетно его отношение к земле. Высокая гражданственность и совестливость всегда отличали механизатора Чудиновских. Не случайно полтора года назад совет конструкторского бюро Алтайского моторостроительного производственного объединения пригласил Чудиновских испытывать новые моторы. Иван Филиппович ставит их на тракторы и «обкатывает» в полевых условиях. От чуткого слуха механизатора, от его внимательных глаз и заботливых рук не «скроется» ни один дефект.

Иван Филиппович по-прежнему живет в родном селе, по-прежнему его рабочий день начинается в совхозной мастерской. Как и прежде, он не обойдет молодого механизатора добрым советом, мудрым наставлением, конкретной практической помощью. Ведь он испытатель. Мастер.

П. АЛЕКСАНДРОВ

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Спортсмен-альпинист. 8. Народная артистка СССР, выступающая в Малом театре. 10. Повторяющаяся ритмическая единица стиха. 11. Лекарственное растение, пряность. 13. Предварительный набросок картины. 15. Состав продукции по маркам, профилям, размерам. 19. Архитектурное сооружение больших размеров. 20. Ловля рыбы. 21. Основоположник советской пианистической школы. 22. Плоский срез кормы яхты, шлюпки. 24. Река в Италии и Югославии. 26. Раздел физики. 29. Государство в Южной Азии. 30. Углеводород, горючий газ, сырье химической промышленности. 31. Поверхность шара. 33. Минерал, руда тантала. 34. Декоративное обрамление окна.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Плотная льняная ткань. 2. Серия советских искусственных спутников Земли. 3. Комедия-водевиль. 4. Ночная птица. 5. Рыба семейства карповых. 6. Герой пьесы В. В. Иванова «Бронепоезд 14-69». 9. Приток Ангары. 12. Понятие, характеризующее физические силовые поля. 13. Воодушевление в достижении определенной цели. 14. Фотографическое изображение. 16. Советский юрист, академик. 17. Ценный поделочный камень. 18. Поэтесса и драматург, народный писатель Туркмении. 23. Система физических упражнений. 25. Роман И. С. Тургенева. 26. Центр автономной области. 27. Художник кино, народный художник СССР. 28. Инструмент для нанесения внутренней резьбы. 31. Спортивная гоночная лодка. 32. Композитор, автор балета «Жизель».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 7

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Диспетчер. 6. Пума. 7. Саржа. 8. Реут. 10. Вазов. 11. Гермес. 13. Кабина. 15. Бисер. 17. Треска. 18. Болеро. 19. Севан. 20. Боткин. 22. Лампас. 24. Штифт. 26. Яйла. 27. Русло. 28. Юмор. 29. Верещагин.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Душанбе. 2. Стасов. 3. «Чапаев». 4. Рубрика. 5. «Прозаседавшиеся». 6. Палеонтология. 9. Трансформатор. 12. Материк. 14. «Бурелом». 15. Брасс. 16. Рубин. 21. Инсаров. 23. Артюхин. 24. Шербур. 25. Творог.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Алтайский край. Целинник, испытатель новой техники Алтайского моторостроительного производственного объединения в совхозе «Гвардейский» И. Ф. Чудиновских. (См. в номере материал «Испытатель».)

Фото В. Садчикова (ТАСС)

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: С горки!

Фото Г. Калачьяна (ТАСС)

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление при участии Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13; Отдел прозы — 212-63-69.

Сдано в набор 06.02.84. Подписано к печати 22.02.84. А 00325. Формат 70×108⅛. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 10,87. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 685 000 экз. Изд. № 610. Заказ № 2112.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ДО СВИ

Фото А. БОЧИНИНА, специального корреспондента «Огонька»

Итак, XIV зимние Олимпийские игры теперь принадлежат истории. Это была, бесспорно, одна из самых интересных Белых Олимпиад. Во многих видах борьба шла буквально за мгновения, за сантиметры. Специалистам сейчас предстоит большая работа: проанализировать выступления спортсменов на Играх, тенденции в развитии отдельных зимних видов спорта. А мы пока вспомним самые волнующие моменты Олимпиады.

Две золотые и две серебряные медали отправились в копилку Карин Энке. Соревнования по скоростному бегу на коньках среди женщин были, как отмечали югославские газеты, своеобразным турниром между сборными ГДР и СССР. И в нем наша конькобежная команда уступила соперницам.

Фигурное катание всегда пользовалось особым вниманием поклонников зимних видов спорта. Не остались разочарованными зрители в Сараеве и почти два миллиарда телезрителей и на этот раз. Высокую оценку дала мировая печать выступлению нашей «золотой» пары — Елены Валовой и Олега Васильева. Острый спор за награды вели танцевальные пары. Олимпийские состязания стали в определенной степени повторением недавнего чемпионата Европы. Под овации зрителей прокатали свою произвольную программу наши Наталья Бестемьянова и Андрей Букин. Но ответ трехкратных чемпионов мира был еще более убедительным — после их программы все девять судей выставили им за артистичность высший балл — 6.

Английские танцоры Д. Торвилл и К. Дин недаром считали своими основными соперниками, кроме Бестемьяновой и Букина, молодых москвичей Марину Климову и Сергея Пономаренко. Дебютанты Олимпиады с большим вдохновением исполнили композицию на музыку Кальмана и завоевали третье место.

Лыжные эстафеты всегда привлекают внимание публики. К сожалению, наши команды, которые редко когда проигрывали ранее, сильно огорчили. Мужчины остались ныне без золотых наград, а женщины вообще без медалей. Поражение женской сборной выглядит особенно удручающим. Норвежки оказались намного сильнее всех соперниц.

Зато советские биатлонисты, как и на всех предыдущих Олимпиадах, одержали победу — на этот раз в драматической борьбе. После того, как хорошо бежавший А. Шална умудрился в стрельбе стоя восемью патронами поразить лишь три мишени, С. Булыгину надо было совершить почти невозможное, чтобы выйти вперед, и он сумел это сделать.

Достоин восхищения бег Игоря Малкова на дистанции 10 тысяч метров. Проиграв признанному фавориту из Швеции С.-Т. Густафссону на 5 тысячах метров с разницей всего в 0,02 секунды, юный конькобежец из города Первоуральска, которому 9 февраля исполнилось всего 19 лет, взял реванш. Это можно считать очень многообещающей победой.

Если вспомнить, какой день был самым необычным на Олимпиаде, то это день, когда серебряную награду получил югославский горнолыжник Юре Франко, ставший вторым в гигантском слаломе. Это первая олимпийская медаль югославского спортсмена за все годы участия югославских спортсменов в зимних Олимпиадах.

Как бы ни складывались дела на лыжне, ледяной дорожке и на других олимпийских аренах, миллионы любителей спорта в СССР всегда с особым интересом ждут вестей с хоккейного турнира. И тут нам есть чем их порадовать. Советская команда завоевала высшие награды, показав при этом блестящую игру.

Золотую олимпийскую медаль Владислав Третьяк получил в третий раз! До этого по три высших награды Олимпиад во всем мире имели лишь четыре спортсмена, и все советские — защитники Александр Рагулин, Виктор Кузькин и Виталий Давыдов и нападающий Анатолий Фирсов. Теперь в этой славной когорте появился и вратарь.

В прошлом репортаже с Олимпиады мы рассказали о первых

И. Малков победил на дистанции 10 тысяч метров.

Бобслей. Советский экипаж — З. Экманис и В. Александров.

трех матчах с участием сборной СССР, далее события развивались практически так же, как и на старте турнира. В четвертом туре групповых соревнований советские хоккеисты победили сборную ФРГ — 6:1, в пятом шведов — 10:1.

Когда окончился матч, тренер скандинавов А. Парстрем подошел к В. Тихонову, пожал руку и сказал: «Спасибо за урок!» Какой урок, объяснять не требовалось. Да, у шведов больше двух десятков хоккеистов, выступающих сейчас в профессиональных клубах за океаном, но все же так убедительно, так, сказали бы мы, классически их обыграть, как это было сделано 15 февраля на катке «Зетра» олимпийскими чемпионами в Сараеве, никому не удавалось.

В привычном стиле провели советские хоккеисты матч с канадцами. Состав сборной «Кленовых листьев» мало изменился по сравнению с декабрьским турниром «Известий», но в качестве игры она заметно прибавила. Об этом говорит хотя бы одна деталь: первую из своих четырех «сухих» шайб нашим мастерам удалось забить лишь на 32-й минуте.

Решающим матчем турнира, своего рода финалом Олимпиады, как и ожидали многие, стал поединок между сборными СССР и ЧССР. Чехословацкие хоккеисты вот уже два года играют практически в неизменном составе. Тренерам удалось отобрать в сборную талантливую молодежь, научить ее играть разнообразно и не страшиться жесткости соперников.

Советские стреляющие лыжники-биатлонисты вновь завоевали золотые медали. Слева направо: Юрий Кашкаров, Дмитрий Васильев, Альгимантас Шална и Сергей Булыгин.

ДАНИЯ, ВУЧКО!

Перед матчем шансы сторон мы бы оценили так: по мощи команд — 70:30 в пользу советских хоккеистов, имеющих в своем составе таких «звезд», как Третьяк, Фетисов, Касатонов, Макаров, Ларионов, Крутов, Кожевников, и других. По психологической ситуации — 70:30 в пользу соперников. Чехословацких хоккеистов за «серебро» никто не осудит, они могли играть спокойно. Советских хоккеистов, возвратившихся домой с Олимпиады второй раз подряд без золота, болельщики не поняли бы, и они, естественно, выходили на решающий матч с большим волнением.

На старте Олимпиады мы спрашивали у тренеров, игроков: не слишком ли вяло чемпионы мира проводят вторую половину матчей?

— Все в порядке,— успокаивали наши собеседники,— ведь надо поберечь силы к решающему поединку.

У нашей команды хватило сил и твердости духа, и советские хоккеисты вернули себе титул олимпийских чемпионов, с которым ненадолго расстались после Игр в Лейк-Плэсиде.

Олимпиада в гостеприимном Сараеве принадлежит истории. До свидания, Вучко!

В. БЕСКРОМНЫЙ,
В. ДВОРЦОВ,
спецкоры «ТАСС»,—
для «Огонька»

Вучко позирует.

Стартует Раиса Сметанина.

На пьедестале почета танцевальные пары: Н. Бестемьянова и А. Букин (СССР), Д. Торвилл и К. Дин (Великобритания), М. Климова и С. Пономаренко (СССР).

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663